

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.В. Соколов

НОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ В ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (С ОСНОВАНИЯ И ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Санкт-Петербург
2008

УДК 908

Соколов В.В. Новационные идеи в истории Санкт-Петербурга.
(С основания и до наших дней). – СПб.: изд. РГГМУ, 2008. – 295 с.

ISBN 978-5-86813-236-0

Рецензент: Цамутали А.Н., д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. Институт истории РАН СПб филиал).

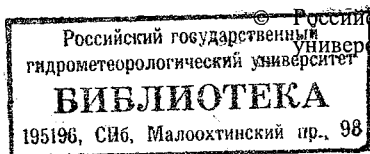
Предлагаемая работа обращена к истории Санкт-Петербурга в непривычном ракурсе – его новаторскому стилю, сопровождавшему более чем 300-летнюю историю города. Автор стремился рассказать о традиции формирования и развития новаторства в разных сферах жизни Санкт-Петербурга – культуре, науке, технике, градостроении и многом другом. В череде тех, кто его формировал за 300 лет истории – Академия наук, Русское географическое общество, Вольное экономическое общество, настоящий бум просветительских организаций и образовательных учреждений на рубеже XIX–XX веков. В новационном русле истории города можно выделить много интереснейших людей, оставивших в ней свой заметный след. Автор выбрал лишь несколько наиболее заметных проявлений этого качества, столь прочно впитавшихся в историю Санкт-Петербурга.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, всех тех, кому по душе город, любовно именуемый его жителями – Питер. Книга дает сведения о ряде выдающихся личностей, живших в городе на Неве и менее известных широкой читательской аудитории.

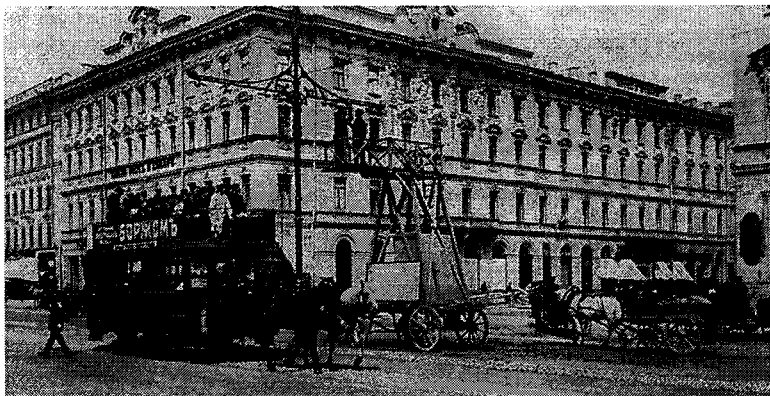
Многие выводы автора, возможно, читателю покажутся не только непривычными, но и дискуссионными. Но для того и существует форма создания книги об известном на основе иного, нестандартного взгляда.

ISBN 978-5-86813-236-0

© Соколов В.В., 2008

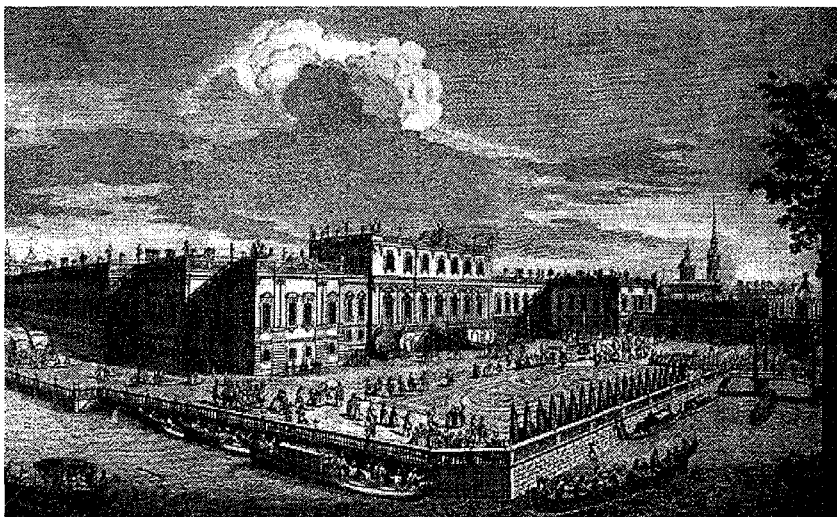
© Российский государственный гидрометеорологический университет, 2008

Сразу и попробуем окунуться в атмосферу очень большого столичного города. Конечно, здесь тот же Питер, хоть и, увы, незнакомый современному читателю – на рубеже XIX–XX веков – уже большой, широко, просторно размещенный по берегам привольной реки Невы, между Балтикой и Ладогой. Если не хотите пешком – поехали. Лошади привычно и сочно зацокают копытами. Хотя над ними рабочие уже тянут электрические провода для трамваев, вокруг почти узнаваемые петербургские перекрестки.

Вот вам и первые сюрпризы – нет «пробок», на широких улицах непривычно просторно и малоллюдно – *работают* люди. Как, впрочем, нет и реклам. А в звуковой палитре слышится скорее цоканье копыт, поскрипывание экипажей, нежели урчание бесконечного потока моторов. Итак – в путь.

Посвящаю памяти моей мамы – Соколовой Людмилы Ивановны и сыну Коле – частицам поколений питерцев, в которых героическое прошлое оживляется надеждами на лучшее будущее Санкт-Петербурга – дивного творения России, всего человечества.

К читателю

Санкт-Петербург не только элегантен и корректен как джентльмен, но неизменно отличается консерватизмом и новаторством¹. Это внутренне противоречие неизменно проходит через его 300-летнюю историю. Такое его свойство чаще спрятано за благородством облика архитектурных одежд, столичным блеском, мощностью власти. И лишь немногие иногда замечают подобное качество, словно блеск клинка, направленного рукой истинного мастера точно в цель.

Основанный в начале *переходного* XVIII века, Санкт-Петербург должен был исполнять локальные военные и административ-

¹ Автор употребляет это слово в том значении, какое дает нам «Российский энциклопедический словарь»: «новация» (от позднелат. *novatio* – обновление, изменение), 1) что-либо новое, только что вошедшее в обиход, новшество. Ныне чаще используется слово «новационный», что близко к используемому в книге.

ные задачи. Вскоре, однако, получил статус столичного града. Россия уходила от своего средневековья к неким тогда еще туманным, но уже ощутимым по многим признакам, иным реалиям. Их порождали далеко не только отдельные правители, но глубокие внутренние потребности самой России в просвещении, развитии экономики, науки и техники. В мире менялись контуры европейской цивилизации, которая уже начинала обращать свой интерес к новым видам энергии, ибо источники привычной лошадиной силы и воды явно не могли удовлетворить потребности растущей промышленности. За этим следовали средства транспорта, формы архитектуры и еще многое другое. В начале XVIII века швед Э. Сведенборг предложил проект судна на воздушной подушке, а в Англии Генри Милл изобрел первую машинку для печатания букв, прототип пишущей, о чем ему был выдан в 1714 году патент. Еще не ставший великим Ньютон сформулирует «второй закон механики», в соответствии с которым «изменение количества движения пропорционально приложенной силе», что даст начало дифференциальному исчислению. Столь привычный другой его закон – всемирного тяготения – при доказательстве использовал формулу центробежной силы, полученную ранее Гюйгенсом. Честь создания дифференциального исчисления разделят Ньютон и знаменитый немецкий Лейбниц. Совершенствование часового механизма дает толчок к созданию автоматических устройств в производстве. На дороги Европы вышли первые дилижансы и омнибусы, предпринятые первые попытки использования парового двигателя в кораблестроении, заметно совершенствуется производство и рецептура изготовления бумаги, без которой было бы немисливо развертывание просвещения. Англичанин А. Дерби-младший применил кокс для доменной плавки – в Европе уже катастрофически ощущается нехватка древесины. Цивилизация *изворачивается* из очередного витка уже ощутимого *кризиса* в своих отношениях с природой, а главное – из выросших на устаревшей основе новых хозяйственных потребностей общества. На этом пути ощутимо нужен иной, действительно новый подход к прежним формам жизни, труда. И что становится все более и более ясно – развертывание научных исследований в самом широком смысле –

от изучения географического пространства огромной планеты до микромира.

Было бы нелепо притягивать за уши мысль о том, что основатель Петербурга заглядывал *настолько* далеко вперед, что изначально стремился внести в идею строившегося города мысль о его грядущей новационности. Да и облик города той эпохи Петра I вовсе не напоминает некую витрину страны, в которой Европа увидела бы происходившие перемены. В истории, однако, так бывает, что удачно задуманные проекты обретают новые грани, которые даже и не были предусмотрены ранее. Так и в нашем случае. Санкт-Петербург стал не только лицом новой, *меняющейся* страны, но и приобретал черты интеллектуального центра этого огромного государства.

В этом смысле нелепое сравнение Петербурга с окном в Европу выглядит еще глупее, если мы попробуем более внимательно рассмотреть далеко не только административные методы «европеизации», а более глубокие корни, из которых и будет питаться росший интеллектуальный потенциал этого города. Позвольте познакомить с его *новаторской* историей, которую многие считают хорошо известной. Но, так ли это? Это поможет увидеть лишь некоторые его черты, каждой из которых посвящены отдельные главы. Но все вместе они обращены к примечательной особенности Петербурга – стремлению найти, впитать все самое новое, передовое. При этом поиск новизны не ломал установившиеся традиции. Всю свою историю город строил что-то новое, непривычное, то, что еще не проходило испытание временем и было серьезным продвижением вперед для России, а иногда и для более широкой аудитории, которую мы именуем человечеством.

Именно здесь, на болотах, возводились не только первые неприглядные домишки, но и мощные каменные сооружения, прочно стоящие на великом множестве свай. Автор считает, что и в градостроительном плане основатель Петербурга полагался далеко не только на опыт Амстердама, но и других городов, практически ставших ровесниками города. Сама Екатерина II подверглась одной из первой в империи прививке против оспы. Именно здесь впервые в стране была проложена первая железная дорога общего пользования в России – Царскосельская. Немного позднее

была возведена самая длинная в мире линия оптического телеграфа, связывавшая столицу с Варшавой. И чем ближе мы будем переноситься к нашему времени, тем энергичнее нарастал новаторский потенциал города.

Этот процесс далеко не был усыпан розами. Противостояние между новым и старым с древнейших времен сопровождает развитие человечества. История знает немало примеров противостояния «старого» и «нового» мира, которые обычно заканчивались победой последнего и сменой парадигмы. Новаторство – трудный путь, нередко сопряженный с противостоянием многим могущественным силам – власти политической, бюрократии, мощи «денежных мешков» и конкурентам. Куда проще следовать привычным путем, не навлекая на себя гнев властей, интриги конкурентов и еще многие другие напасти. Но в том-то и сила прогресса, а если угодно и кажущаяся нерациональность самого человека – он нередко поступает наперекор привычным традициям, даже чувству самосохранения.

Ничего не росло из ничего. Прошлое как всегда, созидало будущее. Питерские писатели-фантасты Аркадий и Борис Стругацкие более 40 лет назад создали одно из лучших своих произведений – «Трудно быть богом». Их проза относится к фантастическому жанру, но явно имеет историческую подоплеку нашего отечества (и не только). Они предложили великолепную формулу зарождения, а затем конечного торжества прогресса, преобразования самого человека. И хотя автор – горячий противник цитирования, но в первый и последний раз в этой книге хотел бы читателю напомнить именно эту ключевую формулу фундаментальной связи наших далеко не всегда и не во всем совершенных предков, общества и новаторства во всех их ипостасях: «Но все-таки они были людьми, носителями искры разума. И постоянно, то тут, то там вспыхивали и разгорались в их толще огоньки неимоверно далекого и неизбежного будущего. Вспыхивали, несмотря ни на что. Несмотря на всю их кажущуюся никчемность. Несмотря на гнет. Несмотря на то, что их затапывали сапогами. Несмотря на то, что они были не нужны никому на свете и все на свете были против них. Несмотря на то, что в самом лучшем случае они могли рассчитывать на презрительную недоуменную жалость... Они не зна-

ли, что будущее за них, что будущее без них невозможно. Они не знали, что в этом мире страшных призраков прошлого они являются единственной реальностью будущего, что они – фермент, витамин в организме общества. Уничтожьте этот витамин, и общество загниет, начнется социальная цинга, ослабеют мышцы, глаза потеряют зоркость, вывалятся зубы. Никакое государство не может развиваться без науки – его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей. Можно сколько угодно преследовать книжечеев, запрещать науки, уничтожать искусства, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубовым, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам. И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже неподконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера – атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку. Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть, но тот, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей воли роет тем самым себе могилу. Ибо смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всем диапазоне – от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой... А

затем приходит эпоха гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества, эпоха, когда серость дает последние бои, по жестокости возвращающие человечество средневековью, в этих боях терпит поражение и уже в обществе, свободном от классового угнетения, исчезает как реальная сила навсегда».

Россия была наполнена и зернами новаторства (о чем будет идти речь), и серостью. Но тот механизм неизбежности реформирования общества, о котором писали Стругацкие, удивительно точно «сработал» и в истории Петербурга, ставшем авансценой борьбы противоположных начал. Десятилетиями строившаяся система просвещения со второй половины XIX века начинает собирать драгоценные его плоды – первых поэтов, писателей, ученых. Дальше – больше. Все усилия по развитию образования и просвещения дали поразительные результаты в XIX веке чередой изобретений и открытий. По нарастающей этот процесс пойдет и в XX веке. Это отразится не только в культурном прошлом, о чем уже столько написано, но и во многом ином. Рождение радио, таблицы Д.И. Менделеева, основ целых научных направлений. На берегах Невы зарождается мировое телевидение, будет испытан первый ранцевый парашют и многомоторные самолеты, пройдут первые в России пароходы и подводные лодки. По разным причинам мы знаем куда меньше о многих наших современниках, которые приняли на себя ту эстафету новаторства от прежних поколений. По улицам и проспектам города ходили самые разные люди, ныне прочно вошедшие в отечественную и мировую историю политики и культуры, науки и техники. Перечислить все это даже в одной книге вряд ли возможно. Это целый мир петербургской истории, проявлений ее традиций в самом широком понимании.

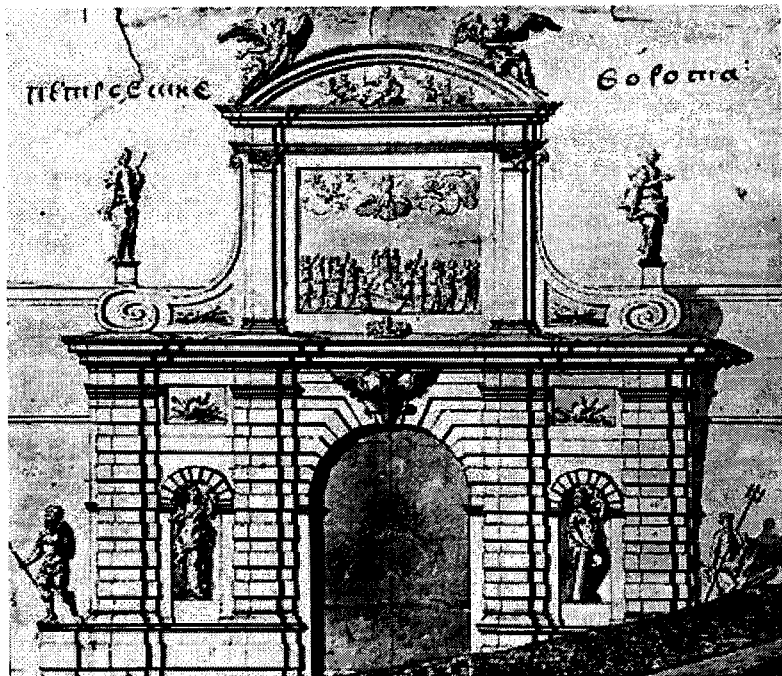
Некоторые итоги пульсации этого интеллектуального потока выйдут далеко за пределы нашего Отечества. Появятся братья-близнецы Петербурга не только в других странах, но и на других континентах. Бывшие петербуржцы станут волею судьбы и историй гражданами других стран, оставаясь духовно близкими этому городу. Будем просто помнить о них, их делах, чтобы понимать неотъемлемость Петербурга, России с судьбами человечества, ча-

стью которого всегда было наше Отечество, великолепно представленное Санкт-Петербургом.

Уходят и приходят поколения жителей Санкт-Петербурга. Как волны на берегу Финского залива. Они создают *нечто новое*. В этом остается не только то, что сотворено руками и механизмами из камня и железа, бронзы и дерева, но главное – *душа* людей, города. Эх, хорошо бы еще знать, в *чем*, она, эта душа! Говорим, даже понимает, а... не ведаем. Но она есть. И в это верят многие поколения города. Она сохраняется, несмотря ни на что. Ни войны и голод, ни жестокость и глупость многочисленных «халифов на час», ныне прочно забытых потомками, ни державность или провинциальность статуса Петербурга – ничто ее не ликвидирует. Много добрых слов можно сказать, в *чем* душа чудесного города проявляется – в потрясающих пропорциях зданий, каналов, Невы и Петропавловской крепости, мостов, белых ночей. Без ее оценки не обойтись в восприятии творений ученых, литераторов, художников. Она – в повседневных делах прошлых, настоящих и будущих поколений петербуржцев. Куда труднее даже попытаться толком сформулировать – *как* и откуда эта особенность, душа, берется. Над этой загадкой задумывались многие умные и одаренные люди, великолепно знавшие и всем сердцем любившие Санкт-Петербург. Включенные в книгу стихи – попытка лучше сформулировать, только в иной форме, суть того или иного лика города, проблем, с которыми он сталкивался в разное время. Поэзия это зачастую делает лучше, чем сухой академический текст, отлично сближая духовную и материальную историю. В этой непостижимости города, конечно, любовь, красота, сдержанность и, обязательно – надежда на лучшее его будущее.

Конечно, одними надеждами такой город, как Санкт-Петербург не создать. Да ведь и он уже не из молодых – перевалило за 300 лет! Несмотря на приличный возраст, город сохраняет душевную энергию, огромную интеллектуальную мощь. Ох, как много для этого нужно. Зачастую исследователь с немалой робостью погружается в давно отшумевшую жизнь, опираясь на бесстрастные документы, проверенные факты. Но история этого города была с избытком наполнена страстями, любовью, гневом, завистью, гордостью, унижением и несбывшимися мечтами, тщеславием и ры-

царственным служением высоким идеалам. В этом мы можем видеть важную – сугубо человеческую – составляющую того, чему и хотим посвятить эту работу – новаторскому Санкт-Петербургу.

Это Петровские ворота. Они же для нас ненадолго стали некой машиной времени. Вообразим, что нам повезло, и мы ее смогли применить. А теперь войдем вместе с музой истории Клио в такое разнообразное прошлое города со столичной судьбой, и, оказывается, не столь уж хорошо известным прошлым.

В руках у Вас не очередная книга, написанная на еще вчера горячую «юбилейную» для Санкт-Петербурга тему. Автор пишет о разных ипостасях этого города, свойственных его прошлому и настоящему, о чем и идет речь в этой книге. Все разделы книги объединяет мысль о единстве этих «лиц» в 300-летнем *новаторском* поиске новых идей, практических дел, изобретений, родившихся в городе к настоящему времени. Многие грани истории города своим основанием уходят в пространство российского Просвеще-

ния, в котором соседствуют петровские реформы, система образования, книгопечатание, наука и архитектура, техника и экология. Даже тема повседневной жизни города становится органичной, если читатель знает о давних традициях просвещения.

В новационной истории сомкнулись традиции культуры, науки, техники, градостроения и многое другое. Нередко в этом проявлялся статус столицы, но еще чаще – мощный интеллектуальный и научно-технический потенциал Петербурга. В чередѣ тех, кто их формировал за 300 лет истории – Академия наук, Русское географическое общество, Вольное экономическое общество, система учебных заведений, настоящий бум просветительских организаций на рубеже XIX-XX веков. Ответ тех дел может служить во благо современной России, придаст новые силы и энергию свершений нашим современникам. Об этом и пойдет разговор в этой книге, уважаемый читатель. Итак – звук гонга – бам-м-м-м-м – открываем занавес....

ВВЕДЕНИЕ

Нужно было помешать шведским кораблям пройти по Неве. Для этого 16 (27) мая 1703 года была заложена крепость на Заячьем острове. Город, основанный как крепость, был назван в честь святого апостола Петра. Так было положено начало одному из самых замечательных городов в мире – Петербургу. Крепость Санкт-Питер-Бурх со временем стали именовать Петропавловской.

Город – «вымысленный», нереальный, но потому еще более прекрасный, сменил много названий – и официальных (Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград), и неофициальных («Северная Пальмира», «Северная Венеция», «Петрополь»). Пока не стал снова Санкт-Петербургом (6 сентября 1991 г. городу возвращено его историческое наименование). Принято считать временем его превращения в столицу 1712 год, когда сюда переехал царский двор, правительственные учреждения и гвардейские полки. К ХХI веку об этом городе написано едва ли не больше, чем о каком-либо другом российском городе. Он уже стал достоянием всей мировой цивилизации. По решению ЮНЕСКО Санкт-Петербург признан городом-памятником мировой культуры, по праву занимая в десятке мировых городов-жемчужин свое место.

Позвольте Вас познакомить с его *новационной* 300-летней историей, судьбой, в основе которой – поиск нового. Для большого города 300 лет – это много. Наш рассказ коснется далеко не всех граней его жизни. Повествование это будет напоминать скорее улов рыбака, сети которого принесли ему лишь крохотную частичку морских сокровищ.

Что было в России, в мире, 300 лет тому назад, когда закладывался Санкт-Петербург? Как всегда, мир жил своей непростой жизнью, в которой все большее значение приобретало развитие мировой торговли, науки и техники. Уже начинали формироваться черты экономики самого недалекого будущего. В Германии и во Франции создаются счетные машины, дают металл первые доменные печи, полным ходом идут опыты по использованию энергии пара, на улицах Парижа появляются первые омнибусы. У аристократии Европы признаком хорошего тона становится поддержка не только художников, композиторов, скульпторов, но и ученых, изобретателей. Это – не мода, а ощущение иного качества жизни

в недалеком будущем, уверенность в фантастической результативности научно-технического прогресса.

Токарные станки работали даже во дворцах европейских монархов, которые с увлечением вытачивали на них различные безделушки. Во Франции даже вышла книга Ш. Плюмье «Искусство точения»! Его соотечественники Мерсени предложил в 1644 году идею изготовления металлического судна, а Д. Папен в начале XVIII века построил паровую лодку, что свидетельствовало о приближении новой эры в развитии промышленности. Швед Э. Сведенборг в 1716 году предложил проект судна на воздушной подушке. В Новом Свете уже появился Нью-Амстердам – будущий Нью-Йорк. Люди с увлечением предавались трудному искусству зарабатывания денег в условиях, когда весь мир постепенно становился мастерской, рынком и банком. При этом, конечно, не были забыты и проверенные историей способы обогащения – войны, борьба за власть. Это лишь маленькие частички большой мозаики того, что в учебниках и серьезных книгах именуется прогрессом человечества. Новое в жизни людей, как всегда, исключительно сложно переплеталось со старым. Родившись в начале XVIII века, в эпоху бурного развития знания, Петербург не мог не впитать в себя эту атмосферу.

Задумаемся – разве правители в России не осознавали отставания своей страны от других стран? Неужели только на рубеже XVII-XVIII веков стало понятно, что разнообразные связи с Европой жизненно важны для России? Историки единодушны – конечно, хорошо понимали и способствовали заимствованию европейского опыта, знаний. О том, что это было необходимо для страны, именовавшейся еще Московским государством, задумывались задолго до петровских перемен и много для этого делали. Русь, Московия, Россия – эти этапы нашей истории протекали не в странных условиях окна, обращенного в Европу. Россия и развивалась в сложном орнаменте европейской цивилизации, сохраняя (как это происходит и с другими народами) свою самобытность.

В XIV–XV веках Господин Великий Новгород, входивший в федерацию торговых городов Северной Европы – Ганзу, вел широкую торговлю с Европой. А в этом случае речь шла не только о пеньке, льне и хлебе. Новгородские купцы не только знали евро-

пейские языки, но и прекрасно знали о том, что происходило в Европе. В Новгород, оттуда доходили отзвуки политических бурь, зарождения ересей, богословских споров, перекраивавших политическую карту континента. Не случайно именно в Новгороде в те далекие времена появлялись религиозные ереси на Руси. К великому сожалению о тех временах мы еще очень многое НЕ знаем, или знаем недостаточно, а то просто плохо. Письменных свидетельств также до обидного мало, в том числе и об отношениях Руси и Балтии.

Ситуация серьезно изменилась в XVII веке, когда в мировом развитии появился такой мощнейший фактор, как растущий сырьевой голод. Это время, когда быстро развивается мануфактурное производство, близко приблизившее производство к фабричному. Россия активно развивала отношения с Европой, которая оказалась кровно заинтересованной в колоссальных русских природных ресурсах, особенно лесных. Англия, Голландия, Франция и другие страны приступили к строительству океанских флотов для освоения своих колоний. Но европейский континент к этому времени уже не располагал лесами, вырубленными в предшествующие века. После Смутного времени¹, столь дорого стоившего россиянам, именно Англия и Голландия предприняли немалые усилия для установления постоянных дипломатических связей с Москвией, организации вывоза корабельного леса. Колониальное могущество европейских держав основывалось на флоте, построенном из российского леса. Посудите сами, для строительства 40-пушечного корабля требовалось не менее 10 тысяч бревен особого корабельного леса. А ведь уже в XVII веке моря и океаны бороздили тысячи кораблей. Для этого требовался не просто вывоз леса, а организация настоящего конвейера по его вывозу! Если сегодня Россия на Западе чаще воспринимается как *источник* нефти и газа, то в ту эпоху – как источник леса. Так что предшественником «Газпрома» был своеобразный «Леспром».

¹ Смутное время (1598–1613 гг.) – исторический период в истории России, совпавший с экстремальными изменениями климата (так называемый малый ледниковый период), которые привели к небывалому голоду, жертвами которого стали не менее 0,5 млн человек. Политически этот период совпал со сменой династии Рюриковичей Годуновыми, и завершился лишь с избранием Романовых. В самом общем виде это время системного кризиса власти, который в условиях иноземной интервенции и крестьянской войны вырос до масштабов национальной катастрофы.

Наши наиболее дальновидные и просвещенные предки уже видели тревожившее их отставание страны от европейской цивилизации в экономическом и культурном, техническом и научном развитии. О европеизации государства размышляли и до Петра I. Десятилетия после Смутного времени не прошли даром для правившей Россией элиты. Практически с первых Романовых связи с Европой расширялись беспрецедентно быстро (если сравнивать с прошлыми эпохами). Появился при царском дворе театр, аптека. Алексей Михайлович до венчания на царство щеголял в иноземной одежде. Многие близкие к царю придворные были людьми просвещенными, великолепно понимавшими необходимость заимствования опыта государственного строительства у Западной Европы.

В нашей литературе широко распространен образ отсталой допетровской Руси. Литература о Петре I отводит только ему роль преобразователя. Однако с этим трудно согласиться. Практически все, что ему приписывается, начиналось при Алексее Михайловиче, его сыне Федоре и дочери Софье. Бороду брил еще Василий III, юношей на учебу за границу впервые отправил Борис Годунов, Лжедмитрий I задумывал открыть университет на европейский манер. В эпоху Алексея Михайловича в Россию ехали многочисленные иностранные специалисты для службы государству. Практически все иностранные воинские звания, чье введение приписывается Петру I, существовали уже при Алексее Михайловиче: полковники, майоры и ротмистры, поручики и прапорщики, сержанты и капралы, квартирмейстеры и каптенармусы. Образованные и просвещенные люди в России уже занимали крупные государственные должности, имея возможность влиять на развитие культуры и связей с Европой.

Важнейшей причиной обостренного внимания страны к европейскому опыту стало заметное военно-политическое и экономическое отставание России. Да и Европа не давала забыть о себе, предлагая товары, варианты военно-политических союзов и многое другое. Многое упиралось в то, что *скорость* политических и экономических изменений в Европе и России оказывалась разная. Надо было уже не просто развивать торговые отношения, шире привлекать иностранных специалистов, печатать больше книг. Вторая половина XVII века неуклонно поворачивала огромную

страну на путь реформ, ее включения в европейскую цивилизацию. Требовалось обновление, стремительное по масштабам и во времени. Вот только *методы* этих новаций мыслились по-старому, с использованием привычных для страны жестких (нередко и во все жестоких) форм проведения.

И вот тут историк сталкивается с одной из загадок отечественной истории, разрешить которую пока никому не удалось. Если потребность в каких-то кардинальных изменениях становится в России общенациональной задачей, то следует обширная ломка всего, что, так или иначе, напоминает о близком прошлом. Создается ситуация, ввергающая страну в общий кризис (то ли революцию, то ли гражданскую войну), а столь желанные реформы проводятся в экстремальном режиме. Именно такой эпохой станет время, которое породит и Санкт-Петербург. Петр I решил реформы провести очень быстро, по собственному разумению, что запустило механизм проявления «плюсов» и «минусов» в близком и отдаленном будущем для России.

42 п. 139 х
Необходимость петровских новаций, подкреплялась вполне серьезными аргументами. Действительно, огромная, быстро отстававшая в своем развитии от Западной Европы страна, располагала весьма аморфной системой государственного управления. Развитие науки находилось в самом зачаточном состоянии и было представлено в основном иностранными специалистами. Промышленное развитие, давшее в Европе поток качественных и сравнительно недорогих товаров, в России осуществлялось лишь в соответствии с нуждами самого государства. Мануфактурное производство, о котором обязательно упоминается в любом учебнике по истории России XVII века, была еще поразительно слабым. В допетровскую эпоху насчитывалось лишь три десятка таких производств, построенных преимущественно за счет казны. Купечество, промышленники в стране были совершенно не уверены в завтрашнем дне и просто боялись вкладывать в мануфактуры деньги. Ведь не случайно – подавляющая часть кладов, найденных на территории, относящейся к границам Московского государства, датируется именно XVII веком.

Именно в эту эпоху стало понятно, что Россия располагает столь значительными природными ресурсами, что не в состоянии справиться с этой проблемой, развивая присущие ей традицион-

ные формы природопользования. В мировом развитии появился новый фактор – технология. В этой области у России был серьезный пробел, заполнить который можно было лишь используя уже имевшиеся знания и опыт европейских стран. Отставание страна смогла компенсировать лишь растущим объемом природных ресурсов, сырья, которые она продавала. Не парики и иной стиль одежды, не только живопись и архитектурные стили, а *новая технология, включавшая иные подходы к государственному управлению, производству, просвещению и развитию науки*. Поэтому история Санкт-Петербурга – это еще и постоянный поиск новых технологий управления, просвещения, развития культуры и многого другого. Немного позднее это добавило *новационный характер* многим областям жизни города – образованию, культуре, науке и технике, рождавшихся на этих берегах. Это свойство будет органично сопровождать всю историю Санкт-Петербурга, пробиваясь даже в сложные для него времена.

Петербург начинал застраиваться во время войны и, прежде всего, для войны. Россия вела долгую Северную войну с воинственным шведским королем Карлом XII за выход к Балтийскому морю. Понятно поэтому, что строительство началось с Петропавловской крепости, где трудились, кстати и пленные шведы. В 1704 году была заложена судостроительная верфь «Адмиралтейский дом», со стапелей которой 29 апреля 1706 года сошел 18-пушечный прам – плоскодонное судно для действий у берегов и в реках против крепостей и береговых укреплений. Заработали первые мануфактуры, дававшие продукцию для обороны. Топкие, болотистые места, отсутствие нужного количества средств, работников, строительного камня, железа и еще очень многого – таково было начало города. Поэтому вряд ли случайным был указ Петра 1705 года, запретивший рубить заповедные леса без разрешения государства. В стиле царя, город был, прежде всего, работником, а не франтом. Лишь позднее началось строительство особняков петровских сановников¹.

Однако место, выбранное для строительства города, оказалась исключительно интересным и для Большой политики. Не случайно уже в 1704 году царь в одном из писем А.Д. Меншикову именует

¹ В 1710 году было заложено первое крупное каменное строение будущей столицы – дворец А.Д. Меншикова, ставшего первым генерал-губернатором города.

Питербурх столицей. Вынесение нового города почти к границам государства – рискованная затея. Но она сулила и солидные приобретения. Прежде всего, это приближало управление страной к европейским делам, в которые Россия так решительно вторгалась. Выход на берега Балтийского моря на долгое время стал ярким свидетельством серьезных внешнеполитических устремлений страны, ее стратегических интересов. Наконец, создание столицы «с нуля» давало царю возможность серьезного реформирования всей системы управления огромным государством. Новая столица должна была служить особой инфраструктурой, иной окружающей средой для формирования *государственного аппарата Российской империи*.

Далеко не все, что задумывалось, оказалось удачно реализовано. Первые десятилетия истории города рука об руку шли с жестокостью. Справедливости ради заметим, что много чего бесчеловечного творилось не только в России, но и в Европе. Глубоко ощутивший петровскую эпоху А.С. Пушкин дал блестящую формулу методам ее технологии управления: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, свое нравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика». Воистину – лучше не скажешь – почти математическая формула.

Петра сменили другие цари, которые после него уже изначально именовались императорами. Так уж сложилось, что это были особы женского пола, а век остался под названием «бабий». Каждая из них вносила свою лепту в улучшение российской столицы.¹ Начало своеобразного петербургского ренессанса относится к середине XVIII века, эпохе правления Екатерины Великой. Это лишь придало новую энергию и силы. В XIX веке город на глазах стал менять свой облик, постепенно приобретая столь знакомые нам черты.

Санкт-Петербург – это целый мир, в котором существует много измерений, определяющих его историческое прошлое и буду-

¹ Официально Петербург был столицей империи 202 лет – с 1712 по 1918 годы, за исключением небольшого перерыва с 1728 по 1732 гг.

щее. Начнем с того, что его культурная жизнь переплелась с европейскими и российскими традициями, что определило ее отличие от других отечественных центров. Заложенное с самого основания города стремление к передовой технологии в самом широком смысле слова, направляло питерскую культуру в новое русло, достаточно непривычное для российского менталитета. Не случайно появился так называемый петербургский стиль – в одежде, поведении и манерах, речи. В этом проявились не амбиции новоявленной столицы, а зарождение непривычного для России стиля жизни, работы, общения.

Санкт-Петербург во многих своих ипостасях был новатором. Статус столицы империи усиливал его свойства притягивать людей оригинальных, нестандартных, обладавших способностями, востребованными в самых разных сферах жизни российского общества. Они проявлялись в государственной деятельности, искусству и науке, технике и предпринимательстве. Среди них мы легко обнаружим представителей абсолютно всех слоев населения страны. Между прочим, у нашего города есть однофамилец – тоже Санкт-Петербург, но расположен он в США, в штате Флорида. Впрочем, есть они и у Москвы и других городов. Историки знают, что в начале второго тысячелетия в Германии упоминалась Москва.

Превратившись в столичный центр, Петербург далеко не сразу приобрел респектабельный вид. Он прошел изрядный путь – от «гадкого утенка» к одному из красивейших городов мира. Архитектурные пропорции, сам «питерский» стиль – все это сформировалось далеко не сразу, усилиями многих поколений россиян. Впрочем, такова судьба и большинства других городов-жемчужин в мире. Есть еще одна особенность Санкт-Петербурга, на которую обращалось меньше внимания. Речь идет о его населении. Сегодня демографы бьют тревогу в связи с быстрым снижением рождаемости и ростом смертности. За этим грустным фактом справедливо видится наша экономическая и социальная неустроенность. Однако если обратиться к истории, то она засвидетельствует, что население Санкт-Петербурга практически всегда пополнялось за счет своеобразного «импорта» людей, приезжавших в столицу на заработки, для службы и т.д. Более того, с основания города, для его строительства, Петр I повелел посылать сюда огромное количество

людей. Ехали люди строить, торговать, развивать промышленность, жить.

Ничего не напоминает? Мировая история знает немало фактов, когда у истоков образования мощных в будущем государств была похожая миграция – Соединенные Штаты, Австралия и другие. Для перемены места жительства, смены профессии и источников существования требовался целый букет человеческих качеств. Не последнее место в этом занимала предприимчивость, деловитость, способность новые условия жизни сделать для себя привычными, впитать иные традиции, язык. Но, Россия всегда своеобразна и многое делает на свой лад. Город, ставший одним из центров интеллектуальной жизни империи, привлекал образованную часть страны. В Петербург люди ехали на заработки, стремясь сделать карьеру, добиться более высокого статуса. Но это можно было сделать только в условиях существовавшей общественной системы имперского государства, регламентировавшего очень многие отношения в обществе.

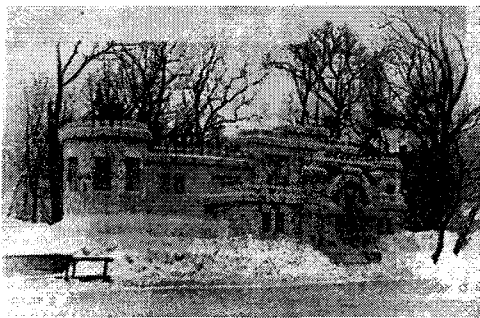
В Петербурге научно-техническом, почти с основания развивалось инновационное мышление. Для его строительства потребовалось вогнать в болотистый грунт десятки тысяч свай, чего раньше не делали предки. Это невероятно тяжелая работа собственно и позволила выстроить новую столицу. Для Ниеншанца шведы использовали более подходящие берега речки Охты. Но для морской крепости без этой «свайной» работы было не обойтись. Так был накоплен опыт строительства на зыбкой почве, так или иначе использованной в последующие времена архитекторами и строителями. В Кронштадте будет выстроен первый в мире самосливной канал-док, носящий имя основателя крепости.

Инновационный стиль Петербурга особенно проявится в XIX веке в самых разных сферах. Многое будет почерпнуто из Европы, как это не раз было и будет в летописи Петербурга. Но многое впервые появится именно тут, на берегах Невы и только позднее станет достоянием не только России, но и всего человечества.

На этой основе появилась фантастическая смесь старого и нового – густопсового феодального прошлого и новейшего капиталистического общества. В ортодоксальной православной стране столица стала городом, в котором на одном проспекте представле-

ны все мировые религии. Здесь селились выходцы из многих стран, для детей которых Россия становилась Родиной. В домах и на улицах звучала речь на многих языках — немецком, голландском, польском, английском и других. После смерти Петра II и Елизаветы Петровны род Романовых фактически пресекся по мужской и женской линиям. Все последующие правители страны лишь номинально именовались Романовыми, связанные родственными узами с немецкими, датскими и иными династиями. Но это ни в малейшей степени не помешало государям (из постромановской генерации) быть искренними патриотами и даже истыми славянофилами! При этом Петербург не стал городом-космополитом. Как всегда — парадоксальна наша Русь, даже тогда, когда она одета и причесана на европейский лад и говорит на разных языках! Петербург исключительно тонко это своеобразие вобрал и часто поражал иностранцев, пытавшихся понять это.

От первых жителей Санкт-Петербурга нас отделяет «каких-то» 300 лет! По меркам не только всемирной, но и отечественной истории это такая малость. Поэтому первые жители города от нас мало чем отличались, мы очень похожи. Почти... Эти 300 лет совпали с исключительно бурными темпами развития цивилизации во всех ее ипостасях, что, конечно, глубоко отразилось в истории удивительного города. Взглянуть на ее отдельные грани — необходимо. Каждое поколение петербуржцев видит и оценивает их по-своему. Главное — не забывать лучшее, а плохое — оставлять прошлому — оно на потомков не будет за это в обиде.

А это еще один сюрприз — ледяной дом, строить который стало в XXI веке... модно, а может — просто забавно. Тот, что перед нами — построили в конце позапрошлого века в одном из тогда еще многочисленных садов города. И даже сфотогра-

фировали на память, в том числе и нам. Если присмотримся — никакой рекламы! Пока...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – СТОЛИЧНЫЙ

Статус столицы город нес 202 года – с 1713 по 1918 годы (исключение составили 1728–1732 годы). В каждом государстве есть *столица* – центр управления всеми основными делами. Встречаются и близнецы у столиц, где концентрируются важные сферы – финансы, передовые отрасли экономики, науки и т.д. Строительство новой столицы уже не на словах, а в реальных делах показывало стремление России к сближению с ведущими европейскими монархиями. Поэтому и вполне логичным было привлечение иностранных специалистов. В сущности, начало Петербурга знаменовало участие бывшего Московского царства в процессе первой глобализации, пока в масштабах Европы. Особенностью этого поворота в политике России стало стремление и готовность не только к вестернизации, но максимальное использование самых передовых идей в области технологий и культурно-государственных форм. Этот курс и был продемонстрирован.

Петербург – один из немногих городов, строившихся по единому плану, разработанному выдающимися зодчими, для него создавались архитектурные стили, нигде более не использовавшиеся. Практически не было в истории страны случаев, чтобы город основывался на обширном заболоченном пространстве. Это неизбежно потребовало серьезного укрепления фундамента для всего города (пусть пока и небольшого). Пришлось вбивать немыслимое

число свай в почву, чтобы получить надежную площадку для всего строительства.

Исторически так сложилось, что Санкт-Петербург стал не только политической, но и финансовой, научной, культурной столицей огромной империи. И хотя географически он был совсем не в центре, город был истинным центром всех регионов страны. Перенос центра из Москвы в только еще застраиваемый город – исключительно новационная идея. Для многих она несла все признаки повышенной опасности для государства – синдром «сердца под мизинцем». Проведение кардинальных перемен потребовало создания своеобразного «реформационного полигона», откуда по Руси разошлись бы не только указы государя, но и распространён был бы *пример* их внедрения. В новом центре Пётр настойчиво собирал кадры знающих людей, выходцев из разных слоев населения, часто прибывавших из других стран. Многое Петр «лепил» по-своему, осуществляя смелые, необычные планы – несвойственным его предшественникам образом, – так, как ему это представлялось верным. Наконец, он мог отсечь бюрократические структуры, оставшиеся со времен Московского царства, от своих новаций.

Прецедентов подобной тактики немало в новой всемирной истории. Новые столицы в ходе реформ появятся в Японии и Египте, Турции и Латинской Америке. Пожалуй, рекордсменом в списке такого рода можно считать США, где сменили друг друга 11 городов, пока статус столицы не утвердился прочно и окончательно за Вашингтоном. Честь оказаться первым в этой цепи «новых столиц» принадлежит именно Санкт-Петербургу. Исключительность этого пути усиливается ещё и тем, что Петербург был подчеркнуто (почти эпатажно!) не похож на другие – как традиционно чтимые, так и новоявленные – «грады стольные», – с их нормальным, типичным для соответствующих стран климатом, расположенные в куда более комфортных условиях, задуманные иными умами и иными руками возведённые.

Попытаемся остановиться на некоторых особенностях истории Санкт-Петербурга, проистекавших из его столичного статуса. Ее трудно освещать в традиционной хронологически последовательной форме – от ранних лет и до настоящего времени. Достаточно напомнить, что после смерти Петра фактически столицей

некоторое время вновь стала Москва, т.к. новые владыки сосредоточились на внутривластных делах. В этом случае Москва, действительно, более соответствовала новым веяниям. Показательно, что после октябрьского переворота, в 1918 году, большевистское правительство, также вынужденное главным образом обратить внимание на внутренние дела, переехало в Москву. Питер стал опасно уязвимым.

Столичное положение города глубоко отразилось на его архитектурном облике, в формировании общественной мысли, даже в языке, на котором говорили жители города. А иначе и быть не могло. Сосредоточив в себе все важнейшие нити управления, Петербург постоянно нуждался в людях одаренных способностями в самых разных областях знания и человеческой практики. Речь идет не только о талантливых ученых, литераторах, художниках, архитекторах. Это относится ко всем сферам жизни. В этом городе работало много чиновников и предпринимателей, юристов и библиотекарей, инженеров и строителей. В столице их знания и опыт могли быть востребованы, их новации имели больше шансов осуществиться, чем в российской глубинке. Поэтому не иссякал поток людей, искавших знаний, стремившихся сделать карьеру, наконец, просто заработать деньги. Это станет важным дополнением к формировавшейся десятилетиями и веками петербургской жизни.

В XVIII–XIX веках Петербург не спеша выстраивал свои контуры, ставшие для многих уже привычными. Однако исподволь, в нем шли внутренние процессы постоянной модернизации, которые в итоге подготовили новый качественный переход. Промышленный прогресс ворвался в город в начале XX века. Предпочтение в это время отдавалось не возведению новых зданий, а усовершенствованию жизни горожан. Именно в это время в Петербурге через многочисленные каналы перекидываются десятки мостов, появляются железнодорожные ветки, связавшие город со всеми уголками России. Для удобства передвижения жителей по улицам с 1907 года начинают ездить трамваи. Жизнь в городе становится более привлекательной и цивилизованной. Именно поэтому в начале 20-го века сюда на проживание приезжают толпы людей. Рост населения в этот период опережал прирост населения Парижа, Лондона и даже Нью-Йорка.

Не с пустого места началось

«Петр I, — пишет А.С. Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург», — не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности».

Основав Петербург, он со свойственной ему решительностью начинает продвижение страны на запад, в сторону Европы. Что же за место для этого града он выбрал? Пустое ли?

Выбрано место было далеко не случайное. Еще в XIII веке новгородский князь Александр Ярославич (Невский) разбил на Неве, при впадении в нее реки Ижоры, отряд шведского ярла — наместника короля — Ульфа Фаси. А немного позже, в 1300 году, шведы снова пытались завладеть Невой, и им даже удалось поставить на том месте, где теперь находится Александро-Невская лавра, город, названный ими Ландскроной. Однако вскоре новгородцы во главе с сыном Невского — князем Андреем — вновь разбили шведов, и при впадении другой речки — Охты — основали крепость Ниен. И она была разрушена, теперь уже шведами. В 1611 году веке они основали свою крепость — Ниеншанц, рядом с которой вырос и посад Ниенштадт, ставший с 1632 года городом. Ко времени Северной войны, город и крепость были достаточно обустроены. В числе общегородских строений можно обнаружить ратушу, две церкви, школу, госпиталь, порт, кирпичные заводы, судостроительные верфи, обширный рынок. Все это было окружено многочисленными домами жителей самого города (по некоторым данным насчитывалось свыше 500 домов). Сам располагался на мысу, при впадении реки Охты в Неву (практически там, где ныне возвышается Большеохтинский мост). Напротив крепости, по правому берегу Охты располагался сам город. Из всего этого делаем важный вывод — если за эти места боролись совсем неленивые лю-

ди — потомки варягов и новгородцы — значит, оно было далеко не просто *территорией*, а чем-то большим — стратегией.

Когда шведскому королю Карлу XII сообщили, что после взятия Ниеншанца русский царь начал строить там новый город, ему приписывают слова: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их». Однако Россия вовсе не собиралась отдавать то, что было завоевано и построено с такими невероятными усилиями. Другого решения и быть не могло, если считать, что стране были нужны широкие и разнообразные связи с Европой. Петр I продолжал закрепляться в Прибалтике, овладев в 1704 году мощными крепостями Нарвой и Дерптом (Тарту).

Влияние личности Петра I на всю историю города очевидно. Читатель может относиться к этому первому в истории страны императору по-разному. Но этот человек прочно остался не только в царских указах и проспектах, садах и каналах города, но и в его совершенно неосязаемой части — исторической судьбе. Это постоянное ощущение присутствия царя-основателя Санкт-Петербурга поразительными строками передал нам А.С. Пушкин. Менее известны строки его современников. В 1818 г. князь Петр Вяземский написал:

Повсюду зрю следы великия державы,
И русской славою след каждый озарен.
Се Петр, еще живой в меди красноречивой!
Под ним полтавский конь, предтеча горделивый
Штыков сверкающих и веющих знамен.
Он царствует еще над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой,
Народной чести и злобе страх немой.

Что представлял собой пока еще мало кому известный город, не ставший столицей огромного государства? Да, пожалуй, и городом его поначалу едва ли можно было назвать. На месте будущего города были лишь редкие, малонаселенные и весьма разбросанные друг от друга поселения...

Дойдя до этой, в общем-то, примелькавшейся в многочисленных изданиях фразы, читатель искренне полагает — да, действительно, пришлось строить в безлюдье. Это далеко не так. В этой

местности славяне появились с незапамятных времен. Нева была для Руси выходом на Балтику. Ладожское озеро было северной границей племенной территории ильменских словен, расселившихся по берегам Волхова, озера Ильмень и впадавших в него рек. Волхов, соединявший озера Ильмень и Ладожское, был магистральной артерией летописного «пути из варяг в греки». Это подтвердили находки кладов древних монет. Один из них, зарытый в IX веке, был найден на месте Галерной гавани в Петербурге.

Не позднее 750 года возникла древнерусская Ладога (ныне Старая Ладога Ленинградской области). Она входила в состав «Верхней Руси» – северного союза племен, на основе которого сформировались позднее Новгородская и Псковская, Ростово-Суздальская, Смоленская и Полоцкая земли Древней Руси. Словене Верхней Руси сумели дать отпор «варяжским находникам» и заключили союз с торговыми городами и дружинами викингов западной Балтики, «варягами» Дании.

По преданию, занесенному в одну из летописей, именно в Ладоге в 862 году обосновался Рюрик. С Ладогой связана деятельность князя Олега Вещего. Отсюда в 882 году начался его поход, восстановивший единство Древнерусского государства, превратившегося в могучую Киевскую Русь. Князь киевский Ярослав Мудрый в 1020 году передал Ладогу во владение своей жене Ирине. Постепенно город из-под власти киевских князей перешел под контроль Новгорода Великого, стал его «пригородом», наравне с Псковом.

Кроме шведов, вдоль Невы жили и финны, преимущественно по правому ее берегу, в районе нынешней Выборгской стороны. На левом берегу Невы было и русское поселение Калина, в нижнем течении Безымянного ерика (нынешняя Фонтанка). Память об этом сохранилась в названии Старо-Калинкина моста через Фонтанку. Территория нынешнего Летнего сада и Троицкой площади были владениями шведских помещиков.

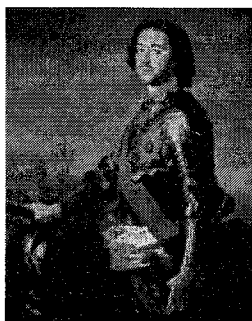
Как видите, уважаемый читатель, не на пустом и безлюдном месте будет заложен Санкт-Петербург. За эти земли Россия умылась кровью еще при Иване Грозном в ходе Ливонской войны (1558–1583). Впрочем, несколько позднее, Василий Шуйский – один из самых «неудачных» русских царей – подарил тем же шве-

дам эти земли. Не углубляясь в старину, сделаем для себя главный вывод — места, где Петр I решил основать город-крепость, были давно и неплохо освоены, люди здесь жили веками. Место будущей столицы не было целиной. Подтверждается старая истина — из ничего, на пустом месте, редко возникает что-то хорошее, тем более — прекрасное.

Кочевая жизнь императоров

Русские цари почти символизировали *неизменность* и фундаментальность власти. Их трудно представить куда-то *торопящимися*. Империя именно с этого начиналась и затем продолжалась. Исключения были, но эти носители высшей власти не оставили заметного следа о своей деятельности. Ни Екатерина I, ни Анна Иоанновна не стали сколько-нибудь заметными фигурами в истории страны. Но даже весьма ленивая в личной жизни Елизавета Петровна, способная *месяцами* не подписывавшая международные трактаты, неожиданно могла напомнить сановникам своего великого отца. Двор хватал мебель, драгоценную посуду, наряды и прочее и прочее и... летел в российские пространства. Лишь с Екатерины II ввела оседлость и постоянство двора в норму государственной жизни. Но и эту государыню посещал дурманный дух странствий. Широко известно ее посещение Таври — новоприсоединенных Россией в ходе войны с Турцией земель. Но эта поездка была очень серьезно замешана не только на понятной любознательности и желании своими глазами увидеть *труды* по преобразованию богатого и обширного края империи. В ходе поездки решались очень серьезные внешнеполитические проблемы. Впрочем, вернемся к заре истории Петербурга.

Вся жизнь Петра I прошла в бесконечных разъездах, войнах, хозяйственных и административных хлопотах. Он был легок на подъем, ему ничего не стоило отправиться в дальний путь налегке, без длительной подготовки. Случалось. Петр I отправлялся даже не из дома, а после обеда у кого-либо из гостеприимных придворных. Ехал на обыкновенных санях или повозках, в которых питался и отдыхал по пути, останавливаясь только для смены лошадей. Одно из его писем, датированное 1705 годом было помечено им «Писано на лошади», т.е. в седле.

Столицу Петр I основал вовсе не для собственной комфортной жизни. Надо сказать, что он никогда и не был любителем мягкой, неторопливой жизни. Любил он небольшие помещения. Когда же приходилось останавливаться в пути в помещении с высокими потолками, то приказывал уменьшить высоту, закрепляя огромный кусок полотна, изобравший своеобразный второй, более низкий, потолок. Знаменитый домик Петра I, чудом, но главным образом стараниями потомков, сохранившийся до нашего времени, тому блестящая иллюстрация. Первый император России никогда не был любителем больших, просторных дворцов. Деньги ему были нужны совсем для иных дел.

Преемники Петра I были иного склада. Если им явно не хватало его неумейной энергии, то уж по части комфорта они явно его превосходили. В угоду им строились несравненно более пышные дворцы с просторными помещениями. Если же они куда-то переезжали, то царские поезда больше напоминали кочующие цыганские таборы. В огромном количестве карет и других экипажах перевозилось все, что внешне составляло антураж двора. В немыслимом сочетании на колеса грузились сервизы и статуи, картины и мебель, одежда и канцелярия. Такая кочевая жизнь была очень характерна для времени правления Елизаветы Петровны (1741–1761). Ко всему прочему, казна постоянно испытывала нехватку денег, поэтому у императрицы долгое время не было постоянной резиденции. Лишь под конец жизни она приступила к строительству Зимнего дворца (1754), завершить который уже пришлось Екатерине II.

В то же время, ленивая и не обремененная образованием, Елизавета обожала балы, всевозможные праздники. Нередко для особо торжественных случаев по приказу царицы буквально в несколько дней строили дворцы, поражавшие иностранцев великолепной мраморной отделкой. Такое диво было сооружено на территории Летнего сада. Лишь немногие знали, что «мрамором» являлась превосходно сделанная умельцами раскраска по дереву, имитировавшая благородный камень.

Только с воцарением Екатерины Великой кочевой жизни царей пришел конец. Был окончательно достроен Зимний дворец, энергично велись работы по строительству Эрмитажа, ставшему пристройкой к Зимнему. Путешествия венценосцев стали достаточно редкими, носившими часто *политический* характер. Поэтому столь широко известно путешествие императрицы в южные земли, именовавшиеся с легкой руки царского фаворита Г.А. Потемкина Тавридой.

Не будем считать, что с этого времени российские императоры безвылазно жили в столь обустроенной столице. Конечно, нет! Столь свойственная каждому человеку благородная страсть к перемене мест у них сочеталась и с требованиями государственной жизни. Это было частью их повседневной жизни. Но всегда теперь их властно притягивал к себе Санкт-Петербург, откуда они вершили дела державные.

Чиновная столица

Фигура чиновника густо пронизывает русскую литературу. Она и смешна, и неприглядна, даже ненавистна. Чаще же чиновники выступают безликими, но их достаточно много — они везде. Без них просто невозможно представить отношения конкретных людей с государством, выступающим как раз в ипостаси чиновника. За этой фигурой была, если хотите — новая технология, но в управлении. Ее суть проявилась в создании «Табели о рангах», приравнивавшей *любую* службу государству — военную, гражданскую, придворную и т.д. — к единому знаменателю. Более того, «Табель...» открыла путь в дворянство и «наверх» значительному числу толковых людей из простого люда не по происхождению или богатству, а по *качеству* службы, стажу, опыту, наконец — уму и образованности. В дряхлевшую систему управления вливалась новая кровь, что и дало в известном смысле толчок для екатерининской эпохи и немного позже.

Санкт-Петербург, вобрав в себя все нити управления империей, стал масштабной *машиной*, продукцией которой были многочисленные и весьма разнообразные государственные решения. Он неуклонно становился городом-чиновником. Это была обратная сторона столичного статуса. В этом чиновном центре вспыхивали

звезды, свет от которых идет и до нашего времени – М.М. Сперанский и С.Ю. Витте, граф П.Д. Киселев П.А. Столыпин. Перечислить просто фамилии – мало, да и не нужно. Во все времена Россия не была обделена талантами, включая и мир чиновничества. За каждым из этих и многих остальных – эпоха, решение задач общероссийского масштаба. Эти люди были, скорее далеко не чиновниками в обыденном смысле. Они – государственные люди. На переговорах с Александром I в Тильзите Наполеон предложил, то ли в шутку, то ли всерьез, в обмен на М.М. Сперанского любое из герцогств Европы. Обмен, конечно, не состоялся, но примечательно, что повелитель Европы столь высоко ценил обширнейшие знания этого российского правоведа. Другой пример. В Советской России стабилизация финансов началась с денежной реформы 1924 года, когда был введен золотой стандарт. Практически эту же реформу в конце XIX века по инициативе С.Ю. Витте провело Министерство финансов имперской России. Этот опыт и был использован через четверть века.

Сколько же было в России чиновников? В конце XVIII века насчитывалось 13–15 тысяч табельных чиновников, а к середине XIX века их количество возросло до 61,5 тысяч. Согласно переписи населения 1897 года, общее число лиц, находившихся на государственной службе, определялось цифрой около 436 тысяч, а из них в государственном аппарате служили до 250 тысяч человек. Царская статистика умалчивала о количестве чиновников в предреволюционные годы, но, по некоторым косвенным подсчетам, их численность можно определить цифрой 600–700 тысяч человек. Эта сравнительно небольшая цифра объясняется просто: самодержавие мало и неумело занималось хозяйственной деятельностью. Бюрократия сосредоточивалась, главным образом, в карательных и административных органах, избегая очень долгое время вторжения в хозяйственные сферы.

Бюрократия России обреталась в многочисленных государственных органах и учреждениях, а те выстраивались в цепочку подчиненных друг другу учреждений и должностных лиц в каждой губернии, а затем – в уездах.

В первой половине XIX века напротив Зимнего дворца, на Дворцовой площади, строится здание для Главного штаба, Мини-

стерства иностранных дел и Министерства финансов. По другую сторону Адмиралтейства сооружаются здания Сената и Синода, соединенные аркой. На Исаакиевской площади были выстроены здания ведомства земледелия и государственных имуществ. В районе Театральной улицы и Чернышева моста были размещены ведомства внутренних дел и народного просвещения. Возможно, поэтому в 1910 году, когда началась реконструкция этого моста, вспыхнула жаркая дискуссия по поводу сохранения его башен. Оставили и... сохранили (только в граните) что-то от XVIII века, органично слившемся с современностью. И тогда всерьез думали о престиже власти. Поэтому с особым тщанием были выполнены фасады, а также парадные залы и вестибюли, хотя внутренние дворы были загромождены огромными поленищами дров для печей, которыми отапливались огромные здания. При каждом учреждении был многочисленный штат обслуживающего персонала – швейцаров, вахтеров, сторожей, дворников, истопников, уборщиков (практически всегда ими были только мужчины). В этих же зданиях размещались служебные (как их тогда именовали – казенные) квартиры для руководителей разных рангов. Обслуга же жила в полуподвальных или чердачных помещениях.

К числу государственных служащих относились не только административные чиновники, но и те, кто имел классные чины и получал денежное содержание от государства – учителя, инженеры, художники, библиотекари и т.д. Их численность, должность, размер денежного содержания и пенсий определялись штатными расписаниями. Канцелярские служащие и прислуга работали по найму и их число определялось бюджетными суммами на их содержание. Они могли быть уволены в любое время за нерадивость или нарушения условий найма.

Работа чиновников была регламентирована, включая особые, но обязательные обязанности. Так, штатные служащие обязательно принимали присягу. По особому регламенту в каждом учреждении регулярно устраивались молебны. Каждый руководитель учреждения или подразделения в строго определенное время должен был принимать посетителей, выслушивать доклады своих подчиненных, подписывал бумаги, проводил совещания и, наконец, сам должен был докладывать начальству.

Документы, конечно, писались исключительно вручную, однако в особых случаях, когда документ нужен был в нескольких или даже многих экземплярах, его печатали в типографии. Бумага была невысокого качества, писали гусиными перьями. Поэтому очень высоко ценились аккуратность и каллиграфический почерк писца. Нередко эти качества способствовали быстрой карьере человека, иногда даже перевешивая прочие качества чиновника. Только в середине XIX века появились металлические перья и гладкая бумага, а в 1890-х годах – пишущие машинки.

Банки, бумажные деньги

Деньги, образно говоря, - это своеобразная кровь государственного организма. Поэтому столица должна непосредственно влиять на эту исключительно важную сферу экономики. Финансовая деятельность сводилась к понятию казны. Именно она чеканила монеты, собирала и платила деньги. Имперская ипостась России настоятельно потребовала финансовых перемен. Старые рамки были тесны, нужна была *иная технология* в финансовой политике России. Развитие мануфактурного производства потребовало денег, кредита. При Петре I казна выдавала ссуды учредителям фабрик и заводов - часто безвозвратно. Эти операции не имели значения кредита в современном смысле слова. В 1729 году существовавшим в то время монетным конторам разрешено было покупать от частных лиц заложенные у них золотые и серебряные вещи с целью переплавки в монету. В 1735 году им было позволено самим выдавать ссуды под залог золотых и серебряных вещей в размере $\frac{3}{4}$ стоимости из расчета 8 % годовых. По истечению 3–6 лет вещи перечеканивались в монету, контора возвращала себе долг, а излишнее передавала хозяину. Таким образом, Петербургская монетная контора была первым кредитным учреждением в России.

Строго следуя истории, первые банки возникли в эпоху Елизаветы. Указом 1754 года в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены Дворянские банки, а при столичном порте – Купеческий банк. Первые выдавали ссуды под залог недвижимости, помещичьих имений, а второй – только под залог товаров. С 1782 года Купеческий слился с петербургским Дворянским банком, который в свою очередь в 1786 году был реорганизован в Государственный

заемный банк, существовавший до 1860 года. Принимал вклады от населения и выдавал ссуды с 1818 года Государственный коммерческий банк. Создание банков лишь подтвердило – остро нужная *технология* в финансах. Вскоре она была разработана и реализована.

Долгое время в России стоимость денег определялась содержанием в монете металла, соответствующего ее номиналу. Идея замены металлических денег на бумажные не встречала особой поддержки, казалась обреченной на крах. Однако острая нехватка денег в казне постоянно заставляла искать средства к ее пополнению. Еще во времена Елизаветы попытались начать печатать бумажные деньги, но не удалось создать «нарочитую» бумагу, отвечающую строгим требованиям. Дело было продолжено при императрице Екатерине II. В пригороде столицы работала небольшая фабрика по производству бумаги, принадлежавшая англичанину Р.Р. Козенсу. Ему было поручено составить рецепт специальной бумаги, из которой можно было начать печатать первые бумажные деньги в России.

Екатерина II решила ввести бумажное обращение с 1 января 1769 года. Для выдачи ассигнаций в обмен на медные деньги были учреждены в Петербурге и Москве «промерные конторы» и «ассигнационные банки». В 1769 году были открыты Ассигнационные банки, ссудные и сохранные казны, приказы общественного призрения и, наконец, Государственный Заемный Банк. В 1786 году ассигнационные банки переименовали в один – Государственный Ассигнационный банк с Правлением в Петербурге и отделением в Москве. Он имел право закупать внутри государства медь и выпускать ее за границу; выписывать из-за границы золото и серебро в слитках и монете; завести в Питере Монетный двор и чеканить монету.

Государственный Ассигнационный Банк существовал вплоть до замены ассигнаций государственными кредитными билетами. А Банковский мост в Петербурге, украшенный грифонами с позолоченными крыльями, – напоминание о деятельности Ассигнационного банка в столице. Стержнем всей кредитной системы являлся Государственный банк России, организованный в 1860 году на базе учрежденных еще при Екатерине II Ассигнационного и Заемно-

го государственных банков. Эти изменения пришлось на время реформ Александра II, ускоривших развитие капиталистических отношений. Они, конечно, коснулись и банковской системы. В 1863 году было учреждено в Санкт-Петербурге первое общество взаимного кредита, через год открывается Частный коммерческий банк – первая акционерная банковская структура в России, а затем и целая сеть других. Расширялся и российский рынок ценных бумаг. Публика рвалась за ними. В стране началась биржевая лихорадка. С 1869 г. столица империи становится спекулятивным городом. Биржевая лихорадка распространялась по стране подобно эпидемии.

Бурное развитие российского капитализма предъявило серьезные требования к деньгам, их обороту, наконец – к самому рублю. Возникают все новые и новые банки, руководители которых увлеченно занимаются биржевой спекуляцией и операциями с ценными бумагами, а все возрастающая конкуренция толкала банки на рискованные операции. Главная задача банков – содействие развитию промышленности и торговли – отошла на второй план. Ситуация вполне узнаваемая – если не запрещено – значит можно. Поэтому государство, чтобы предотвратить возможные осложнения, в 1872 г. приняло Закон о банках. А с 1873 г. Министерство финансов вообще прекратило давать разрешение на учреждение новых банков и даже организацию филиалов действующими банками. И тому были веские причины – из 42 акционерных банков, возникших в 1863–1873 годах, к 1878 г. десять из них рухнули. Принятые меры государственного контроля и поддержки системе частного коммерческого кредита позволили его развить и укрепить, что оживило промышленность и торговлю. Глубокое влияние на это оказала денежная реформа, «отцом» которой был С.Ю. Витте. В результате рубль стал одной из самых устойчивых валют мира: его эквивалент по золотому содержанию равнялся примерно 0,5 доллара США, двум германским маркам и 2 $\frac{2}{3}$ французского франка.

К 1914 году в стране действовали 50 акционерных банков, располагавших 777 филиалами, 1108 обществ взаимного кредита, 317 городских банков. Невский проспект превратился к началу XX века в финансовый центр империи. Из 78 акционерных банков 40 размещались именно здесь. Крупные банки уже своим архитектурным обликом старались продемонстрировать собственную основательность и солидность. Поэтому далеко не случайно они занимали (или строили) наиболее респектабельные здания, украшающие деловой центр Санкт-Петербурга.

Юбилеи, праздники, фейерверки

В истории Санкт-Петербурга легко можно обнаружить много праздников, без которых жизнь столицы была немыслима. Надо признаться, что наши предки любили и умели весело и (когда надо) торжественно, пышно отмечать праздники. Петр I любил массовые торжества, и сам в них с удовольствием участвовал. При этом они должны были, по мысли императора, носить либо военно-политический, либо общегосударственный характер.

И в этой сфере империя потребовала иной «веселой технологии». Не мудрствуя долго, Петр использовал то, что уже было ведомо Москве по Немецкой слободе – организация «огненных потех», внесение европейских форм официальных и, вместе с тем, народных праздников. Одним из первых событий такого рода стало празднование 9 сентября 1714 года победы в Гангутском сражении. В Неву вошли расцвеченные флагами три русские галеры, за которыми следовали плененные шведские корабли. Затем шла галера контр-адмирала Петра Михайлова (т.е. самого царя). Парад на Неве завершали еще две галеры с солдатами. После этого торжества были продолжены на суше. Победители несли знамена, за ними следовали пленные, среди которых был шведский адмирал Эреншильд. Шествие замыкал Преображенский полк под началом своего командира – самого Петра I. По случаю торжества была сооружена триумфальная арка, на которой был изображен орел, вцепившийся в спину слона (это был намек на название шведского флагманского корабля «Элефант», т.е. слон). Надпись на арке комментировала изображение: «Русский орел мух не ловит».

Торжества времен Екатерины Великой продолжили и закрепили петровские традиции. И, признаемся в этом, ее эпоха была богата событиями, которые столица отмечала широко, торжественно. С этих времен атрибутом официальных торжеств становились военные парады, ставшие обязательными несколько позже, со времен Павла I, обожавшего эти зрелища. В конце XVIII века в Петербурге установилась уникальная традиция. Каждый год 30 ноября при дворе проходил грандиозный Праздник ордена Андрея Первозванного. Описание костюма, в котором кавалеры ордена Святого апостола Андрея Первозванного должны были являться на торжество, содержалось в Установлении, подписанном императором Павлом I в 1797 году.

Иное дело торжества этой эпохи, происходившие в императорском дворце, куда приглашался узкий круг лиц. Они чаще всего носили пасторально-жеманный характер. Царица часто устраивала балы и маскарады. Во дворец приезжали по билетам в масках, а не в маскарадном платье, кто в каком предпочитал или как ему было предписано заранее. На маскарады не пускались гости, не достигшие 13 лет. Кроме того, было запрещено иметь при себе сабли, кинжалы. Сама императрица оставила описания подобных придворных торжеств. Так, в письме к Вольтеру Екатерина II очень живо рассказала об одном из блестящих маскарадов 1770 года: «Собралось 300 человек. Перед ужином вошел Аполлон, времена года и 12 месяцев, их представляли дети от 8 до 13 лет, взятые из учебных заведений, учреждений для дворянства. 120 лиц, которые должны были ужинать в зале времен года, отправились туда; она была овальная и заключала в себе 12 ниш, в каждой из них стоял стол на 10 человек. Каждая ниша представляла один месяц в году, и комната была сообразно тому убрана. Над нишами устроили галерею, которая шла кругом и где, кроме толпы масок было 4 оркестра. Когда сели за стол, то 4 времени года, шедшие за Аполлоном, стали танцевать балет со своей свитой. Вслед за сим прибыла Диана и ее нимфы. По окончании балета раздалась музыка, сочиненная для детей этой залы и вошли маски. В конце ужина явился Аполлон, приглашая общество на спектакль, приготовленный им в комнате, смежной с залом. Там был устроен театр, где эти же дети сыграли маленькую комедию; после чего собрание так забавлялось

танцами, что разошлось не прежде 5 часов утра». Столь любезные сердцу императрицы маскарады бывали иногда очень многолюдны: так, в 1772 году для приглашенных было предоставлено свыше 20 залов.

Как официальные, т.е. государственные, праздники отмечались такие события, как победы над врагом, коронации, рождение или бракосочетание наследника престола и т.д. Для праздников отводилось 59 табельных дней в году! В этих событиях обязательно принимали участие многочисленные придворные, официальные лица, посольский корпус. Не оставался, конечно, в стороне и народ, которому устраивали гуляние, бесплатное угощение, недорогие подарки. Уже в XVIII веке все эти события были строго регламентированы и к концу столетия имели солидные традиции. Так, традиция участия при спуске крупных судов военно-морского флота на воду самого императора, возникшая при Петре I, соблюдалась вплоть до 1917 года. С конца XIX века к ним добавляются и спортивные парады, ставшие непрямым элементом торжеств советского периода истории.

Впрочем, и в начале XXI века в городе ежедневно, ровно в полдень, раздается традиционный выстрел из пушки, а в праздники небо украшается великолепными фейерверками. Это тоже традиции города, у начала которых был Петр I.

Тогда же зародились и так называемые *разовые* праздники, отмечаемые один раз. К ним относились исключительно важные государственные визиты, открытие и освящение городских памятников, соборов. В их числе можно упомянуть открытие «Медного всадника», Александровской колонны, Исаакиевского и Казанского соборов.

В XIX веке для иллюминации города стали использовать уличные фонари, украшенные звездочками. На фасадах домов зажигали газовые вензеля из соединенных букв с инициалами государя и государыни с короной над ними. В отдаленных от центра местах города жгли площадки с салом, керосином и другими горючими веществами; случалось, что жгли даже резиновые калоши с керосином. Понятно, что от этой иллюминации было много не столько света, сколько запаха. В квартирах в дни иллюминаций выставляли в окнах зажженные стеариновые свечи.

Днем иллюминация заменялась вывешиванием флагов, ковров на балконах, украшением подъездов красной, белой и синей материями. Через некоторые узкие улицы, например Вознесенский проспект, протягивали с одной стороны на другую (с крыши) веревки с прикрепленными флагами. Флаги были только торговые, т.е. трехцветные (бело-сине-красные). Но когда в Санкт-Петербург приезжали иностранные коронованные особы, то вывешивали и их национальные флаги вперемешку с русскими. В траурных случаях вывешивали черные флаги, а балконы, подъезды и фонарные столбы обтягивали черной материей с белыми плерезами. Так было, например, при погребении императора Александра II в 1881 году.

Иллюминация продолжалась недолго, не более двух часов, зимой от семи до девяти часов, а летом – как только стемнеет и часа на полтора. Проводилась она в именины и дни рождения государя, государыни, наследника (и наследницы), а также в день коронации и восшествия на престол; в нецарские дни иллюминация бывала на Пасху и в Новый год.

«Сердце под ногтем мизинца»

Петровская технологическая новизна в строительстве столицы рядом с границей заложила фактор повышенного риска в самой безопасности Петербурга. Не случайно строиться город начал с крепости, а его первые градостроительные проекты *обязательно* предполагали крепкую оборону. Да и шведский Ниеншанц, помимо гражданской части города, располагал небольшой, но неплохо вооруженной крепостью. Сложная международная обстановка (а когда она бывает иной) второй половины XVIII века дала основание французским энциклопедистам высказать Екатерине II некоторые соображения по этому вопросу. Так, Дидро образно охарактеризовал положение российской столицы как «сердце под ногтем мизинца». Если бы это произошло с человеком, ему грозила постоянная опасность повредить этот жизненно важный орган. Прославленный француз даже высказался, что столицу надо перенести в более безопасное место с изобилием чистой воды и благоприятным климатом. Например, около Уральских гор. Он даже название придумал – Русь или Росс. Конечно, этот обмен мнениями был бесконечно далек от реальных дел. Но это свидетельствует и о ре-

альных опасностях, которым неоднократно подвергался за свою более чем трехвековую историю Санкт-Петербург.

Войны часто непосредственно затрагивали жизнь Санкт-Петербурга. Он сам родился в ходе Северной войны, и при его планировке приходилось учитывать возможность ведения военных действий на том крохотном участке, где Петр возводил свой парадиз.

В окрестностях города войны проходили относительно редко. После Северной войны в начале XVIII века на водных пространствах Финского залива и прилегающей Балтике гремели залпы еще одной войны со шведами. Эти события, завершившиеся уходящий век, происходили в 1788–1790 годах. Воспользовавшись тем, что силы России были отвлечены войной с Турцией, шведский король Густав III возымел желание отобрать земли, отошедшие к России после Северной войны. До жителей города докатывался рокот громыхающей в море корабельной артиллерии. Сами горожане в срочном порядке формировали ополчение, которое должно было отстоять Петербург от шведской инфантерии (так в те времена называли пехоту).

В XIX веке только события провальной Крымской кампании привели к появлению тревожных ожиданий. Весной 1855 года, поблизости от российской столицы – перед Кронштадтом, оживленно напоминали о себе корабли антирусской коалиции. Горожане специально даже выезжали в Сестрорецк и Лисий Нос, откуда корабли противника были хорошо видны. Шведский король Оскар I заявил вновь, что пока русские в Петербурге, ни одна страна не может спокойно владеть... Финляндией. Перечитывать эти строки в начале XXI века даже... странно. Полтора века к тому времени Петербург жил, украшался, правил, а северный сосед никак не мог смириться с новыми реальностями на Балтике, да и в самой России. Впрочем, право на ошибку имеет каждый человек, даже если он король.

Петербург всегда оставался в строю, умел отстаивать себя и обязательно находил широчайшую помощь страны. Когда в 1788 году шведский король объявил войну России, на морских подступах к столице появился грозный флот противника. Гарнизон столицы был малочислен и не мог остановить врага. Основные силы России были заняты в войне с Турцией. В этой ситуации родилось

то, что возможно в государствах, в которых есть взаимопонимание между народом и властью, и где в душах значительной части населения доминирует патриотизм. На помощь пришли другие города империи. Москва на «почтовых» отправила 10 тысяч добровольцев в Петербург. В Санкт-Петербурге формировалось ополчение из горожан. Ополчение столицы пополнялось поморами Архангельска, судостроителями Олонца, рыбаками Ладоги. Хотя Петербургская губерния не подлежала рекрутированию, в ополчение записывались люди, еще вчера бесконечно далекие от военных дел. Были открыты арсеналы, снабжавшие оружием священников, лавочников, поваров, мастеровых города. Вольные цыгане записывались в гусары – все-таки ближе к лошадям. Под ружье встали даже каторжники, изъявившие желание воевать за Россию.

В этом ряду события Первой и Второй мировых войн. Первая мировая война шла где-то далеко от города. Балтика была перенасыщена обширными минными полями, через которые не рисковал пройти противник. Сухопутные фронты, хоть и не радовали, но гремели вдалеке. И лишь события 1917 года приблизили войну к Санкт-Петербургу. Впрочем, тогда он уже именовался Петроградом. Сражение с германским флотом у Моонзунда, когда группа немецких кораблей предприняла попытку выйти к Петрограду, стала событием выдающимся в героической истории отечественного военно-морского флота. В этой цепи и потрясающая до сих пор эпопея блокады.

Высшая власть – это... опасно

Современному человеку трудно представить передвижение высших должностных лиц страны без особых мер предосторожности, напряжения всех сил личной охраны. К сожалению, эти вынужденные меры вызваны реально существующей возможностью неприятных инцидентов, не говоря уже о террористических акциях. XX век дал для этого достаточно много примеров.

В истории России легко можно найти массу примеров полного забвения (конечно с позиций нашего времени) соображений их личной безопасности. Тема эта исключительно слабо освещена в литературе. Мы можем найти массу свидетельств, когда Петр I лишь в сопровождении своего кучера или нескольких человек ока-

зывался в толпе разных людей, в том числе и на работах по строительству Санкт-Петербурга. А ведь мы помним, что сюда присылали людей и в виде наказания за серьезные преступления. Конечно, вряд ли следует думать, что царь был вполне доступным человеком для любого желающего поговорить или что-то обсудить. Но он, однако, и не избегал прямого общения с народом в самых различных ситуациях. Елизавета Петровна также не чуралась горожан. Да, ее могли сопровождать кавалькады всадников, окружать многочисленная свита. Но она могла зайти в церковь, в которой находилось множество незнакомого народа, только в сопровождении одной служанки

Жизнь двора долгое время не была жестко отгорожена от толпы. Известны многочисленные случаи (конечно, не запланированные заранее) общения по самым разным поводам Екатерины II и череды императоров вплоть до Александра II. В середине XIX века коляска с императором или членами его семьи, проезжающая по Невскому проспекту или по Садовой улице (впрочем, эта сцена могла происходить и на всех остальных улицах столицы), не являлась сенсацией, народ не бежал толпой вслед за экипажем. Нет, люди, проявляя уважение к монарху, кланялись царю, а дальше шли по своим делам. Вот это и было *нормальным образом жизни столицы!*

В столице, увы, экстремистские организации впервые в нашей истории отработывали и *технологию террора*. Все изменилось в конце 1870-х годов, когда в общественной жизни терроризм становится ее неизменной составляющей частью. До 1917 года историки выделяют два «пика» террористической борьбы – 1878–1882 и 1901–1911 годы. К сожалению, Петербург стал в это время далеко не только идейным центром новоявленных борцов за *счастье для всех*. Общепризнанное благо, достигнутое посредством жесточайшего террора, было альфой и омегой их политических идей.

В основе террора лежало стремление заставить правительство пойти на перемены, которые различных оттенков радикалы считали необходимыми для России. Бороться с огромной государственной машиной империи им было не под силу, поэтому малочисленные организации революционеров избрали тактику самодельных бомб, кинжалов и пистолетов. «Охотничий сезон» открылся в эпо-

ху правления императора Александра II. 4 апреля 1866 в Петербурге Д.В. Каракозов у входа в Летний сад стрелял в императора, но промахнулся. В прокламации, написанной им еще до покушения, подчеркивалась необходимость указать народу его главного врага. Само же покушение повергло императора в удрученное состояние, что сказалось и на темпах реформирования всего государства. Каракозов был повешен по приговору Верховного уголовного суда.

В эти же годы печальную известность получил «Катехизис революционера» (1869) С.Г. Нечаева¹, сделавший грань между политическим и уголовным преступлением практически неуловимой. Автор книги попытался дать теоретическое обоснование террористической тактики в 16-м пункте: «Прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу». Вот так! Эти «милые идеи», конечно же, исходили из желания сделать нечто доброе для всех остальных.

Не будем думать, что террор в лице России обрел родину. Нет, эти методы уже имели в Европе давнюю историю, а в XIX веке о них широко писали. Покушались на многих монархов континента, вскоре – и на президента США А.Линкольна. Но в России террор обрел в лице радикалов многочисленных сторонников, глубоко убежденных в своей правоте, видевших в нем универсальное лекарство от многих социальных болезней.

Исключительную известность приобрела история с покушением на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. 24 января 1878 года в него стреляла В.И. Засулич. Да, речь идет о том самом Ф.Ф.Трепове, что навел на улицах столицы порядок, вызывающий зависть и сегодня. Оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных, породил у радикалов надежду, что террористы могут рассчитывать на сочувствие общества. И события не заставили себя ждать. В 1878 году последовали убийства жандармского офи-

¹ Впрочем, авторство книги, по мнению современных историков, разделяли М.А. Бакунин и П.Н.Ткачев, которым принадлежали базовые положения «революционного макиавеллизма».

цера Г.Э. Гейкинга и агента сыскной полиции А.Г. Никонова, киевского прокурора М.М. Котляревского. В том же году был предотвращен взрыв царского поезда. 4 августа все того же 1878 года, среди бела дня, на Михайловской площади в Петербурге, был заколот кинжалом шеф жандармов генерал-адъютант Н.В. Мезенцов. В марте 1879 года в Петербурге стреляли в шефа жандармов А.Р. Дрентельна. 2 апреля А.К.Соловьев стрелял в царя на Дворцовой площади, но ни один из его пяти выстрелов не достиг цели. Террорист был схвачен и вскоре повешен. Началась настоящая охота на царя. 19 ноября прогремел взрыв под полотном железной дороги при возвращении поезда императора из Крыма. 5 февраля 1880 года прогремел взрыв в Зимнем дворце, в царской столовой. Император в этот день опоздал к обеду. Тем не менее, при взрыве были убиты и ранены несколько десятков солдат охраны.

Наконец, наступило роковое 1 марта 1881 года. Царь поехал по набережной Екатерининского (ныне Грибоедова) канала. Взрывом первой бомбы, брошенной Н.И. Рысаковым, была повреждена царская карета, ранено несколько охранников и прохожих, но Александр II уцелел. Тогда другой метальщик, И.И. Гриневецкий, подойдя вплотную к царю, бросил ему бомбу под ноги, от взрыва которой оба получили смертельные ранения. Через несколько часов Александр II в муках скончался.

Мало кто знает, что покушение на царя было подготовлено гораздо более тщательно, чем это многим известно. 18 июня 1881 года под Каменным мостом через Екатерининский канал, расположенным в створе Гороховой улицы, была обнаружена бомба, заложенная народовольцами еще в 1880 году для покушения на императора. К моменту обнаружения бомбы царь был уже убит 1 марта 1881 года на набережной того же Екатерининского канала.

Смерть царя-освободителя вызвала скорбь в обществе, которое не поддержало террористов. Император Александр III после недолгих колебаний отказался подписать проект «Конституции» М.Т. Лорис-Меликова, в принципе одобренный его отцом и означавший, хотя и очень робкое, но все же некоторое движение к представительству. Либеральные министры были вынуждены уйти в отставку, правительство вступило на путь контрреформ. На месте гибели Александра II был построен храм Воскресения Хри-

стова, получившего в народе второе название – Спас на Крови. По стране был проведен сбор денег, которых с лихвой хватило не только на сооружение одного из интереснейших храмов города, но и для проведения благотворительных дел.

С начала XX века террористы вновь оживились. Список жертв террора обширен, включает министров, членов семейства Романовых. 14 февраля 1901 года был смертельно ранен министр народного просвещения Н.П. Боголепов. 2 апреля 1902 года застрелен министр внутренних дел Д.С. Сипягин. 15 июля 1904 года был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. 4 февраля 1905 года погиб (в Москве) великий князь Сергей Александрович. К этим жертвам общество относилось по-разному, нередко без симпатий, но радикалы обратились не к суду человеческому, а к иным средствам.

В грустную историю российского терроризма вошло 12 августа 1907 года, когда на Аптекарском острове, где размещалась дача премьер-министра империи П.А. Столыпина, прогремел страшный взрыв, во вспышке которого погибло свыше 30 и ранено более 40 человек. Среди жертв были дети председателя Совета министров, его чиновники, фабричные работницы, добившиеся приема у Петра Аркадьевича. Чудом оставшись живым, он через несколько лет будет застрелен в Киеве. Кстати, на прежнего премьер-министра России – С.Ю. Витте, также были покушения.

Террор не ликвидировал людского горя на земле, а лишь множил его на земле. Первая революция дорого стоила империи – террористами было убито и ранено около 4,5 тыс. государственных служащих различного уровня. К этому следует добавить 2180 убитых и 2530 получивших ранения «по ошибке» частных лиц, не имевших к имперскому аппарату никакого отношения. В общей сложности в 1901–1911 годы пострадали от террора около 17 тысяч человек.

После 1917 года терроризм как средство борьбы за власть был взят на вооружение большевиками. Безусловно, государственный террор советского периода истории России оказался генетически связан с терроризмом дореволюционным. Этого никогда не скрывали лидеры большевизма, по крайней мере, в первое десятилетие Советской власти. В сущности, гибель Николая II – это акт политического устрашения, т.е. того же террора. В известном смысле,

террор доконал таки монархию в буквальном смысле. К величайшему сожалению и в начале XXI века опыт российского, а точнее – петербургского, политического терроризма изучается различными радикалами в ряде стран Европы, Латинской Америки и даже Азии. События 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, осени 2002 года в Москве, лишь иллюстрируют мысль о живучести этой опасной болезни общества. Сегодня терроризм стал в ряд с глобальными проблемами человечества – эколого-климатическими, продовольственными, демографическими, энергетическими.

Иная судьба града Петра

Теперь обратимся к теме исторической судьбы города. При этом постараемся быть в стороне от какой бы то ни было мистики.

Прошли первые сто лет истории града Петра I. Многое стало привычным – его столичный статус, великолепные дворцы, особая планировка. Привычна стала и его столичная стать, воплотившая не только имперские традиции, но и ту Россию, какой она стала к началу XIX века. С *этой* Россией необходимо было считаться в европейских делах. К 100-летию со дня основания Санкт-Петербурга в 1803 году ныне мало кому известный поэт Семен Бобров посвятил событию несколько напыщенные строки:

Дивятся царства изумлены,
Что столь огромный сей колосс,
На зыбкой персти утвержденный,
Через столетие возрос.
Вселенной чудо, храм Дианы
Для блеска и твердыни сил
Три века с золотом поглотил;
А здесь не храм – но град державный,
Престол полмира, через век
На степень доблести востек.

Наступившая к этому времени эпоха Александра I возродила немало надежд на возрождение традиций Екатерины II. В союзе с крупнейшими странами Европы Россия участвовала в антинаполеоновской коалиции. Эти события приведут к Отечественной войне 1812 года – для России, вхождению русских войск в Париж – для Франции.

Однако не будем слишком глубоко обращаться к хрестоматийной истории эпохи. Скажу лишь, что с начала XIX века Санкт-Петербург окончательно утверждается в звании столицы. В городе пересекались многочисленные связи из европейских, азиатских и американских владений России. Это не было ожерелье рассыпанных по глобусу колониальных владений крупных европейских стран. Территории, во главе которых стоял Санкт-Петербург, составляли своеобразный имперский континент, охватывающий огромную часть планеты. Это впечатляет не только в начале XIX века, но и сегодня. Масштабы космические, *российские*. Особое положение накладывало огромный отпечаток на внутреннюю жизнь, состав населения города. В Санкт-Петербурге до 1917 года размещались все центральные учреждения страны. Поэтому он и поныне является памятником институтов государственной власти страны дореволюционного периода.

Многое столица взяла из Европы, но постепенно привнесла свой стиль, традиции, существующие и в настоящее время. С момента своего основания город стал проводником европейских форм государственности, порывая с прежними традициями. Старая столица несла мощный заряд прежней государственной культуры. Санкт-Петербург стал выразителем интересов всей России, а не Московского государства.

Центр города – не только дворцы, но и центральные учреждения империи. Здесь же, в центре, разворачиваются общегосударственные торжества, сопровождаемые фейерверками, массовыми народными гуляниями в честь крупных событий в жизни страны, города, правящей династии. Сюда приезжали в разные времена многочисленные делегации других стран, в том числе и на самом высоком уровне. Кого только не видел город – подавляющую часть коронованных особ, виднейших государственных деятелей высшего ранга всех стран. Здесь же трудились известнейшие российские государственные мужи, армия чиновников, принимались решения, влиявшие на жизнь империи.

Один из парадоксов города является его двоякая роль в событиях октября 1917 года. Да, революция произошла именно здесь. Но будем помнить, что задолго до февральской революции, ликвидировавшей монархию, царь прочно обосновался в Ставке в Мо-

гилеве, взяв на себя верховное командование. Не будем задаваться риторическим вопросом – почему так надолго царь оставил столицу – гневался на нее или же не осознавал угрозу революции, о которой его предупреждали со всех сторон? В Могилеве дел тоже было много – германский фронт требовал особого внимания. Но не покидает чувство, что между императором и столицей исчезло *понимание*.

Да, здесь же большевики взяли власть, превратив свои требования в реальную политику огромного государства. Когда в начале 1918 года немецкие самолеты сбросили бомбы на город (мир в Брест-Литовске еще не был подписан), новая власть переехала в Москву. «Сработал» синдром «сердца под ногтем мизинца». Поначалу было решено, что правительство вскоре вернется в Питер. Но этого не произошло.

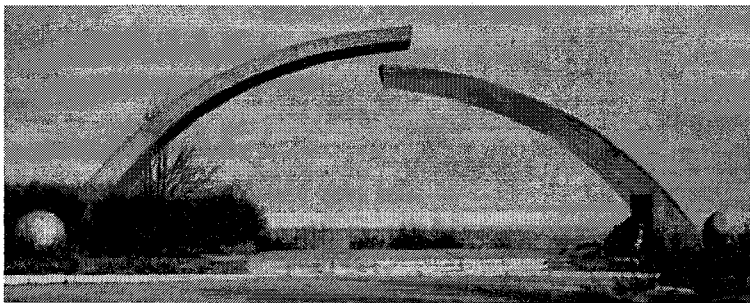
Сложные отношения между Москвой и Санкт-Петербургом (неважно – Петроградом, Ленинградом) родились далеко не только от ревнивого чувства жителей двух городов. Вовсе нет. Более того – обе столицы роднили одни и те же факторы их роста и развития. И Москва для авторитета власти крепилась строениями, создаваемыми прекрасными иноземными специалистами. Причина кроется глубже. Из столицы уехал царь, вскоре после революции – советское правительство во главе с Лениным. Сталин был исключительно редким гостем в городе после 1917 года. Он сюда срочно прибыл лишь после убийства С.М.Кирова, возглавив следствие и больше не приезжал. В Москве карьера тех, кто приехал из Ленинграда, оканчивалась крахом.

Здесь не нужно искать столь модной магии города. Изоляционизм Московского государства, видимо, в большей мере соответствовал политическим планам большевиков, нежели европеизм Петрограда (Ленинграда). Сама *направленность* города на Европу, в большой мир, оказалась невостребованной в десятилетия холодной войны, жесткого противостояния двух политических систем. В известном смысле и здесь перед нами *технология навыворот* – превращение столицы в город с областной судьбой, по метчайшей формуле Д. Гранина. Став областным центром со всеми вытекающими отсюда последствиями, город начал многое терять – позолоту, чистоту улиц, оставляя до конца свое главное богатство – деся-

тилетиями и веками складывавшееся многонациональное население, ментальность. По этому поводу А.А. Ахматова заметила, что Санкт-Петербург может существовать только как столица или... никак. Вот он до поры до времени и замер в своем столичном развитии, но продолжал внутренний новационный ритм в своих институтах, цехах, лабораториях и мастерских художников, скульпторов, театрах и студиях, университетских и институтских аудиториях и в школах. Везде, где рождалось из прошлого настоящее и задумывалось будущее города.

Блокада, боль наша

Любая война — великое несчастье для любого народа, города. Санкт-Петербург, тогда именовавшийся Ленинградом, пережил не просто Великую Отечественную войну. Для Ленинграда она обернулась апокалипсическими 900 днями блокады, особенно зимой 1941/42 года. Именно в эти зимние месяцы война многократно усугубилась чудовищным голодом и невероятными морозами. Наверное, лишь историки и писатели могут уместить в сознании исключительно многоплановую мозаику крупных событий. Говорить о какой-то «технологии» в этом случае — откровенно брать на душу грех игры словами. Такой БЕДЫ еще не было в мире ни с каким другим городом! Более того, в случае взятия Ленинграда, победители планировали вообще стереть его с лица земли.

Для простых людей даже события мирового масштаба остаются в памяти через свои личные воспоминания об увиденном. Для той части ленинградцев, которые были эвакуированы в тыл, война вспоминалась как изнурительный труд, полуголодное время,

весьма неустроенный быт. Те, кто попал на фронт, воспринимали ее как череду боев с врагом *на передовой*. Для тех же, кому выпала тяжкая судьба пережить блокаду, вспоминают иное. Самая лютая часть блокадной эпопеи – это осень, зима 1941 – зима, весна 1942 годов. О блокаде много написано, еще больше сказано. Однако до конца *почувствовать* ее можно, скорее увидев огромные братские захоронения погибших, фото- и кинодокументы. То, что способны передать глаза людей той эпохи, картины такого горя, когда человек уже и плакать не имел сил. А. Гитович еще в 1942 году почти пророчески писал:

Людское горе. Кто его измерит
Под бомбами, среди полночной тьмы?
И многие, наверно, не поверят,
Что было так, как рассказали мы.

Сегодня уже мало осталось жителей города, которых именуют *блокадниками*. Описать то, что пережили эти люди не просто трудно – невозможно. Совершенно отчаянный, иступленный голод, бомбежки, обстрелы тяжелой артиллерией. И холод, холод. Природа нередко вторгается в серьезные испытания людей, добавляя к ним холод либо голод. И резкое ослабление воли, желания выжить у совсем ослабевших от голода горожан.

Речь идет не просто об отчаянном, непереносимом голоде, который оставлял только мысль о еде. *Тот голод* по-настоящему съедал личность человека и даже его жизненно важные органы. Из глубокой дистрофии человек уже оказывался не способным вернуться к жизни, какое бы питание он после не получал. Дорога жизни была просто не в состоянии помочь всем. Более того, даже когда удалось как-то наладить снабжение продовольствием, наиболее истощенным людям это уже не могло помочь. Их организм уже был не способен вернуться к жизни. Поэтому смертность оказалась весной не менее страшной, чем в ноябре – декабре-январе.

В состоянии страшного истощения горожане *работали* для фронта, собирая и ремонтируя танки «КВ», полковые пушки, поставляя боеприпасы. Совершенно мирные предприятия перешли на выпуск военной продукции. Пивоваренный завод «Красная Бавария», фабрика музыкальных инструментов, артель «Примус», фабрика «Грим» выпускали бомбы, гранаты, мины. В ноябре 1941

года, когда норма выдачи хлеба уже составила 125 граммов, город отправил по воздуху в Подмоскovie, где развернулась битва за столицу, огромное количество оружия и боеприпасов. В самую смертоносную для города первую блокадную зиму, предприятия дали фронту 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тысяч орудий, 10 тысяч минометов, 3 млн снарядов и мин. Это незначительно в сравнении с тем, что давали заводы Урала, Сибири, Средней Азии. Но будем помнить, что вся эта гора военной продукции была оплачено огромным числом человеческих жизней. Люди просто переставали двигаться... В 1943 году В. Лифшиц написал о преображенном войной и блокадой Ленинграде:

Исакия холодный купол
Стал каской, к выстрелам привык,
И тучу острием нащупал
Адмиралтейства русский штык.

Против жизни было все – лютый холод зимы 1941/1942 года, недостаток электричества, бездействие водопровода, остановка транспорта. К этому добавлялся артиллерийский обстрел, бомбежки. И голод, голод, голод. Эти слова рефреном проходят через всю блокадную эпопею города. Официальные данные о масштабах гибели жителей города – более 640 тысяч человек – давно вызывают основательные сомнения у историков, полагающих, что потери были никак не менее 800 тысяч человек. Те же историки подсчитали, что на каждый квадратный километр упало 16 фугасных, 320 зажигательных бомб и 480 снарядов. Артиллерийские обстрелы нередко продолжались по 18 часов...

Но город жил! Сопrotивлялся! Надеялся! Еще в сентябре 1941 года были проведены работы по маскировке скульптур, украшавших наиболее известные ансамбли города. «Медный всадник», кони Клодта, шпили Адмиралтейства и Петропавловского собора и многие другие памятники были тщательно укрыты или спрятаны от глаз врага.

А ведь весной 1942 года истощенным ленинградцам пришлось *чистить и убирать весь город*, чтобы не допустить массовых инфекций. Об этом трудно говорить, но целые подъезды и даже дома оказывались вымершими. Нужно было обойти *все дома*, которыми так гордился город, чтобы найти погибших людей...

Когда же минует страшная зима 1941/42 года, город начал медленно оживать. 6 мая 1942 года состоялся футбольный матч «Динамо» и сборной гарнизона. Это событие уже не из области спорта. Это – героика.

Блокадная эпопея на первый план выдвинула совершенно неосознаваемое качество человека – силу духа, воли. Здесь нет единиц измерения, но каждый человек ощущает эти качества. Выдающимся культурным событием этой поры стала дата 9 августа 1942 года. В Большом зале Филармонии состоялась премьера 7-й симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Для того, чтобы она состоялась, с фронта были присланы музыканты, которые под руководством дирижера Карла Элиасберга смогли в короткий срок подготовить выступление, ставшее еще одним примером непоколебимой силы духа ленинградцев. Мы можем лишь догадываться, чем был для блокадников этот концерт. Им важно было даже в осажденном голодающем городе вести нормальную жизнь. Именно поэтому они так рады были, что в их городе наперекор врагу звучит музыка. Это желание проявилось даже в такой детали. Весь оркестр искал по всему городу одну картофелину, но не для того, чтобы съесть, а чтобы накрахмалить манишку дирижера Элиасберга. Все должно было быть по-настоящему, без скидок на войну и блокаду. Можно по-разному относиться к жанру оперетты. Но уместно сказать, что актерская труппа театра оперетты *работала* в самую тяжелую пору. Можно только догадываться чего стоило работникам ленинградского радио каждый день вести свою работу, включавшую и трансляцию *немецкой* музыки. А работа сотрудников Публичной библиотеки, носившей имя М.Е. Салтыкова-Щедрина, тяжело обслуживавших своих читателей. Думается, мы вправе допустить, что это сверхусилие помогло тем, кто выжил, помогая другим.

Примеси в выдаваемом крошечном куске хлеба составили уже 60 %, а выработка электроэнергии сократилась до 4 % от довоенного уровня. В январе наступили самые сильные морозы – среднемесячная температура составила -19°C – гораздо ниже средней нормы для этого месяца в Ленинграде, которая обычно составляет -8°C . Более того, в течение 8 январских дней термометр показывал -30°C и ниже. Но это в условиях голода и отчаянной нехватки то-

плива для обогрева. Жгли книги, мебель, паркет – все, что могло согреть.

Питьевая вода стала большим дефицитом, а ее транспортировка в квартиры и учреждения – настоящим подвигом. «Свеча горела с двух концов» – так образно характеризовали жизнь питерцев в ту эпопею. Необычно низкая температура зимы добавилась к параличу транспорта. В итоге людей косил голод, необходимость расхода калорий на длинные пешеходные передвижения внутри города. К этому добавим, что и сами защитники мало отличались от гражданских жителей по степени истощения. По отчетам с передовой, солдаты могли без отдыха передвигаться не далее 400 метров¹.

В список новаций, сопровождавших историю города, даже блокада с ее трагедией огромного числа жителей, вписала дополнительные страницы. Хотя, лучше бы они оставались неизвестными и незаполненными. Впервые в мировой истории такой крупный город, в котором несколько месяцев царил голод, погибли тысячи людей, не стал большой ареной, на которой воцарился бы еще один беспощадный враг – массовые заболевания. Полностью им перекрыть дорогу оказалось невозможным. В конце марта 1942 года вспыхнула эпидемия холеры, брюшного тифа, сыпного тифа², но за счет профессионализма и высокой квалификации медиков вспышка была сведена к минимуму. И это при почти полном параличе водопровода, канализации, городских служб. Усилия медиков были дополнены оперативной и согласованной работой действовавших городских структур. А в основе был все тот же труд тысяч и тысяч истощенных и оставшихся для потомков безымянными горожан.

Но наша суровая природа и помогла блокадникам. Сильнейшие морозы хорошо и рано сковали Ладожское озеро льдом, по которому пошло продовольствие, горячее, техника

¹ Подр. см. на сайте: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

² Об этом речь шла на конференции, посвященной 61-й годовщине снятия блокады в центре медицинской профилактики (<http://www.ppfo.ru/archive/2942370.html>).

и боеприпасы – в город. Обратно они вывозили людей из объятий смерти, то, что ни при каких условиях нельзя было отдать врагу.

19 ноября 1941 года трасса начала работать, однако уже через три недели она была закрыта до середины января. Великий ледовый путь действовал до 24 апреля 1942 г. Летом, с началом навигации, доставка продолжилась силами Ладожской военной флотилии. В 1943 году Дорогу жизни сменила Дорога Победы – железная дорога, проложенная в отбитом у фашистских войск узком коридоре от Ленинграда к Волхову. Эта история транспортной связи с Большой землей беспрецедентна сама по себе, а по числу людей, спасенных по ней, объему перевозок – не имеет precedентов¹. Впрочем, героизм питерцев – тем более.

Вокруг Санкт-Петербурга создан огромный, уникальный памятник защитникам города, протянувшийся на более чем 200 километров, т.е. по всей линии обороны. На этом кольце установлено 26 монументов. Кроме того, еще 9 монументов установлено на Малой земле – на Ораниенбаумском плацдарме. Еще 7 памятников установлено на Дороге жизни, включая сжимающий сердце памятник «Разорванное кольцо», на площадке которого следы протектора колес грузовиков уходят прямо в Ладожское озеро. У мыса Осиновец ныне работает музей «Дорога жизни», являющийся филиалом Центрального военно-морского музея. Дорогу жизни городу даровала необычно холодная зима, ставшая одновременно врагом и союзником осажденных. Это была единственная и тонкая нить, связывавшая осажденных с Большой землей.

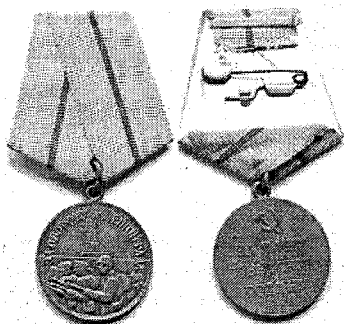
Блокада оставила не одно, а много братских захоронений погибших защитников и жителей Ленинграда. Наиболее известно мемориальное Пискаревское кладбище, где в блокадную эпопею появилось братское кладбище. Но горожане знают, что хоронили погибших далеко не только там. В сущности, вся земля города и

¹ Эта трасса сыграла исключительную роль в обороне Ленинграда. По ней в осажденный город подвозили продовольствие, топливо, вооружение и боеприпасы, эвакуировали больных, раненых, нетрудоспособных, промышленное оборудование, культурные ценности. Недаром народ называл ее «Дорогой жизни». Достаточно сказать, что всего по ней было перевезено свыше 1 миллиона 615 тысяч тонн грузов, эвакуировано около 1 миллиона 376 тысяч человек, в том числе по ледовой дороге более 1 миллиона тонн грузов и около 600 тысяч человек (Наука и жизнь. 1985. № 5).

его окрестностей стала местом упокоения того поколения горожан, на плечи которых выпала защита Санкт-Петербурга от врага. С. Давыдову принадлежат горькие строки в память о тех, кто вечным сном спит в этой земле:

Ленинградец душой и родом,
Болен я Сорок первым годом.
Пискаревка во мне живет.
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идет.

В 2001 году к мемориальным местам, связанным с блокадной эпопеей прибавился еще один. Во время войны на месте нынешнего парка Победы кирпичный завод стал крематорием. Недавно в одном из прудов парка нашли вагонетку, служившую сначала для обжига кирпичей, а затем на ней отправляли в последний путь погибших горожан.

На территории парка, отнюдь не случайно созданного здесь после Великой Отечественной войны, был рассеян прах 120 тысяч горожан. Теперь эта вагонетка поставлена на постамент, напоми-

ная своей исторической материальностью о страшных потерях. Да, писать об этом горько, страшно. Но и забывать об этом нельзя, иначе история может снова повториться. Надо, обязательно надо и об этом помнить, дорогой читатель!

Города всего мира в войнах выступают скорее потерпевшей стороной. К Петербургу это относится в полной мере. Сегодня можно сказать, что войны принесли горе не только в Россию. В те же годы от Дрездена остались руины после бомбежки 13 февраля 1945 года, погубившей в одночасье более 135 тысяч жителей. Да и Берлин, где зрели роковые планы мировой войны, на себе испытал ответ истории, которую попытались переделать новоявленные нацистские «боги». Нет данных о потерях *всех* городов Европы за годы второй мировой войны. Гибель Хиросимы и Нагасаки – это тоже результат войны, равно как и гибель городов и деревень России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Германии, Франции, Великобритании и других стран.

Инерция той войны огромна и действует даже сегодня, в начале XXI века. Блокада, завершившаяся более 60 лет назад, продолжает собирать свои жертвы. Ее последствия врачи наблюдают до сих пор. Многие болезни жителей блокадного города передались через поколение их внукам¹.

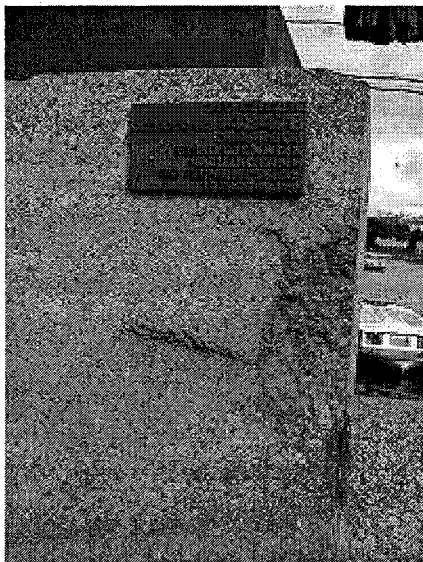
Потери были огромны. Принято говорить о 900-дневной блокаде. На деле было немного меньше, т.к. эта мука длилась с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 года) – 879 дней. Но и этого хватило, чтобы недосчитаться 1 млн 200 тысяч умерших от голода², а в боевых действиях (армия и флот) 332,059 убитых, 24,324 небоевых потерь, 111,142 пропавших без вести³.

Невосполнимый ущерб был причинён историческим зданиям и памятникам, находившимся в занятых противником пригородах Ленинграда. Были разрушены Большой Екатерининский дворец в Царском селе, Большой дворец в Петергофе. Знаменитая Янтар-

¹ Подр. см. материалы сайта <http://www.ppfo.ru/archive/2942370.html>.

² За годы блокады погибло, по разным данным, от 400 тыс. до 1 млн человек. Так, на Нюрнбергском процессе фигурировала цифра в 632 тысячи человек. Только 3 % из них погибли от бомбёжек, и артобстрелов; остальные 97 % умерли от голода.

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – сайт «Блокада Ленинграда».

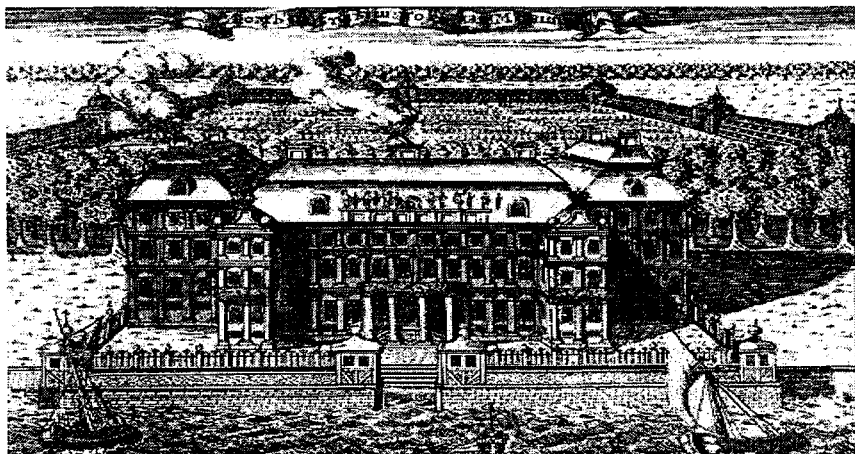

ная комната, подаренная Петру I королём Пруссии, была целиком вывезена гитлеровцами.

На постаменте одной из конных статуй, украшающих Аничков мост, после блокадной эпопеи остался след артиллерийского снаряда, оскорбившего дивный памятник, творение Клодта.

Войны бывают разные — холодные, информационные, торговые и еще много иных, но и в них есть свои жертвы, о которых мы знаем куда меньше, чем о «горячих».

XX век создал и еще одну уродливую их форму террористическую. Наступивший век показал, что они не менее беспощадны и кровавы, чем все остальные. В начале XXI века необъявленная война террористов на глазах сотен миллионов землян погубила почти три тысячи жителей Нью-Йорка. Не менее кровопролитные события происходили в России на Северном Кавказе. Будьте прокляты те, кто развязывал войны! Виват тем, кто боролся, чтобы их не было!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – АРХИТЕКТУРНЫЙ

Клио, Янус и архитектура

Санкт-Петербург всю свою трехвековую историю строился и перестраивался. Этот процесс, совершенно естественный для любого города, с самого начала существования новой столицы получил своеобразие. Проявлялось оно, прежде всего, в его двойственности. Санкт-Петербург, как античный бог Янус, обладал двумя ликами – европейским и российским. Если же мы с вами попытаемся определить, какое же лицо новоявленного архитектурного Януса больше соответствовало его сути, обратите внимание на европейские черты домов, улиц, мостов, набережных. Давай попробуем, уважаемый читатель, неожиданно для себя оторваться от земли, и подобно птицам, подняться над землей. Э, да что там птицы! Сама покровительница истории, божественная Клио, волшебным образом поможет нам летать и во времени! Что мы увидим? Город, который похож на нынешний Петербург, и очень отличается. Общая планировка весьма схода, а если присмотреться к зданиям, то мы найдем множество отличий. Ныне многих зданий уже не существует, на их месте построены другие. В разные эпохи на месте жилых кварталов или садов мы видим дворцовые ансамбли. Но остается главная составная красоты города, его такой разной и, вместе с тем, ставшей единой, архитектурой – много про-

стора, воздуха. С Балтики летят ветры! Корабли идут, дворцы строятся, флаги выются...

Сохранившиеся к настоящему времени исторические сведения об основании Петербурга не отличаются безусловной достоверностью. В Преображенском походном журнале говорится, что 11 мая Петр поехал сухим путем в Шлиссельбург, 14 мая был в устье реки Сясь, 16 мая проехал еще далее, и 17 мая прибыл на Лодейную пристань. Таким образом, если верить этому дневнику, 16 мая Петра не было в Петербурге. Поэтому многие принимают за день основания новой столицы 29 июня 1703 года, когда совершена была закладка храма святых Апостолов Петра и Павла. В документах той поры имя Санкт-Петербурга не упоминается ни в мае, ни в июне 1703 года; местность эта сохраняла некоторое время имя Шлотбурга. Однако вскоре, выросший на берегах Невы город по велению Петра I город стал столицей необъятной державы. Он был ею на протяжении двух веков. Не раз за свою историю город менял имя: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград...

В его дворцах и на его улицах вершились события, определившие будущее всего государства, с ним связаны имена многих деятелей, составивших славу России. Француз Леблон здесь впервые реализовал свою новацию периферийное расположение двухмаршевых лестниц в углах парадного корпуса Стрельнинской резиденции, реализованный позже Растрелли в Зимнем дворце. Подобную планировочную систему лестниц можно считать исключительно петербургским изобретением, ибо, как отмечают исследователи среди планов дворцов и отелей Франции первой четверти XVIII в., не встречается примера подобного размещения лестниц¹.

Сегодня – это второй по величине и значению город страны, сокровищница искусства, город-музей, сохранивший прекрасные творения гениальных зодчих. Полноводная Нева, торжественные гранитные набережные, простор площадей и уходящие вдаль проспекты, каналы и узорочье оград, изящные дворцы и размах грандиозных по замыслу архитектурных ансамблей, напряженный

¹ История науки и техники. Сборник трудов первой Всероссийской молодёжной научно-просветительской конференции «История науки и техники», состоявшейся в Санкт-Петербурге 25–26 апреля 2001 года. т. 1. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2001.

ритм современного города – создают незабываемый облик одного из красивейших городов мира.

«Застывшая история в камне» – широко известная формула, ставшая расхожей и универсальной, которую можно применить не только ко всему Санкт-Петербургу, но и к любому близкому железобетонному дому. Даже в бетонной коробке, так или иначе, заложена история.

Об архитектуре исторического Санкт-Петербурга написано много замечательных книг, которые с подробностями рассказывают о дивных строениях, воздвигнутых на берегах Невы.

История архитектурного Санкт-Петербурга – это не только каменные, мраморные произведения градостроительного искусства. Это еще история эпох, правлений императоров, развития силы, мощи империи, ее интеллекта. Наконец, это также – история развития управления огромной Российской империи и постепенное расстройство такового. В архитектуре города осталось мрачное время Анны Иоанновны, бесшабашное время Елизаветы, победоносное для русского оружия и дипломатии правление Екатерины Великой. В камень триумфальных арок и дворцов, соборов и площадей вошла эпоха Александра I. Даже краткое правление Павла I оставило Михайловский замок, который только сегодня начинает приобретать первоначальный вид. Менее пышная, скорее скучновато-казенная эпоха Николая I также легко обнаруживается на улицах и площадях города. Своеобразным символом Александра II остался Спас на Крови. Александр III оставил нам архитектуру заводских окраин, «Крестов», постройки стандартных жилых домов. Время последнего императора Николая II в этом ряду выделяется стилем модерн великолепных особняков, неповторимыми контурами мостов через Неву и многим другим. Советский период оказался наименее выразительным в архитектуре города. Здания в стиле конструктивизма, «сталинского» покроя, а в послевоенные годы – великое множество совершенно безликих спальных районов, где глазу любознательного туриста просто не на чем остановить свое внимание. До 1917 года скульптуры, памятники украшали многие площади и улицы Санкт-Петербурга, дополняя архитектурные ансамбли, созданные ранее. В советский период, конечно, также ставились скульптуры, памятники, но появилась и особен-

ность. В послевоенные годы воздвигаются обширные памятники-ансамбли. За этими переменами легко обнаруживается своеобразная мода, психология исторического времени, своеобразие состояния общества России в целом и Санкт-Петербурга, в частности.

Это сегодня каналы застроены зданиями, большинство облицовано гранитом. Вдоль них текут транспортные реки. Больше века после основания они оставались не просто окраиной города, а были слободами, деревеньками, где жили разные люди, объединенные способом добывания хлеба насущного. Кто ловил рыбу, кто растил скотину, кто добывал смолу, лил металл. Вдоль речек косили траву на душистое сено. Кособочились крохотные церквушки, бродили куры. Балтийские ветры несли свежий воздух, летом грело солнышко, Нева неспешно несла свои воды.

Зато в центральной части столицы трудилось население столичное – чиновники, купцы, грузчики, рабочие. Центральная часть Санкт-Петербурга была парадным въездом в Россию, ее лицом. Поэтому над его застройкой работали *лучшие* архитекторы, ставшие в один ряд с теми, кто основал прекрасный город. Сегодня это – предмет заботы не только отечественных властей, но и ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культур, включившая центр города в список мирового культурного наследия. Город со своим архитектурным лицом, осторожно относится к его резкому изменению. Примером тому – далеко не однозначное отношение к плану возведения 320-метрового небоскреба напротив Смольного монастыря. В этом случае новаторский дух города специалисты стремятся соединить со сложившимися традициями. А это – задача, далеко выходящая за пределы только архитектурных решений.

Простора! Еще простора!

Петр I – безусловный «западник» в выборе архитектурных вкусов и стилей. Он же – первый российский император. Остро ощущая шаткость положения России, шел нередко наобум, ощупью. Нередко многие его указы подвергаются серьезной (и часто вполне справедливой) критике потомками. Однако царю было присуще упрямство (часто помноженное на жестокость) с которым он добивался своей цели. Поэтому город основывался, строился,

возводился. И вот появляются первые строения – любезные его сердцу здания голландского стиля. Рядом встанут бастионы Петропавловской крепости. Заметим, что исторически крепости в России исполняли военную или тюремную функции. Петр добавил к этому еще одну ипостась – крепость стала фамильной усыпальницей Романовых.

Царь-плотник разметил эти земли под строительство города как толковый мастер, что уже не позволило его преемникам сколько-нибудь изменить потрясающую геометрию столицы. В начале XX века А. Лозина-Лозинский поэтически описал «площадку» задуманного царем невиданного на Руси города:

Разумно в центр бегут прямые магистрали,
Лежат зеленые, большие острова,
За ними – море, ширь, синеют дали, дали,
И город пополам змеею рвет Нева.

Хотя, справедливости ради скажем, была у царя мысль выдвинуть город еще западнее, ближе к Балтике – в Кронштадт. Но эта идея была слишком опасна, делая город более уязвимым при внезапной агрессии. Эта идея, однако, не была отвергнута бесследно. Движение произошло, но не столь радикально – на Васильевский остров. Поэтому здесь появляется порт, здание Сената, Двенадцать коллегий, дворец генерал-губернатора

Бурное развитие приостановилось со смертью основателя. Повлияли на это не только личные качества новых правителей. Вновь мучительно определялся вопрос – быть столице в Москве, или в Петербурге? Корни людей, решавших судьбы России были тесно связаны именно с Москвой – влиятельнейшие фамилии Долгоруких, Голицыных и других. Однако Петербург к этому времени уже прочно связал Россию с Европой. Петровская эпоха сформировала целую плеяду людей, нерушимо включенных в фундамент реформированного Петром государства.

Анна Иоанновна, несмотря на колебания, избрала Петербург своей столицей. В 1732 году, вместе со своим двором, она переехала в Петербург и вновь сделала наш город столицей. В 1737 году она повелела сформировать «Комиссию о Санкт-Петербургском строении», сыгравшую заметную роль в определении градостроительной политики города. Появились не только дворцы ее

фаворитов. Была закончена облицовка Иоанновского и Алексеевского равелинов Петропавловской крепости, которые по ее повелению были названы в честь отца и деда императрицы¹. До нашего времени сохранились выразительные Иоанновские ворота все в той же Петропавловской крепости.

Впрочем, по ее приказу велись работы над очередным зимним дворцом. Известно, что еще с петровских времен у государя в Петербурге был не только Летний дворец (в Летнем саду), но и «Зимний дом». Первый зимний дом Петра I был построен в 1711 году на берегу Зимней канавки, второй – на месте современного Эрмитажного театра (1716–1719). Фрагменты оформления петровского дворца можно сейчас увидеть на боковом фасаде Эрмитажного театра, со стороны Зимней канавки. Пришедшую к власти Анну Иоанновну старый дворец уже не устраивал. 27 мая (7 июня) 1732 года был заложен так называемый «третий» Зимний дворец, сооруженный по проекту Ф.-Б. Растрелли для императрицы Анны Иоанновны. Судьба дворца сложилась неудачно: он неоднократно перестраивался, а затем, в 1754–1762 годах, на его месте был сооружен современный «пятый» Зимний дворец, известный нам с вами еще и как Эрмитаж.

Возвращаясь же ко временам Анны Иоанновны, непременно напомним читателю, что до сих пор сохранилась память о казнях, в которых сложил голову и премьер-министр императрицы Артемий Петрович Волинский, похороненный вместе со своими бывшими «конфидентами» А.Ф. Хрущевым и П.М. Еропкиным близ ворот церковной ограды церкви Сампсония на Выборгской стороне. В 1886 году, по почину редактора «Русская старина» М.И. Семевского и на частные пожертвования, был воздвигнут новый памятник жертвам той эпохи. Истории Волинского и его товарищей впоследствии посвятили свои произведения К.Ф. Рылеев, В.С. Пиккуль и другие писатели. Казнены были талантливый дипломат и государственный человек, блестящий архитектор, наконец – просто люди, неистребимые во все времена – болевшие душой за отечество.

¹ Дедом ее был Алексей Михайлович, отцом – Иван V, соправитель и сводный брат Петра I.

Окончательно вопрос о Петербурге-столице был снят с восшествием на престол Елизаветы Петровны (1741–1761). В годы ее правления были закончены строительные работы в здании Двенадцати коллегий. Площадь города была еще невелика – его границы проходили вдоль Фонтанки, за которой – леса. Однако город был полон противоречий и сюрпризов. Великолепные дворцы вельмож спокойно относились к соседству с бедными лачугами. Развалившиеся строения прошлых лет быстро, иногда в несколько недель или месяцев, превращались в ряды каменных строений. При этом неизменно соблюдалась петровская традиция, по которой в центре столицы разрешалось строить дома только из камня, а в предместьях можно было возводить деревянные строения, но обязательно на каменном фундаменте.

«Блестящий век» Екатерины II оставил во внешнем облике города столь очевидные архитектурные свидетельства столичного града, что последующим повелителям империи оставалось лишь продолжить сделанное. Именно в годы ее правления столица начала приобретать не только блеск и пышность, но и все черты интеллектуального центра империи. Это проявлялось не только в личности императрицы – женщины умной, властной, хорошо разбиравшейся в людях. Не случайно мы говорим «век Екатерины», подразумевая не только протяженную хронологию ее правления, но и людей, ее современников, *формировавших* эту эпоху. Памятник М.О. Микешина Екатерине II в саду, носящем ее имя, окружен людьми, имена которых навсегда пошли в этот «век». Среди них – Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, А.В. Суворов, Г.Р. Державин, Е.Р. Дашкова, А.Г. Орлов, В.Я. Чичагов, И.И. Бецкой, А.А. Безбодрко.

Создание новых архитектурных ансамблей, сравнимых с уже существовавшими, практически прекратилось с утерей статуса столичного города, т.е. с 1918 года. Все! Строились и комплексы (мемориальные, спортивные и т.д.), над которыми работали великолепные архитекторы. Но они явно уступали архитектурным вкусам новых властителей страны. Этим объясняется появление «сталинского стиля», позднее «хрущевок». Всевышний миловал Санкт-Петербург от архитектурных монстров, которыми после Великой Отечественной войны оказалась «изукрашена» Москва –

«сталинских» небоскребов. Лишь в плохом сне можно представить их появление в историческом центре Санкт-Петербурга. Дальше перед нами чередой проходят многочисленные промышленные здания, огромные спальные районы, где птицы-краны снесли свои однообразные железобетонные кварталы, среди которых даже коленные горожане могут легко заблудиться.

Морское лицо Санкт-Петербурга

Со школьной скамьи мы уже подсознательно полагаем, что основание города и выход России к морю настолько соединились, что стали своеобразным его образом. Действительно, в гербе города, который символизирует главную его сущность, есть якоря. Однако связь с морем имеет и более глубокую основу. Для царя-реформатора корабль был далеко не только средством пересечения морей. Для Петра он был символом организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальное воплощение человеческой мысли. Причем эта система способна осуществлять сложное движение по воле разумного человека среди хаотического движения волн.

По мнению одного из крупнейших знатоков петровской эпохи, историка Е.В. Анисимова, корабль символизировал в миниатюре государство, у руля которого стоял сам Петр I. Государство-корабль стало своеобразной моделью идеального устройства общества, лучшая форма его организации, придуманная человеком в ходе тысячелетней борьбы с силами природы. Своеобразная научно-техническая революция XVII века, иногда именуемая веком Рационализма, серьезно изменили мироощущение той эпохи. Наука, опыт многими воспринималось в качестве вполне надежного средства утверждения господства человека над силами природы. Отсюда напрашивался вывод – государство, являющееся человеческим установлением, которое разумный человек может изменить по собственному усмотрению. Более того, он способен его усовершенствовать в зависимости от целей, которые были поставлены. Вполне материалистический взгляд, возможно и продиктованный Петру иные формы отношений с церковью, что привело к появлению в Петербурге Синода, а самого царя превратило в главу российского православия.

Основатель новой столицы любил море, хорошо знал оснащение корабля, сам мог взять на себя штурвал. Об этом много написано, создано легенд и былей. А.С. Пушкин его так и именовал «шкипер славный, кем наша двинулась земля».

Ведь в известном смысле Петр I и Россию строил как корабль. Но ведь царь — не шкипер, а Россия — вовсе не корабль. Может в этом коренились достоинства и недостатки петровской эпохи?

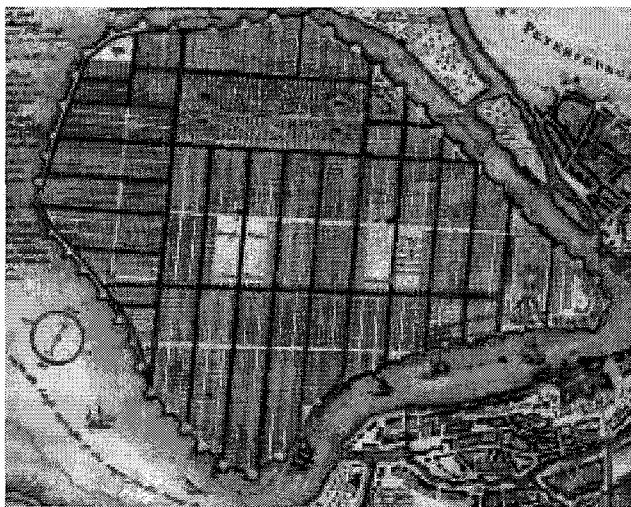
Родственник за океаном, а мы не знали!

Если мы посмотрим со стороны Финского залива на город, перед нами открывается берег Васильевского острова. Это — самый большой из островов Невской дельты. Его площадь 1050 гектаров. Он омывается водами Большой и Малой Невы, реки Смоленки и с Запада — Финским заливом. Задолго до основания города этот остров наряду с финским названием Хирвисаари (что значит Лосиный остров) имел, впрочем, и другое, русское — Василев остров. Считают, что финское название действительно было связано с лосями, в большом количестве водившимися здесь в отдаленные времена. Васильевский остров — очень старое название в нашем городе. Оно существовало не менее двухсот лет до основания Петербурга. В XVIII веке были попытки изменить название острова. Так одно время остров называли Княжеским, или Меншиковым — по имени его владельца, ближайшего сподвижника Петра I — А.Д. Меншикова. В 1727 году, уже при Петре II, был издан указ — именовать остров Преображенским, так как предполагалось перевести туда гвардейский Преображенский полк. Однако эти названия сохранялись недолго. Как, впрочем, и недолго длился фактический перенос столицы в Москву.

Однако вернемся к фигуре основателя. Петр I — личность яркая, привлекавшая к себе внимание не только потомков, но и современников. Как и за многими другими историческими деятелями, за ним тянулся широкий шлейф поступков разного свойства. В литературе есть примеры горячих его поклонников и столь же непримиримых его противников — для истории дело обычное. Если отвлечься от его иконописного облика, а обратиться к документам, фактам, делам, то перед нами предстает вполне земной человек, живший на рубеже XVII–XVIII веков и правивший огромным го-

сударством. Он был энергичен (иногда это качество даже превращалось в лихорадочную, сумбурную активность). Фундаментальной чертой его была жесткость (нередко – жестокость). Петр I свято верил во всемогущество административных мер управления в России. Достоинство уважения стремление Петра к знаниям, необходимым в самых практических делах – строительстве кораблей и зданий, обработке металлов и выделке сукна, картографии и медицине.

Именно эта черта его характера и имеет, на наш взгляд, отношение к застройке Петербурга. Пытливый ум царя жадно впитывал впечатления, полученные в ходе Великого посольства по Западной Европе. Голландия в конце XVII века была одной из самых высокоразвитых стран, мировым торговым и финансовым гигантом с самым высоким уровнем жизни. Смею полагать, зайдя в трактир в том же Саардаме, где царь немного поработал на верфи, он не слышал разухабистую лексику, столь привычную для таких заведений в его стране. Справедливости ради скажем, что, вряд ли он наслаждался беседой голландских обывателей о проблемах мироздания или светлого будущего человечества.

Увидев рационально налаженный быт страны, абсолютно необычную для россиянина планировку города, его многочисленные каналы, превращенные в настоящие транспортные артерии, Петр не мог не плениться Амстердамом. Да и мудрено ли – ведь и в на-

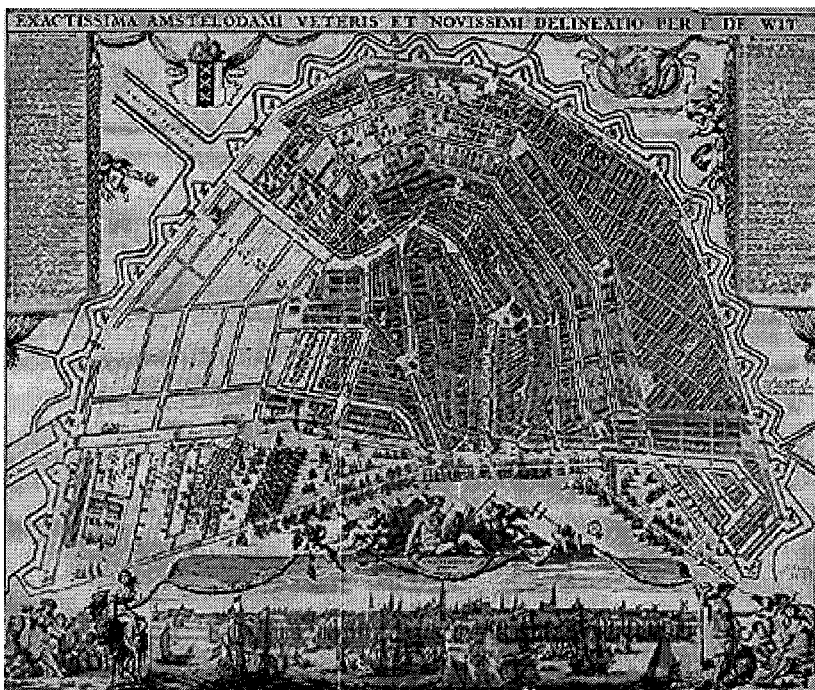
чале XXI века этот город имеет множество своих поклонников. Трудно представить себе, что по линиям Васильевского острова можно плавать на лодке, но именно таким видел Петр Великий Санкт-Петербург. Что касается «каналов», то они были засыпаны к величайшему удовольствию жителей в середине XVIII века, ибо доставляли им массу трудностей – к домам было трудно подъехать, берега осыпались и в плохую погоду легко было в них угодить.

В 1715 году Петр I увлекся мыслью строительства на Васильевском острове «регулярного» города с новым административным, религиозным, торговым и культурным центром. В 1716 году царь отдал распоряжение представить проекты застройки этой важной части его новой столицы.

Первоначально был рассмотрен чертёж Доменико Трезини, согласно которому остров должна была прорезать сеть каналов. 22 февраля 1724 года указом Петра I была даже определена ширина улиц и каналов Васильевского острова. Васильевский остров вполне мог стать центром растущей столицы империи.

Столь привычный образ «второго» Амстердама со школьной скамьи прочно оседает в памяти петербуржцев. Итак – Петр I стремился копировать голландский Амстердам. А Вы в этом уверены?

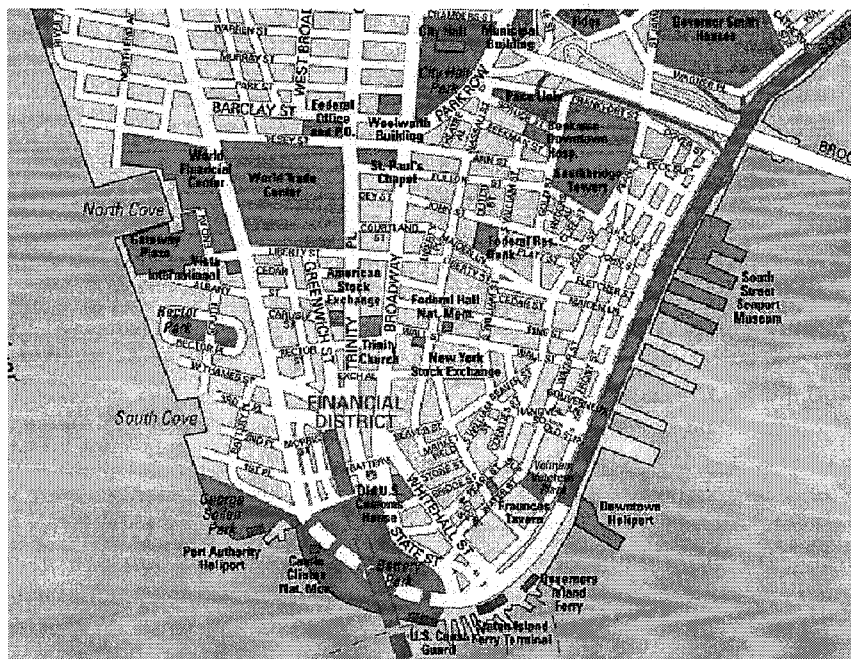
Прежде чем мы перейдем к этому вопросу, задумаемся над другим – а почему из многих европейских стран и крупных городов внимание царя-реформатора привлекла маленькая Голландия? В представлении наших современников честь «морской державой» давно принадлежала Англии. Но так ли? В XVII веке Мировой океан бороздило уже много кораблей – торговых и военных. Впрочем, в те времена и торговые здорово походили на военные, т.к. были оснащены многими пушками. Из примерно 20 тысяч кораблей Европы, почти $\frac{3}{4}$ ходили под флагом Голландии. Там же и выполненные. Поэтому именно в Голландии царь и хотел поучиться кораблестроению. А теперь вернемся к Амстердаму. Слева – карта центральной части Амстердама. Она чем-то напоминает карту Васильевского острова? Да, есть многочисленные каналы, иногда не под прямым углом пересекаемые улицами. Нет, пожалуй, того, с чего можно начать копирование – *острова*. То есть их много, но это ни в малейшей степени не похоже на географию петровского парадиза.

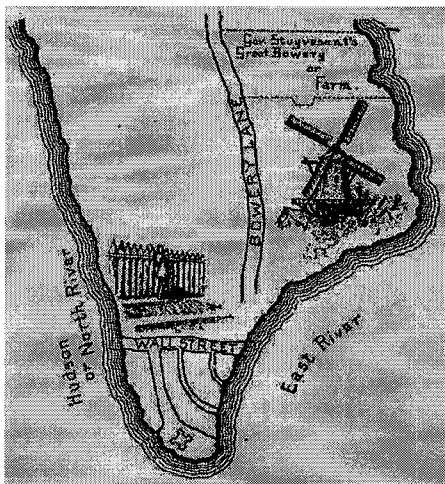
Теперь попробуем сравнить эту карту с той частью Санкт-Петербурга 1720 года, где очерчен Васильевский остров. Левая часть его выходит на Финский залив. Соответственно его крайняя восточная – суженная часть – будущая жемчужина города – Стрелка острова. Хотя что-то напоминает центр Амстердама? Более того, пересечения под прямым углом – будущие «каналы» или улицы. Знатoki питерской архитектуры при этом пишут, что, несмотря на все старания, так и не удалось до настоящего времени найти указ Петра об отводе Васильевского острова под основной район столицы и о том, кому из архитекторов было поручено составление первоначального проекта его генерального плана. Вместе с тем сохранилось довольно много чертежей с изображением проектов планировки острова, относящихся к первой четверти XVIII в. Странно – указа нет, а чертежи есть.

Проект Трезини, хотя и принятый Петром, не был окончательно реализован. Но, явившись по существу первым генеральным планом застройки Петербурга, повлиял на последующую пла-

нировку города. Прямые улицы и линии Васильевского острова - это те просеки в лесу, которые по плану Трезини должны были превратиться в каналы-улицы. В 1717 году был составлен новый план застройки города. Его автор, знаменитый зодчий Ж.Б. Леблон, приглашённый Петром из Франции. Планы известных зодчих не пришлись по душе царю. Он обнаружил в этих проектах слабое знание особенностей природных условий местности, увлеченность архитектурными фантазиями, которые было невозможно реализовать в самой полярной столице.

Пётр I не принял полностью леблоновский план. Вполне возможно, что царь настолько ревниво относился к сооружаемому парадизу, как он именовал новую столицу, что больше положился на собственное видение будущего города. Еще более вероятно, что к концу войны со Швецией все более очевидной становилась иная роль города – торговля и судостроение. А для этого Васильевский остров был уже мал, а главное – изолирован от остальной части города.

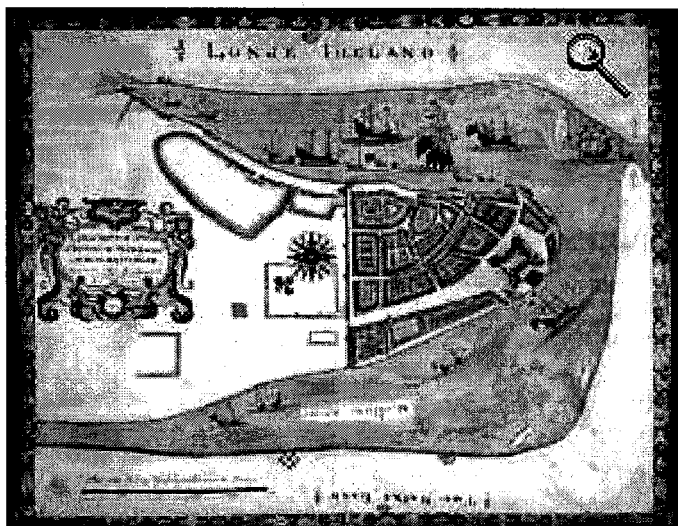

Хочу напомнить, однако, что еще в 1626 году голландцы основали на американском континенте в устье реки Гудзон поселение, названное ими «Новый Амстердам». Практичные голландцы, прекрасно использовали новые принципы застройки поселения (о будущем городе-гиганте никто, конечно, думать не мог). Прямые улицы, перпендикулярно пересекающиеся друг

с другом, открытые, широкие пространства – все это прекрасно накладывалось на местность, расположенную в дельте крупной реки, впадавшей в океан, особенно в его части, расположенной на Манхэттене. Позднее их активность была пресечена англичанами, окончательно отобравшими поселение в 1674 году, переименовав его в «Нью-Йорк». Современный город, именуемый американцами «Большое яблоко» (Big Apple) вряд ли узнали бы его основатели. Но *принципы*, заложенные в его планировку, сохранились. Осваивая новый континент, Европа столкнулась не только с иным, обширным географическим пространством, но и старалась избежать повторения своего устаревшего опыта, в том числе и в градостроении. Это была одна из архитектурных тенденций, *потребностей* того времени. Старые города, не рассчитанные на проживание быстро растущего количества жителей, переживали кризис. Узкие улицы, недостаток солнца, пропитанный испарениями воздух, отсутствие канализации и многое другое – вот лишь первые, но далеко не последние признаки этого кризиса.

Петр, живо интересовавшийся всем, что могло пригодиться в России, конечно, ощутил и эту кризисную тенденцию европейских городов. Вольный, морской город Амстердам для него стал образцом при строительстве Петербурга. Однако, расположенный в устье Невы, с непосредственным выходом в Финский залив, город также продиктовал принципы застройки. Отсюда широкие,

прямые улицы, прямоугольная планировка и многое другое. Дома не теснились друг к другу. Поэтому в новой столице центральные строения обретали свою благородную оправу, великолепно вписываясь в природный ландшафт. Встретиться же с кем-то, кто великолепно знал планировку «второго» Амстердама не составляло труда. Кроме того, Петр приглашал отличных европейских специалистов – Трезини, затем Леблона. И в этом случае вряд ли можно сомневаться в их осведомленности о новых идеях в градостроении эпохи.

Впрочем, чтобы не ставить последнюю точку, скажем, что найденная нами карта Нью-Амстердама, выполненная в 1660 году плохо «работает» на предложенную версию. Судите сами. Но ведь и градостроительные идеи не всегда удачно отражались на старых картах. Попробуем снова сравнить эту карту, где интересующая нас территория расположена лишь в самой «южной» части карты.

На более подробной карте того же времени (справа) мы не только видим радиально расходящиеся зоны застройки, но и много микрорайонов, имеющих внутреннюю систематическую планировку. Но для нас важно, что Нью-Амстердам открыл наиболее современные формы градостроения, отраженные в Санкт-Петербурге.

Однофамильцы или самозванцы?

История Петербурга гораздо теснее связана с Новым Светом, чем это нам представлялось ранее. Можно строить разные версии по поводу градостроительных замыслов. Но есть и иные связи, которые проявились в рождении на американском континенте нескольких городов-однофамильцев.

Петербургы были обнаружены на карте Австралии XIX века и в Южной Канаде. В Чехии в конце позапрошлого века было два Петербурга – поселок в Богемии с населением в 311 человек и замок с таким же названием около Раковника, существовавший еще в 1910 году. В Швейцарии, в кантоне Шафхаузен, на правом берегу Рейна, рядом расположились два селения, носящие имена Москвы и Санкт-Петербурга – в память о переходе армии Суворова через Альпы и в честь победы русского оружия в наполеоновских войнах¹. По достоверным географическим источникам за два столетия в разных штатах США упоминается 16 разных Петербургов! Причем 12 из них отмечены в последнем, изданном в 1999 году, Атласе мира. Справочные сведения о них строги и скупы: широта, долгота, название округа, численность населения – вот и все. Половина из этих петербургов – населенные пункты, в каждом из которых живет менее 10 тыс. человек. По данным Географического указателя США в стране насчитывается 35 городов под названием Петербург, а по материалам офиса Международных информационных программ Госдепартамента США в Вашингтоне – 52! В некоторых штатах обнаружен даже не один тезка нашего Петербурга. В штатах Огайо, Северная Каролина и Миссури – по четыре таких города, а в Пенсильвании – целых пять!² Но не будем слишком уверенными в том, что все они названы в честь нашего города. Отнюдь – многие получили названия в честь одного из апостолов Христа, ибо в этих городах, конечно, подавляющая часть жителей и были христианами.

Впрочем, в Новом Свете, во Флориде, в настоящее время, неподалеку от Тампы, есть город Сент-Питерсберг (Saint Petersburg).

¹ Подр. см.: <http://www.zaks.ru/a0/ru/archive/view.thtml?i=3010&p=0>.

² В этом разделе использованы материалы Интернет-проекта журнал «Сегодня / New East» (http://www.300.years.spb.ru/1_soderzanie.html).

Это самый крупный из всех американских однофамильцев нашего города – он занимает 59,2 кв. мили и его населяет свыше 300 тыс. жителей. Кроме того, основал его эмигрант из России, дворянин, офицер гвардии, помещик, предприниматель и литератор Петр Алексеевич Дементьев. Между двумя городами – нашим и тем, во Флориде, установлены дружеские отношения

Родился он 1 мая 1850 года в состоятельной семье. Однако в 5 лет он остался круглым сиротой. Его воспитывал Анастасий Александрович Калитеевский – предводитель Весъегонского дворянства, брат матери, опекун мальчика и его владений. В 10 лет Петра отправили учиться в Петербург. 3-я гимназия, куда его определили (сейчас в том здании на Соляном пер., 12 – школа № 181), считалась одной из лучших. Мальчик учился там без особых проблем, а потом перешел в только что открывшееся в Петербурге Первое реальное училище, дававшее техническое образование.

Жизнь Петра изобилует крутыми поворотами, свойственными натуре неординарной. Не закончив полного курса обучения, он идет на военную службу в лейб-гвардии Гатчинский егерский полк. За несколько месяцев проходит путь от рядового до унтер-офицера, юнкера, позже – прапорщика. Служит в Императорской гвардии, часто стоит в карауле в Зимнем дворце и в Аничковом – резиденции наследника. Казалось бы, будущее определено – военная карьера обеспечена. Но в 20 лет он женится и увольняется со службы «по домашним обстоятельствам». В пору Великих реформ Александра II он занялся хозяйством и общественными делами. Но и к ним он охладел.

Вскоре, почти не зная английского языка и с тремя тысячами долларов в кармане, Дементьев оказался в Америке, во Флориде, которая в то время только заселялась, и земли там стоили дешевле. В местечке Лонгвуд он стал мелким землевладельцем, выкупил лесопилку, открыл деревообрабатывающую фабрику и торговое предприятие, стал брать подряды на строительство домов, работал, не покладая рук. Через несколько лет он становится во главе солидного лесного и строительно-подрядного дела с годовым оборотом свыше миллиона долларов. Лонгвуд быстро разрастался. Когда он превратился в город, его первым мэром стал Питер Деменс, как стали называть Дементьева в Америке. Деменс строит ветку

железной дороги длиной в три мили. Первый опыт железнодорожного строительства ободрил его. Он продолжает ветку все дальше на юг, мечтая связать судоходную реку Сент-Джонс с Мексиканским заливом и заложить на южном окончании железной дороги новый город. Первый поезд по новой железной дороге достиг полуострова Пинеллас у бухты Тампа 8 июня 1888 года. Там Деменс основал небольшой поселок, который и назвал Санкт-Петербургом, уже тогда мечтая увидеть поселок городом. Этот статус город получил в 1903 году.

В августе того же года был утвержден составленный Деменсом и его компаньонами генеральный план застройки нового города. План города напоминает застройки Васильевского острова, а вокзал в русском стиле - так знакомый ему Царскосельский. Деменс строит гавань и причалы, способные принимать океанские корабли. Влезает в долги, но продолжает дорогостоящее строительство железной дороги и в конце концов он разорился и переехал в Калифорнию. На долгое время имя основателя, скончавшегося в 1919 году, забывается.

Однако в основанном им городе нашлись любознательные люди, вернувшие в свою историю собственного *Петра-основателя*. Таким образом города имели и однофамильцев-основателей. Разница в возрасте таких далеких городов составила 200 лет. С 2002 года два однофамильца стали побратимами. Кстати, побратимов у нашего города по всему миру немало - 73 города в разных уголках планеты. Тут комментарии вряд ли нужны.

Чтобы поставить точку, (или, скорее — многозначительное многоточие) непременно надо упомянуть еще об одной американской параллели нашему городу — буквальной копии Исаакиевского собора.

В 2004 году, в центре внимания участников международной научной

конференции в северной столице оказались два великих купола — Капитолия в Вашингтоне и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Предысторией стала подготовка к визиту президента США Д. Буша на празднование 300-летия города. Перед поездкой в Санкт-Петербург на юбилейные торжества президент США Джордж Буш и первая леди Лора Буш запросили историческую справку об Исаакиевском соборе. Выполняя заказ, сотрудники архива нашли схему купола Исаакиевского собора, построенного по проекту Огюста Монферрана. И тут в глаза бросилось сходство Капитолийского купола со сводом главного петербургского храма. Исследователи из двух стран сравнили конструкции всемирно известных архитектурных шедевров, исходя из недавнего открытия: американцы использовали чертежи великого русского зодчего Огюста Монферрана. Эти чертежи, как выяснил сотрудник библиотеки Конгресса США Форт Питросс, хранятся в ее фондах.

Оба сооружения появились во второй половине XIX века, хотя американский аналог был создан на 20 лет позже металлической конструкции, венчающей собор на берегу Невы. Златоглавый Исаакиевский собор — первое в мире подобное произведение зодчества, созданное опытным путем в век отсутствия сопромата. Как выяснилось, проектируя храм, О.Монферран обнаружил не только свой архитектурный, но и инженерный гений. Купол собора в несколько раз легче, дешевле и гораздо долговечнее прежних конструкций. Американцам, заимствовавшим градостроительные традиции Европы, оставалось лишь использовать его опыт, что они превосходно и сделали.

Этот факт лишь добавляет импульс развитию культурных связей Санкт-Петербурга и Вашингтона. Ценность совместных исследований уже оценили реставраторы, которым предстоит сохранять шедевры в XXI веке.

Архитектурно-скульптурное обрамление

Для царской Кунсткамеры привозили из разных уголков страны и выписывали из-за границы «машины», «монстры», «раритеты» и прочие диковины. Открытая в 1719 году, Кунсткамера стала первым русским музеем. («Я хочу, чтобы люди смотрели и учились», — заявил царь и... отдал распоряжение подносить посетите-

лям музея, как дорогим гостям, рюмку водки с закуской). В 1724 году Кунсткамера была передана в ведение Академии наук, которая в дальнейшем и пополняла коллекции музея. Через столетие, в 1830 году из-за огромного количества накопленных материалов, Кунсткамеру разделили на четыре музея – зоологический, минералогический, ботанический и этнографический, действующих и в настоящее время.

В петровское время начала работать первая общественная библиотека, основанная в 1714 году. В сущности, она была составной частью Кунсткамеры, но царь распорядился ее разместить в Летнем саду. Затем ее перевели (как и саму Кунсткамеру) в особняк казенного боярина Кикина. В ней можно было ознакомиться с книгами, изданными как в России, так и за границей, а также получить их на дом. С 1719 по 1734 годы на Васильевском острове для кунсткамеры и библиотеки построили специальное здание, в боковых корпусах которого располагались анатомический театр, музей, библиотека, кабинет редкостей и обсерватория.

Исторический центр Санкт-Петербурга всегда узнаваем, ибо имеет свое лицо. Фасады домов украшены скульптурой и барельефами, мосты выполнены с особой фантазией. Внутренние мосты города, небольшие, рассчитанные только на пешеходов, особенно выразительны. В этом отношении горожане чаще знакомы с произведениями, но не с их авторами. Так, мы почти не вспоминаем о скульпторе Павле Петровиче Соколове (1764-1835), авторе сфинксов Египетского моста, грифонов Банковского моста, львов Львиного моста и скульптуры «Девушка с кувшином» в Царском селе. А ведь без его работ трудно представить себе Петербург. Чего стоит один только Банковский мостик напротив бывшего Ассигнационного банка (ныне университет экономики и финансов). Не только для студентов, но и большинства горожан это – одно из самых романтических мест нашего города.

Не сразу строилось и всем горожанам знакомое здание Адмиралтейства по проекту А.Захарова. Перестройка Адмиралтейства по его проекту началась 25 мая 1806 года. Однако этот ансамбль имеет свою предысторию. Вскоре после основания в 1704 году Главного Адмиралтейства было возведено одноэтажное мазанковое здание с рабочим двором, развернутым в сторону Невы. На

этом дворе, часто при участии самого Петра I, строились корабли Балтийского флота. В 1711 году в центре главного фасада была возведена башня с высоким шпилем, в которой с 1718 года размещалась Адмиралтейств-коллегия – высший орган управления флотом. В 1727–1738 годах архитектор Коробов построил новое более долговечное здание, но и оно к концу XVIII века уже не соответствовало парадному стилю российской столицы. Перестройка адмиралтейства по проекту А. Захарова продолжалась с 1806 по 1823 годы, и в результате город получил величественный памятник архитектуры, прославляющий морскую мощь России. Любопытно, что вплоть до 1844 года Адмиралтейство оставалось судоверфью, где строились различные корабли. Только после 1844 года внутренний двор был застроен частными домами, а вдоль реки была проложена набережная. Знакомое нам здание

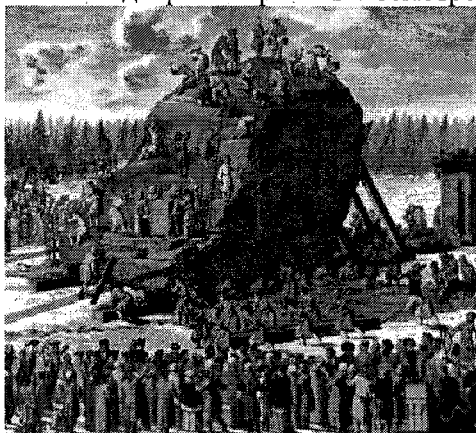
А ныне – всем знакомое, такое привычное и всегда неожиданное устремленное к небу здание, украшенное барельефом «Заведение флота в России» работы И.П. Терebeneва. Оно украшено величественными скульптурами Ф.Ф. Щедрина. В определенном смысле Адмиралтейство составляет семью Санкт-Петербургских «небоскребов» – высота башни его составляет 72 метра.

Может символ империи – «Медный всадник»?

А ведь мало кто знает, что медный Петр I красуется на любимой лошади Екатерины II жеребце Бриллианте! Тонкий политик была императрица! Не имея почти никаких прав на русский престол (особенно после достижения ее сыном совершеннолетия), Екатерина везде подчеркивала свою тесную связь с домом Романовых. Демонстративно проявляла свое глубокое уважение к памяти основателя Санкт-Петербурга, ко всему *российскому*. Уже прожив несколько лет в обретенной ею империи, императрица действительно прониклась любовью к этой стране, ее истории, людям, создавшим Россию. Своеобразным и, как оказалось, чрезвычайно удачным соединением этих двух начал в Екатерине стало ее устное повеление от 15 (26) мая 1768 года своему вельможе И.И. Бецкому о создании памятника Петру I – будущего «Медного всадника». Памятник должен был «прозвучать» и в Западной Европе, где многие были искренне уверены, что по улицам Петер-

бурга шатаются медведи, а россияне пьют еловую настойку. По совету французского энциклопедиста Д.Дидро, Екатерина II поручила создание памятника французскому скульптору Этьену Морису Фальконе.

По побережью Финского залива катили на громадных шарах из бронзы, уложенных в деревянные желоба, колоссальный Гром-камень, ставший постаментом для «Медного всадника». В Лахту съехался двор Екатерины II посмотреть на это редкое зрелище.

Туда же устремились и жители города. 400 мужиков тащили с помощью тяжелой каменную гору. На ее вершине трудились каменщики, обтесывавшие лишние углы, работала кузница и даже... канцелярия. Барабанщики выколачивали неустанную дробь, подавая ритм всей работе. С помощью многочисленных блоков один рабочий одной рукой свободно мог передвигать 75 пудов. Это зрелище осталось для потомков в написанных значительно позднее картинах и гравюрах, одну из которых вы можете видеть.

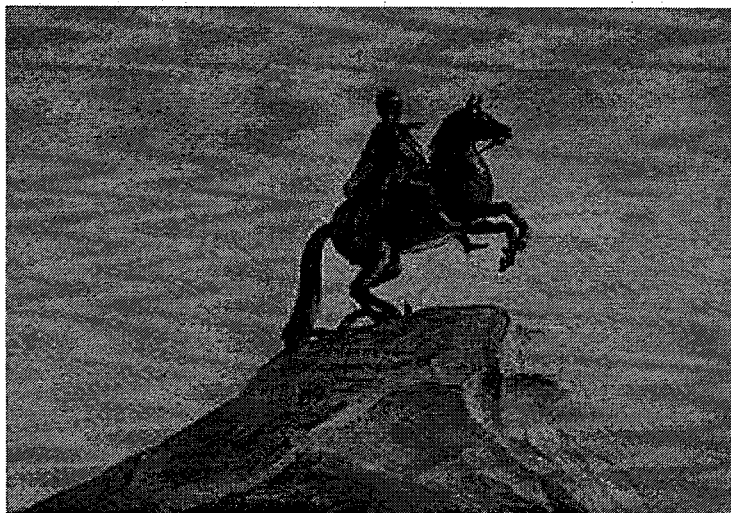
В конце сентября 1770 года из Малой Невки в Большую Неву вошли два фрегата. Между своими бортами они вели огромный плашкоут, на котором лежала огромная глыба Гром-каменя. Обогнув Петропавловскую крепость, флотилия прошла мимо Зимнего дворца, Адмиралтейства и причалила к берегу возле здания Сената. При огромном скоплении горожан камень был выгружен на берег под неудержимые крики «Ура!» тысячной толпы зрителей.

Фальконе долго искал, какому мастеру можно было доверить ответственное дело отливки статуи, но никак не мог найти подходящего специалиста. В итоге он решил сам заниматься отливкой памятника, взяв в помощники русского литейного мастера Емельяна Хайлова. И вот настал трепетный, нервный день – 25 августа (5 сентября) 1775 года началась отливка «Медного всадника».

Произошло несчастье: одна из труб, по которой в форму поступала раскаленная бронза, дала трещину и металл стал выливаться. В отчаянии Фальконе выбежал из литейной. Статую спас мастер Хайлов: он намочил свой армяк модой, обмазал глиной и голыми руками приложил эту «заплату» к лопнувшей трубе. По сообщению газет, обрадованный Фальконе расцеловал мастера, спасшего отливку, но получившего сильные ожоги и частично потерявшего зрение.

Создатель памятника-символа основателю Петербурга Фальконе, покинув Россию, дарил своим друзьям и знакомым куски гранита от Гром-камня. Из них модницы Версаля взяли моду носить сделанные из этих осколков пуговицы, браслеты, запонки, брелочки.

Открытие памятника в 1782 году стало событием государственным. Но оно произошло уже без участия его создателя – Фальконе, наделенного отнюдь не светским характером. Частые проблемы, возникавшие в ходе работы над Медным всадником, нередко по вине чиновной машины превращались в непреодолимые препятствия, которые разрешались лишь после обращения к императрице. В конце концов, великий мастер, создав памятник, не дожидаясь его установки и официального открытия, просто уехал на родину. Установкой памятника руководил скульптор Ф.Г. Гордеев.

По повелению Екатерины II на пьедестале «Медного всадника» была выполнена надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая». На праздник прибыл генерал-майор В. фон Райзер, начавший офицерскую карьеру еще при Петре I. Памятник был скрыт от многочисленной публики полотняным куполом. В 4 часа дня императрица со свитой вышла из шлюпки на пристань у здания Сената. Когда был подан сигнал, пушки Петропавловской крепости разом ударили салют, полотно упало, открыв небывалый памятник – в разбеге, грозе, в устремлении. Кстати, первые несколько лет памятник охранялся. Нет, не от злоумышленников. Его первым и последним сторожем стал дьячок, вдалбливавший в голову Г.А. Потемкина азы грамоты. В старости и бедности первый учитель явился в столицу и сумел попасть к всесильному фавориту, который и назначил старика на необычную должность.

Много видел за свою длинную историю Медный всадник. И плохое, и хорошее. О нем так много написано и сказано, что не только в сознании питерцев, но и более широкой аудитории он стал почти символом имперской России. Его неповторимые черты дополнил все тот же элемент неповторимой новации – увесистая конная статуя основана на трех опорах, а не на четырех. Среди тысяч конных статуй, рассыпанных по миру, до знаменитого петербургского всадника никто из ваятелей не рисковал. И тут выручила смекалка и расчет, что придадо технологическую новизну идеи. Толщина передних стенок обязательно должна была быть меньше толщины задних. При этом задняя часть становилась тяжелее, что придаёт устойчивость статуе, опирающейся всего на три точки опоры. Идея полностью себя оправдала и великолепный всадник почти два с половиной столетия.

Лишь через несколько десятков лет, в 1859 году, барон П.К. Клодт, создавший конную статую Николая I, рискнул для всей композиции оставить в качестве конструкционной опоры задние ноги лошади. Вот еще пример новации, теперь – в скульптуре. И все-таки «всадник» Николая I, несмотря на высочайшее мастерство его ваятелей, так и не стал тем эмоциональным центром, к которому тянулись бы жители города. Не случайно сегодня молодые люди объезжая этого всадника, устремляются к тому, что вздыбил коня над Невой и там начинают крепнуть их семьи. У Ни-

колая I по большей части можно увидеть любознательных гостей города со всех концов планеты. Получил Медный всадник и свою порцию картечи при подавлении мятежа декабристов. Прятали его от бомбежек и обстрелов в блокадную эпопею. Он стал не только символом города, но и его легендой. Уже в пушкинские времена ходили сказы о появлении на улицах гремящего бронзой царственного всадника. И все это – тоже история Санкт-Петербурга, всей огромной стороны нашей российской.

Да, возможно «Медный всадник» и допустимо в какой-те мере считать символом империи. Но уж наверняка – самого Петербурга, от которого он просто неотделим. Пати́на памятника выросла в ткань истории Петербурга и сегодня просто неотделима. В этом, наверное, и заключена магия великих дел рук и ума человеческих.

Так нужно жилье

Санкт-Петербург известен своими дворцами. А ведь каждый дворец, его убранство, формы, ансамбль с окружающей природой – уникален. Таких построек в городе хватает и они широко известны. Куда менее известно, что с основания города встала иная проблема – разработка стандартных домов, которые составили бы общий архитектурный фон для красавцев-дворцов. В конце концов, дворцы всегда строились для исключительно узкого круга столичной аристократии. Куда большее количество людей, условно именуемых простыми, были заняты обслуживанием нужд растущего города. Им надо было где-то жить. Точнее – в чем-то жить.

Петр I, прежде всего, озаботился мерами по его заселению. Нужны были не одни только пришлые рабочие, отбывавшие двухмесячную очередь, но и постоянные жители. Поэтому еще в 1710

году Петр приказал переселить в Петербург до 15 тысяч разных мастеровых людей из внутренних областей, с их семьями, отвести им земельные участки и построить дома за счет казны. Раздача земель вообще была обычным явлением, и все нужные люди, которых желательно было удержать в новом городе, получали бесплатно участки под дома и дачи. Быстро, но зато плохо, застроилась вся обширная площадь между Невским проспектом, Большой Садовой улицей, Коломной и Невой. Здесь образовался целый ряд слобод, заселенных мастеровыми людьми. Для других рабочих и служилых людей отводились места в нынешней Литейной части, а также в Московской стороне, то есть за рекой Фонтанкой, которая в то время называлась Ериком. В стиле Петра, заселение совершенно необустроенного, в тот момент и прифронтового города, осуществлялось административными мерами. В переводе на практический язык – поступала бумага (лучше за подписью царя) с указом выехать и поселиться. Вызывались в том числе и купцы, которых тоже *заставляли* строиться и заводить торговое дело.

Среди московского купечества правительство само выбирало наиболее деловитых людей, и перевозило их в Петербург за казенный счет, вместе с их движимостью. В числе других были вызваны в Петербург первые крупные представители торгово-промышленного сословия: Филатьев, Панкратьев, Исаев и другие¹. Между прочим, подобное «внимание» правительства отнюдь не радовало купцов. Они бегали от приказа селиться в новой столице как от огня. В 1713 году последовал указ, которым все лица, причислен-

¹ **Филатьевы**, семья московских купцов и промышленников 17–18 вв. В петровскую эпоху торговали солью, из Сибири вывозили пушнину, моржовые клыки, которые продавали в странах Западной Европы. Торговали также со Средней Азией, Персией, а с конца 1680-х гг. и с Китаем. В 1696 Алексей Ф. входил в комиссию, следившую за сбором денег на постройку флота. **Панкратьевы** – крупные торговцы солью (300 тыс. пудов). Представители рода участвовали в работе госструктур. Иван был президентом Корабельной палаты, руководившей постройкой флота у Воронежа, президентом Бурмистерской палаты в 1699. Семен в 1711–14 – руководил Денежным двором, в 1711 участник торговых переговоров с Англией и Голландией, в 1713 член «коллегиума», изучавшего состояние торговли в стране; в 1714 переведен на жительство в Петербург, где в 1715–19 был инспектором Ратуши.

ные к царскому двору, обязывались безотлучно жить в Петербурге и строить там дома. Вот для этой категории и начинают создаваться *типовые проекты домов*, которые были разработаны Д. Трезини еще в начале строительства Петербурга. И здесь петровское стремление всех выстроить по ранжиру получило свое выражение.

Очень характерной деталью подобного администрирования было внедрение своеобразной «Табели о рангах» для домостроения. В зависимости от размеров состояния, купцы (и не они одни) могли (а нередко – и обязаны) были строить типовые же домики, особняки и даже что-то напоминавшее дворцы. Все зависело не от их желания, а положения на иерархической лестнице имперской России. Первый архитектор города предложил типовой проект особняка даже для состоятельных владельцев. Есть и дома для простолюдинов, для представителей власти, для купцов и даже – на несколько владельцев. Так что идея строительства многоквартирных домов давно занимала градостроителей. Трезини своими проектами удовлетворял, скорее, вкусам самого царя, нежели горожан. Его домики – слепки городской архитектуры Голландии, столь полюбившейся Петру Великому.

И снова столица вбирает новые идеи и технологии – теперь строительные. Дома для рядовых горожан строились, горели, ветшали и снова строились. Главным при этом было правило, установленное основателем столицы – «також бы никакое строение за линию, или из линии не строилось, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны». Технология «унифицированной» архитектуры отразилась и в губернской реформе Екатерины II. В губернских городах строились почти по единым проектам за счет казны здания обязательного «набора зданий, в которых размещались государственные учреждения власти.

Во второй половине XIX века, когда заселение Петербурга явно стало набирать темп, тема жилищного строительства вновь обострилась. Спрос на жилье возрос, поэтому строительство этой «коммерческой» архитектуры шло по восходящей. Идя навстречу святому желанию землевладельцев заработать, Городская дума разрешила застраивать *все свободные участки*. Доходные дома стали выпекаться как блины, постепенно заполняя все пространство между историческими архитектурными ансамблями столицы.

Даже крохотные садики уже не разбивались в появившихся именно в этих домах «дворовых колодцах», великолепно известных и нынешним пожилым горожанам. Основная часть их была в 4–6, реже в 7, этажей, ибо доходные дома не должны были превышать высоту Зимнего дворца – 22 метра. Этот коммерческий ажиотаж не вызывал восторга у многих современников. А. Коринфский написал в 1908 году по этому поводу довольно злые строки, за которыми легко увидеть боль за красоту города:

Искусства силою стирая все следы
Под взглядами его немеющей природы,
Дыханием своим темнит он неба своды;
И там, где зеленью кудрявились сады,
Что год – то все наглей встают в пылу вражды
Семизэтажные дома его, уроды.

Легко критиковать дела прошедших лет. Мы не станем с увлечением это делать по той простой причине, что к концу века и для доходных домов были разработаны типовые проекты. Они позволили внести некое стилистическое единство для домов Васильевского, Петроградского и других центральных районов. Если же сравнить доходные дома XIX века со спальными районами, появившимися после Великой Отечественной войны, то оно скорее в пользу строителей прошлого века. Иное дело, что после 1917 года доходные дома были «уплотнены» до такой степени, что несколько поколений (уже Ленинграда) не представляли, что такое жить не в коммунальной квартире. Поэтому жилье в бетонных домах новых районов было с восторгом принято горожанами, многие из которых впервые ощутили прелесть жизни в собственной квартире. Грустная особенность этой длинной истории, однако заключена в том, что в Петербурге-Ленинграде жилищная проблема была и пока еще остается одной из болезненных и пока далеких от решения.

В жилищную тему постоянно «стучался» и вопрос о замене старого на новое домостроение. Ретроспективно можно констатировать – историческую часть Петербург всерьез не разрушали. Ни в радикальные 1920-30-е годы, когда в других городах с «мясом» выламывали исторические здания, освобождая место под грандиозные пропагандистские постройки. Ни, даже во время войны –

хотя немецкая артиллерия, стоявшая в двух шагах от города на Пулковских высотах, могла нанести куда более тяжкие разрушения, чем это имело место. Даже в романтические 1960-е годы «ломовые» настроения не так уж серьезно поразили город – взорвали пару церквей. Городу предоставили возможность тихо хиреть и разрушаться, Зато основной заряд энергии приберегли для тиражирования огромного числа железобетонных жилых домов, столь остро необходимых людям. Как и вся страна, город устал от коммунальной эпохи. Вот и пошли стройными рядами «хрущевки», а затем и 9-этажные дома – все братья-близнецы, на одно лицо.

Итак, стандартизация в архитектуре, как и во многом другом, имела и плюсы, и минусы, разбираться в которых – дело специалистов. Важно иное, что с первых лет строительства города необходимость типового строительства была очевидна для архитекторов и государственных людей. Для своего времени это стало элементом передовой технологии – строительства нового города. Начало нового тысячелетия принесло эту старую проблему, названную «точечными застройками», вызывающими и «пыл вражды», и появление «домов-уродов». И хотя широкое хождение имеет мнение, что история ничему не учит, в жизни все происходит сложнее – чаще великая Клио учит, только оставляет больше синяков и ссадин. И в истории с явно затянувшимся «жилищным вопросом» (по-прежнему, многих испортивший), город наверняка выйдет победителем.

В завершении следует сообщить уважаемому читателю, что после эпохи «провинциального» существования, Петербург на рубеже тысячелетий вновь обозначил другой этап своей истории. Ему было возвращено исконное имя в 1991 году, после распада СССР. Но он продолжает развивать то, что никогда и не утрачивал – свою новационную историю.

Современный Петербург – это город новых технологий. Строительство ведется сейчас в двух направлениях: реконструкция старых зданий и постройка новых с применением постмодернистских тенденций в единстве со старыми стилями архитектуры.

После тяжелого кризиса 1990-х годов, в котором неожиданно для себя оказались жители Петербурга, в начале нового тысячелетия определился новый подъем – экономический, культурный.

Появились и уже реализованы многие новейшие проекты – реставрируется очарование исторического центра и строятся дороги, мосты. Город все чаще в СМИ называют российский Детройтом. И для этого все больше аргументов в виде нескольких автомобильных заводов всемирно известных фирм.

Далеко не всегда и не всеми это встречается с энтузиазмом, но судьей станет лишь все та же муза истории – Клио.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – КУЛЬТУРНЫЙ

Как бы не спорили многочисленные умные питерские головы, а по нашему мнению культура (несмотря на ее многогранность) начинается с ее Величества Книги. Поэтому и раздел открывает фотография одной из драгоценностей книжного Петербурга – Публичной библиотеки.

Санкт-Петербург и культура – понятия, неразрывные в настоящее время. Однако дорога, по которой слились эти понятия, была вовсе не усыпана розами. А.С. Пушкин – немислим без предшественников, а его потомки – без самого Александра Сергеевича. Культура – не только искусство, но и организация жизни людей, города, общества. Здесь появлялось и развивалось самое новое в искусстве – от модерна до отечественного рока, творили великолепные артисты и режиссеры особой, питерской, театральной школы, «Ленфильм» делал киноленты мирового класса, получавшие признание на кинофорумах планеты.

Создание Российской Академии наук Петром I еще не означала появление НАУКИ. Раздел освещает отдельные направления развития науки в городе в разные эпохи. Энциклопедизм М.В. Ломоносова, блеск математики Л. Эйлера и другие знатные персоны ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НАУКИ.

XIX-й век – бурное развитие промышленности, определившей разноцветье научной жизни города, связанной с деятельностью наиболее блестящих российских ученых.

XX век – блеск и нищета индустриальной эпохи и беспрецедентное развитие науки. Об этом очерк с основной характеристикой, рассказ о крупнейших именах.

«Реляции», «Ведомости», буквари, правила этикета

Проще заявить о желании черпать европейскую культуру, чем реально приступить к этому делу. Можно надеть парики, остричь бороды, надеть платье немецкого или голландского покроя. Не так уж сложно, в конце концов, с помощью иностранных архитекторов построить особняк какого-нибудь иноземного стиля, обставить его привозной мебелью, повесить картины. При наличии денег это вполне реально. А они у русской аристократии были. Куда сложнее осуществить этот своеобразный культурный переворот в головах людей.

Надо отдать должное – Петр I, не мудрствуя лукаво, пошел уже испытанным в той же Европе путем – стал развивать книжное дело. До основания новой столицы центром книгопечатания была Москва. По воле царя постепенно эта роль стала переходить к Санкт-Петербургу. Будучи практич-

ным человеком, Петр I делал это не из абстрактных соображений о живительном влиянии знаний, а руководствуясь потребностями начатой им переделки России. Создавая армию, флот, чиновный аппарат, он нуждался не просто в образованных людях, но и в определенном стандарте специального образования. Люди должны были иметь практические и теоретические навыки *не ниже определенного уровня*. Обеспечить работу такой системы образования могли не только образовательные учреждения, но и массовое издание специальных книг.

В 1710 году Петр I утвердил гражданский шрифт, на котором стали издавать литературу для широкой читающей публики. Лишь церковные издания сохраняют литеры кириллического полуустава. В 1712 году из Москвы приехали в строящийся Петербург мастер

Девит и 7 мастеровых из московского Печатного двора. Затем тем же путем прибыли два печатных станка, за которыми вскоре последовала и гравировальная мастерская, в которой работают прекрасные мастера книжной гравюры. С великолепными работами одного из них – Алексея Зубова, оставившего картины еще создававшегося Санкт-Петербурга, вы уже встречались в литературе по истории города.

Типографию возглавил цейх-директор Михаил Аврамов, обучавшийся по указу царя мастерству в Голландии. Собственно, первые два года типография размещалась у него дома и лишь позднее, с 1713 года ее перевели на Троицкую улицу.

Уже 7 июля 1712 году выпустила первую датированную книгу Э.П. Кромпейна «Краткое изображение процессов или судебных тяжб». Историки считают, что и до этой книги типография не сидела без дела, печатая правительственные религии и календари. Так, 11 мая 1711 года была напечатана религия о взятии крепости Новогеоргиевской. Именовалась она длинно и языком, отличающимся от современного – «Религия о поведении бывшем в армии Его Царского Величества мая 30 числа 1711, о бою с турка и постановлением вечного мира». Вышедшие в свет после нее издания – «Изъявление фейерверка в день Нового 1712 года», «Казания о милости с истинной» – до наших дней не сохранились.

Печатались книги, имевшие преимущественно практический характер – по вопросам военного дела, фортификации, флотоводству. Знатоки истории книги считают, что перечень книг свидетельствовал о желании власти удовлетворить нужду, прежде всего в практической литературе. Печатались книги по вопросам землемерия, строительства кораблей, крепостей, зданий, обработке металлов. Художественная литература начнет тиражироваться со второй половины XVIII века. В петровскую эпоху ей места не было, если не считать издание басен Эзопа, к которым царь проявил интерес и увидел в их тиражировании пользу.

Обратим внимание читателя на изданную в 1717 году в петербургской типографии книгу для юношества – «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». Новый этикет, формы общения людей, которые Петр столь решительно вводил в новой столице, потребовал и новых правил, по которым вос-

питывалась молодежь. Своеобразный кодекс поведения допетровской Руси – Домострой – устарел и требовал немедленной замены. Своих руководств по правилам хорошего тона не было. Пришлось на ходу писать новые, иногда облеченные даже в грубоватую, смешную форму, но верные, по сути.

Неизвестный составитель использовал несколько иностранных книг по этикету и перевел те разделы, которые счел полезными для россиян. «Зерцало» выдержало много переизданий, и было весьма популярно. «Зерцало» излагало правила поведения молодых людей в семье, в гостях, в общественных местах и на службе. Оно внушало юношам скромность, трудолюбие, послушание, учтивость и благоразумие. В семье надлежало «отца и мать в великой чести содержать»; «у родителей речей перебивать не надлежит и ниже прекословить». Если отец позовет сына, то откликаться надо было так: «Чего изволите, государь, батюшка» или «Что мне прикажете, государь». Детям внушалась мысль, что распоряжения по дому могли исходить только от родителей: «В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери». «Юности честное зерцало» не оставляло юношей без наставлений и в том случае, когда они оказывались за пределами семьи. Они должны были проявлять предупредительность к старшим, почтительно, не перебивая, слушать их речь, не быть назойливыми. Приведем несколько рекомендаций. «Никто себя сам много не хвали и не уничижай и не срами»; «Всегда недругов заочно, когда они не слышат, хвали, а в присутствии их почитай и в нужде их им служи, также и о умерших никакого зла не говори»; «Не быть празден, от лени разум затмится, а тело становится дряхлым и тучным».

Сегодня вызывают улыбку популярные в XVIII веке издания, предлагавшие готовые формы писем на все случаи жизни – радостные, печальные, бытовые и даже любовные. Именовались они «письмовниками». Начало же им положил сам Петр, приказавший в 1708 году издать «Приклады како пишутся комплименты разные» (т. е. – письма), титульная страница которого изображена слева на фотографии.

Наконец, работа типографии была тесно связана с изданием знаменитой петровской газеты «Ведомости» – первой в России. Ее первый номер вышел 17 декабря 1702 года, следующий – 27 де-

кабря, конечно в Москве. Внешне газета ничем не напоминала современные газеты. Не сразу даже заголовок занял привычное место. Экземпляр газеты скорее напоминал брошюру небольшого размера из 8-10 страниц.

С третьего номера за 1711 год на ее первой полосе появилась гравюра. На ней изображался вид Невы на Петропавловскую крепость и летящего Меркурия с громкоголосой трубой и жезлом, являвшегося, как известно, покровителем торговли и новостей. 11 (22) мая 1711 года вышел первый номер петербургских «Ведомостей». Название газеты в тот момент еще не устоялось и потому — видоизменялось согласно требованиям момента: «Ведомости», «Российские ведомости», «Ведомости о военных и иных делах» и др.

После того, как вышел первый петербургский выпуск газеты, она издавалась попеременно то в Москве, то в Петербурге. Дело в том, что Петр I сам любил участвовать в подготовке «Ведомостей», а царь-реформатор, как известно, был весьма легок на подъем и не мог усидеть на одном месте. Вот и газета странствовала какое-то время вслед за царем. В 1728 году газета была преобразована в «Санкт-Петербургские ведомости» и передана в ведение Академии наук. Под этим названием газета просуществовала вплоть до 1917 года, когда и была закрыта за свою консервативную направленность.

Тираж газеты колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч, а периодичность изданий — от 1–3 до 30–40 выпусков в год. Так же колебалась и цена выпуска. В газете сотрудничал свой собственный хроникер-переводчик Яков Синявин, которого отечественная журналистика считает первым российским репортером.

«Ведомости» были официальным печатным органом, что определяло форму и содержание публикуемых материалов. Затея для России была совершенно новая, непривычная в отличие от Европы. Поэтому царь следил за изданием газеты, правил отдельные материалы и даже целые номера. Не считал для себя большим трудом писать в номера реляции, к чему принуждал и своих «генералов» с адмиралами. Поэтому не приходится удивляться, что многие публикации были посвящены военным событиям. Разумеется, в этой официальной газете публиковались в основном сообщения о победах армии и флота, сведения об успехах промышленности,

торговли и просвещения. Особое место отводилось перепечатке материалов, почерпнутых из европейских газет и журналом, переписки с российскими дипломатами и посольствами.

Первая типография стала основой для развития печатного дела в городе. Так, на ее производственной базе в 1721 году основывается типография Сената, предназначенная для публикации многочисленных законодательных документов – указы, манифесты, реляции, регламенты и т.д. Два года ранее, в 1719 году, при Александро-Невском монастыре организуется по инициативе сподвижника царя Феофана Прокоповича, еще одна типография. Феофан – фигура яркая, исключительно противоречивая, нередко жестокая. Однако он был горячим сторонником образования, просвещения. Поэтому созданная им типография не ограничивалась лишь тиражированием богослужебной литературы, а издавала учебники, книги для чтения. Букварь Феофана – «Первое учение отроком» за первые четыре года работы печатни издавался 12 раз и стал едва ли не самым популярным изданием после «Юности честное зерцало».

Наконец, короткий рассказ о развитии печатного дела нельзя завершить без упоминания типографии, созданной в 1720 году по указу Петра при Морской академии. Ее «продукция» носила сугубо служебный характер, печатались указы Адмиралтейской коллегии, пособия и руководства по военному и военно-морскому делу. Более трети из 320 книг гражданской печати, опубликованных с 1708 по 1725 годы, было посвящено военной или военно-морской тематике.

Книги, газеты, предпринимательство

Книжный Санкт-Петербург – это огромный и чрезвычайно интересный мир, к которому мы лишь слегка прикоснулись. Особый Петербург – литературный, о котором написано много и с большой любовью замечательными людьми. Если только начать о нем рассказывать, остановиться будет трудно. Ведь речь должна идти об удивительных талантах, рожденных в России и живших в Санкт-Петербурге. С.Я.Маршак в нескольких строках увидел эту душевную связь великих талантов с городом:

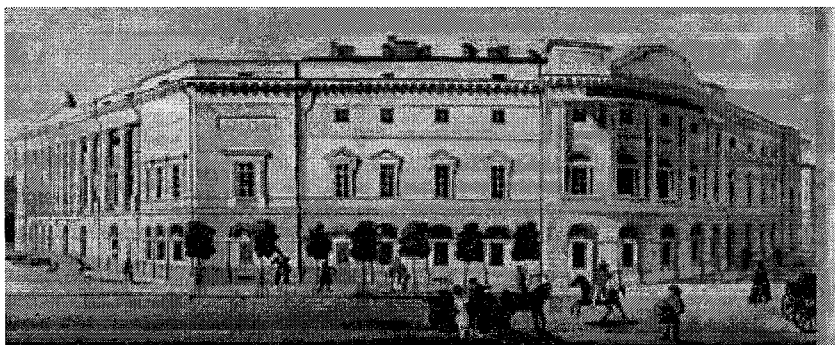
Давно стихами говорит Нева.

Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Первые книги, вышедшие в свет в новой российской столице, лишь показали *государственный* и *общественный* интерес к печатному слову. В последующие десятилетия город превратится в крупнейший издательский центр, снабжавший разнообразной литературой население огромной империи. В Петербурге с начала XIX века начинается настоящий книжный бум. Высшее общество, уже приученное к европейской культуре, проявляет растущий интерес к отечественной литературе, искусству, истории. Уже вошли в фонд русской классической литературы произведения авторов, ставших классиками отечественной литературы при жизни – В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова. Вскоре читатель был в восторге от Г.Р. Державина. Но уже восходит слава отечественной поэзии А.С. Пушкина. Публика с величайшим интересом открывает для себя малоизвестные страницы отечественной истории в трудах Н.М. Карамзина.

Всемирно ныне известная Публичная библиотека Петербурга была открыта 2 (14) января 1814 года. Поэт и литературный критик П.А. Плетнев писал, что это событие было воспринято всеми, у кого «сильно билось русское сердце при слове Отечество», как «славное происшествие», важное для будущего России. И в этом событии уже было включено новационное для России начало – доступ к книжным сокровищам людей из разных сословий. В первые годы после открытия ее посещало ежегодно от 500 до 600 человек. Билеты на право посещения Библиотеки приобретала самая разнообразная по происхождению и общественному положению публика: ученые, чиновники, военные, представители духовенства, купцы, мещане, учащиеся гражданских и военных учебных заведений.

Бурный взлет литературы, науки, просвещения потребовал столь же энергичного развития печатного дела. Появляются все новые и новые издательские фирмы, каждая из которых привнесла свое, оригинальное в искусство издания книги. Будем помнить также, что совсем не сразу определились формы сотрудничества с авторами, включая и финансовые вопросы.

А.Ф.Смирдин – глава одной из этих фирм. Он сотрудничал со многими писателями – В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым и другими. В 1834 году Смирдин основал «Библиотеку для Чтения», которая положила начало так называемым «толстым» журналам. Одновременно издавал сочинения большинства современных ему писателей, а в конце 40-х годов предпринял «Полное собрание сочинений русских авторов», начиная с М.В. Ломоносова, В.К. Тредьяковского и других.

Более 100 лет трудилась книжная фирма Матвея и Ивана Глазуновых. Начало их дела было связано с изданием популярнейшего в то время 17-томного «памятника из законов», впервые собравшего все действовавшие законы империи. Затем, фирма обратилась к публикации отечественной поэзии и прозы. Широко известна история с изданием миниатюрного по формату пушкинского «Евгения Онегина». Весь 5-тысячный тираж был раскуплен за неделю, что для того времени было несомненным рекордом. Затем Илья Иванович Глазунов приобрел посмертные произведения Пушкина за 37,5 тысяч рублей и издал в 4-х томах. В 40-х годах фирма занималась изданием не только учебных книг и пособий, но выпустила полные собрания сочинений А.Д. Кантемира, Д.И. Фонвизина, В.И. Майкова, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского.

С 1848 года берет начало издательская деятельность Вольфа Маврикия Осиповича (1826-1883). Его фирма издала около 200 наименований книг - детских, учебных, роскошных иллюстрированных изданий. Широчайшую известность получило 11-томное издание «Живописная Россия». Из крупнейшей для своего време-

ни типографии вышли «Толковый Словарь» В.И. Даля, собрания сочинений А.Ф. Писемского, А. Мельникова-Печерского, И.И. Лажечникова, Н.И. Гнедича, Д.С. Мережковского, собрания сочинений иностранных авторов и ряд переводных книг. Много можно сказать о популярности книгоиздателя. Еще лучше о нем говорят строчки шутливого куплета:

В Публичную пойдешь – не найдешь,

К Вольфу заглянешь – достанешь.

Много роскошных изданий, преимущественно по литературе и искусству, и ряд изданий классических и современных русских писателей выпустила Фирма Маркса. Особенно известен Маркс Адольф Федорович (1838–1904), основатель фирмы, как основатель еженедельника «Нива», ставшего популярнейшим журналом в стране – ее тираж достиг 250 тыс. экземпляров. Издание включало беллетристику, исторические, географические очерки. Иллюстрированная часть журнала, знакомившая с репродукциями картин выдающихся художников И.И. Шишкина, И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина, И.Е. Репина, А.Н. Бенуа, И.Э. Грабаря была выше похвал по технике и качеству. Маркс первым начал «премировать» подписчиков журнала приложениями – собраниями сочинений полюбившихся писателей.

Газетный мир Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX веков являл собой исключительно пеструю картину. Ушла в невозвратное прошлое монополия сугубо правительственных листков, печатавших официальные материалы. Появились многочисленные частные издания, для которых была важна не информация сама по себе, а *продажа информации*. А это требовало сенсации, поиска необычного, и... критики в адрес властей. Последнее очень ценилось разночинным читателем.

В столице издавалось огромное число периодических изданий – 40 газет и 140 журналов, в том числе и на иностранных языках. Так, весьма популярна была газета на немецком языке «*Sankt-Peterburg Zeitung*», имевшая несколько десятков тысяч подписчиков. Впрочем, к началу Февральской революции число газет перевалило за сто. Отметим, что при всем этом, лишь немногие издания можно было отнести к числу солидных и ответственных, располагавших сетью собственных корреспондентов. Значительная

часть остальных газет издавалась на деньги различных партий и общественных организаций, страстно критиковавших друг друга, что не мешало просто перепечатывать информацию из «больших» газет.

В пестром и весьма шумном газетном мире столицы в эти годы был широко известен Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – один из крупнейших газетных магнатов Санкт-Петербурга. Высказывались о нем разные, нередко противоположные мысли. А это уже говорит о том, что перед нами фигура недюжинная, оригинальная. Поэтому познакомимся с ним поближе.

Родился А.С. Суворин в Воронежской губернии. Отец его был отдан по набору в солдаты, ранен при Бородине и получил офицерский чин, дослужился до капитана, что в то время давало потомственное дворянство. После окончания военного училища вскоре вышел в отставку и выдержал экзамен на звание учителя уездного училища.

В 1863 году А.С. Суворин переселился в Петербург, сотрудничая с «Русским Инвалидом» и «Санкт-Петербургскими Ведомостями». Публикация в 1866 году книги «Всякие. Очерки современной жизни» послужила причиной судебного преследования и наказания 3 неделями содержания на гауптвахте. Автор весьма сочувственно писал о гражданской казни Н.Г. Чернышевского. Первый и последний в его жизни политический суд, арест – все это окружило журналиста флером скандала, оппозиции правительственным органам и даже, для части читателей – жертвенности. Однако широкая известность к Суворину пришла во второй половине 60-х годов, когда он под псевдонимом Незнакомец, стал писать в «Санкт-Петербургских Ведомостях» воскресные фельетоны. Это были лучшие опыты русского политического памфлета. Сильные удары он наносил по наиболее одиозным представителям реакционной журналистики – Каткову, Скарятину, князю Мещерскому и другим.

Вынужденный уход Суворина из «Санкт-Петербургских Ведомостей» вызвал всеобщее сочувствие, проявившееся вскоре

в коммерческом успехе его изданий. В начале 1875 года он выпустил две книжки своих «Недельных очерков и картинок», раскупленные в несколько дней — факт для книжной торговли того времени почти небывалый.

Реформы Александра II быстро меняли страну. Росло число грамотных людей, которые были востребованы эпохой перемен. Книжный рынок все более и более нуждался в недорогом, умном печатном слове. Это великолепно понял Суворин. В начале 1876 года он приобрел газету «Новое Время». Либеральные ожидания, связанные с переходом «Нового Времени» к одному из известнейших в столице фельетонисту, были большие. М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.А. Некрасов дали свои произведения для первых номеров газеты. Однако издатель вовсе не спешил навстречу политизированному критику и читателю. Его газета была прежде всего крупным коммерческим предприятием, имевшей своей задачей соединить прибыль с просвещением российской публики. Нередко ее оценки разных событий в жизни империи вызывали нелицеприятную критику. С.Ю. Витте отнес газету к направлению в журналистике «чего изволите», а граф И.И. Толстой назвал ее «блудливейшей из русских газет», «органом бюрократии и плутократии». Острая критика лишь добавляла популярности газете, с которой сотрудничали неплохие и весьма профессиональные журналисты, правда нередко с плохой репутацией. Таким, например, был К.П. Буренин, о котором была в ходу злая эпиграмма:

Бежит по улице собака,
идет Буренин тих и мил.
Смотри городской, однако,
Чтоб он ее не укусил.

С 1872 года А.С. Суворин издает весьма распространенный «Русский Календарь». Почти одновременно с приобретением «Нового Времени» он основал книжный магазин и издательскую фирму, занимавшую одно из первых мест в русской книжной торговле. Исключительно удачным оказалось издание «Дешевой Библиотеки», включившей произведения русских и иностранных писателей. Низкая цена, хорошее качество изданий — все это снискало широчайшую популярность издателя среди широких слоев населения России.

Алексей Сергеевич основал журнал «Исторический вестник», публиковавший на своих страницах работы по истории России. Ежегодно суворинское издательство публиковало справочники «Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва». В них можно было найти адреса, телефоны, рекламные объявления.

Один из виднейших журналистов и издателей России умер в августе 1912 года и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Вдоль всего Невского люди провожали траурную процессию, которую читатель может видеть на фотографии.

Виды города

С первых лет существования Петербурга появилась потребность запечатлеть для современников и потомков внешний вид быстро развивающегося города. Виды города сначала появились на гравюрах Зубова и Махаева, картинах Патерсена, Алексева и многих других.

30 ноября (12 декабря) 1821 года было учреждено Общество поощрения художников, основателями которого выступили дворяне-меценаты И.А. Гагарин, П.А. Кикин, А.И. Дмитриев-Мамонов, Л.И. Киль и Ф.Ф. Шуберт. Среди основных целей общества были заявлены содействие развитию изящных искусств в России, распространение художественных знаний и поддержка талантливых русских художников. Общество организовывало выставки, конкурсы, художественные лотереи, покупало произведения искусства и занималось популяризацией этих произведений среди публики. Яркой фигурой в деятельности Общества стал А.М. Прево. Француз по происхождению, Прево получил в Петербурге блестящее образование. В 1826 году он становится комиссионером Общества поощрения художников и смотрителем его постоянной выставки-продажи.

Общество выделяло три золотые медали выпускникам Академии Художеств и выдавало им стипендии на продолжение образования за границей. Получали поддержку и малообеспеченные художники. С 1857 года Общество содержало Рисовальную школу, в которой учились впоследствии такие гиганты, как В.В. Верещагин, И.Е. Репин, Е.Е. Лансере, М.В. Добужинский и многие дру-

гие. В конце 70-х – начале 80-х годов XIX века общество сменило название, став «Обществом поощрения художеств». С середины 70-х годов XIX века бывший обер-полицмейстерский дом на Большой Морской улице, 38 принадлежал Обществу, и в нем располагались рисовальная школа, художественно-промышленный музей, художественные магазины-салоны и т. д.

Известность среди современников Прево получил и благодаря своей издательской деятельности. Наиболее значительной среди выпущенных им литографий была «Панорама Невского проспекта». Автор акварельного оригинала Панорамы – крепостной художник Василий Семенович Садовников (1800–1879). Его великолепные акварели вошли в один ряд с произведениями художников Ф.Я. Алексеева, М.Н. Воробьева, С.Ф. Галактионова, Г.Г. Чернецова, Г.Г. Гагарина.

Очень популярны были и остаются литографированные виды города, также издававшиеся при участии А.М. Прево и его коллегой А.А. Плюшаром. Наиболее популярным автором этих видов, наряду с Садовниковым, был А.Е. Мартынов. Город предстает в них разным – будничным, франтоватым, праздничным. Одним словом – *характерным*.

Во второй четверти XIX появился новый способ «остановить мгновенье» – первые опыты фотографии. Исторический момент наступил 8 (20) октября 1839 года, когда полковник Ф.О. Теремин изготовил первые русские дагерротипы, в том числе – удачный снимок Исаакиевского собора. Технология «дагерротипа» (названного именем своего создателя Дагерра) была предшественницей фотографии, но оставалась еще несовершенной. Так снимок Исаакиевского собора потребовал выдержки в 25 минут.

Ныне мало кто помнит имя С.Л. Левицкого, столь много сделавшего для развития фотографии в Петербурге и в стране. А между тем он оставил нам немало. В 1843 году он был награжден за снимок Кавказских ландшафтов на выставке Шевалье в Париже. Путешествуя по Европе, он сделал ряд портретов, среди которых наиболее известна фотография 1848 г. Н.В. Гоголя. В 1850 г. Левицкий открыл в Петербурге первое ателье художественного фотопортрета. Ему же принадлежало изобретение в 1847 г. первой фотокамеры с мехами для удобства наведения на фокус; Левицкий

стал использовать эффект освещения при съемке, применяя дуговую лампу.

Фотография оказалась картинкой-документом, в котором останавливалось мгновение в жизни людей. Одним из таких фото-живописцев был знаменитейший Карл Булла, оставивший тысячи великолепных фотографий – портретов, жанровых сценок, видов города. И сегодня на нас смотрят со старых фотографий жители города, которого уже нет, либо он изменился. Нет и тех людей, а мгновение для нас сохранено.

Низкий поклон вам, художники, так любившие этот город.

Власть без культуры, культура без власти

Нет, не будем обличать власть царскую в безграмотности. Религиозно-аскетические идеалы патриархальной России постепенно претерпели глубокие изменения. Наряду с европейской просвещенностью пришел лоск аристократических салонов. Свобода нравов способствовала раскрепощению личности. Эти трансформации привели к расцвету всех культурных сфер жизни столицы (и не только ее). Всплеск культурной жизни города в XIX веке, в известном смысле, не достигнут и сегодняшним Петербургом. У дворян первой половины XIX в. было особое детство – детство, которое создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов. Идеал, который создала себе дворянская культура, подразумевал утверждение чести как основной нормы поведения.

В 60-е годы XIX в. на смену культуре аристократических салонов приходят демократические течения разночинцев. Семена революционного бунтарства были посеяны А.И. Герценом, В.Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Д.И. Писаревым. Если после разгрома декабристов общественная жизнь в Петербурге затаилась и на какое-то время интеллектуальным центром стала Москва, то к 40-м годам картина меняется. Петербург 40-х годов вновь стал магнитом, к которому тянулись «новые люди» – новая, незнакомая России разночинная интеллигенция. Выходцы из кругов мещанства, купечества, крестьянства, дети чиновников потянулись в Петербург за знаниями; стремление к культуре охватило широкие слои общества. Появился новый,

более массовый и значительно более демократический читатель, которого не удовлетворяла литература аристократических салонов начала XIX в., вызывала у него чувство социальной неприязни. Выразителем новых взглядов на искусство стала группа революционных демократов, отличавшихся особым политическим радикализмом.

Во второй половине века быстро развивается система образования, без которой о научно-техническом прогрессе нечего было мечтать. В общее русло увлечения естественными науками и революционными идеями влилась борьба за право женщин на высшее образование. Российская столица сделала в этом направлении первые, совсем непривычные пока для России, шаги. При поддержке 43 профессоров, в том числе А.Н. Бекетова, Д.И. Менделеева, И.М. Сеченова, А.П. Бородин и других, в декабре 1869 г. было получено разрешение министерства просвещения на открытие женских курсов по университетской программе. Особую известность получили Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге.

Однако, наряду с этим, медленно шли и другие процессы. На стыке XIX и XX веков, когда многим стала очевидна настоящая агрессия радикальных идей в общественную жизнь страны, частные лица, а затем и правительство, стали предпринимать какие-то шаги для того, чтобы внести в этот процесс благотворную струю образования и просвещения. Так, Николай II на свои личные деньги построил для питерских рабочих «Народный Дом» — колоссальное оперное здание на семь тысяч мест, парк со всякими аттракционами, библиотеку и прочие культурные приспособления в этом роде.

Кончилось совсем иначе, чем предполагалось. Народным Домом овладели «сеятели разумного, доброго, вечного», что по тем временам считалось все то, что способствует революции. Библиотека наполнилась марксистской литературой; в парке, вопреки царскому запрету, развилось невиданное пьянство, а из оперы рабочих выжило студенчество. Самые дешевые места в этой великолепной опере — с Шаляпиным, Собиновым и прочими звездами — стоили 17 копеек. На эти места студенты стояли в очереди целыми ночами, а у рабочих для таких очередей времени не было. Американские же горки и прочие «лунапарковые» предприятия для рабочих никакого интереса не представляли. Словом, один из пер-

вых в России «парков культуры и отдыха» превратился в своеобразный революционный трактир.

В сущности, уже состоявшаяся дворянская культура с ее выдающимися достижениями сделала попытку идти в ногу с новым временем. Не будем рисовать умильные картины прошлого. Да, в империи оставалось великое множество старых догм, общественных норм, традиций, которые были уже нетерпимы. Мощные общественные противоречия уже осознавались многими государственными деятелями страны, а не только радикалами. Однако именно радикализм, подобно волне цунами, накатывал на Россию и Петербург, в частности. Это вело не только к категорическому отрицанию всего старого в политической, но и культурной жизни.

Сама культура радикалами была поделена на две противоборствующие части – пролетарскую и эксплуататорскую. Соответственно, последняя оказывалась им враждебной. Отсюда было рукой подать до отрицания культуры прошлого вообще и российской, в частности. К сожалению, это и произошло после событий 1917 года, отразившись и в истории Санкт-Петербурга.

Картечью – по «Медному всаднику»

В памятник Петру I не только в 1825 году попала картечь. По царю «стреляли» и более страшным оружием – бумажными приказами и директивами. Недалеко от «Медного всадника», на Адмиралтейской набережной когда-то стояли еще два памятника Петру I. Один из них назывался «Царь-плотник» и прославлял таланты Петра-судостроителя, а другой запечатлел момент спасения Петром I тонущих рыбаков в Финском заливе (скульптор Л.А. Бернштам, автор этих двух памятников Петра I на Адмиралтейской набережной). В 1919 году оба памятника были снесены как «антихудожественные» (?!). Памятник «Царь-плотник» был в 1997 году восстановлен. Правительство Голландии подарило Санкт-Петербургу точную копию памятника, стоящего с 1911 года в городе Заандаме.

Не столь простая судьба выпала дому-музею А.В. Суворова, созданному в значительной степени благодаря настойчивости руководства Генерального Штаба империи. Будущее здание было торжественно заложено 8 июня 1901 года. Проект был разработан

А.И. фон Гогеном и Г.Д. Гриммом. Вы нигде не встретите имени одного невольного участника оформления музея, о котором следует хотя бы немного сказать. Со стороны фасада музей А.В. Суворова украшают две мозаики (по эскизам художников А. Попова и Н. Шагунина) – «Переход Суворова через Альпы» и «Суворов уезжает в поход 1799 года». В их создании участвовал мастер-мозаист М. Зощенко (совместно со своим коллегой – Н. Маслениковым). Так вот, первый был отцом будущего известнейшего писателя, и тоже М. Зощенко, но только еще маленького. И маленький М. Зощенко сделал маленькую елочку в нижней части мозаики «Суворов уезжает в поход 1799 года».

Несколько позднее, поближе к 300-летию воцарения династии Романовых, рядом со зданием музея установили церквушку, перевезенную из Кончанского – родовой деревни великого военачальника. В ее стенах он молился за победу русского оружия перед выездом в свой последний, Итальянский, поход. К сожалению, деревянная церковь князя Итальянского бесследно растворилась в морозных зимах послереволюционных первых лет.

1917 год не мог не пройти по культуре столицы. Основные события года в феврале и в октябре разворачивались в центре города. В списке адресов революционных событий упоминаются Таврический и Зимний дворцы, здания телеграфа и главпочтамта, мосты, площади. Именно после февраля было покончено с «петербургской Сахарой», как жители иронично именовали огромную пустошь, окруженную дворцами и казармами, похожими на дворцы. Речь идет не о пригородной части, а о самой что ни на есть центральной – Марсовом поле. Архитектор И. Фомин разработал проект превращения Марсова поля в необыкновенный сад и место последнего упокоения жертв Февраля.

Известный член большевистского правительства – А.В. Луначарский, возглавлявший наркомат просвещения, ведавший вопросами охраны природы, предлагал зажечь новое солнце, если нынешнее окажется недостаточным или вообще надоевшим и напрасным. И за этим легко обнаруживается не только укоренившаяся страсть к хлесткой фразе, но и нечто большее. Легкость, с которой предполагали грядущие изменения в природе, обнаруживается в сносе памятников в самом Петрограде.

В апреле 1918 года был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Исчезли памятники Петру Великому – бюст перед снесенной позднее Свято-Духовской церковью на Большеохтинском проспекте, памятник царю, опирающегося на пушку у Арсенала. В переплавку пошли и два памятника Петру I на темы: спасение императором лахтинских рыбаков и Царь-плотник, стоявшие на Неве перед Адмиралтейством.

Легкое, трудное, неожиданное, вечное, мгновенное

Ранний период царствования Николая II ознаменовался столь блестящими достижениями в области науки и культуры, что стал известен как «русский Ренессанс» или «серебряный век». В 1898 году К.С. Станиславский открыл свой Художественный театр пьесой А.П. Чехова «Чайка»; вслед за «Чайкой» были поставлены «Дядя Ваня» (1899) и «Вишневый сад» (1904). Так было ознаменовано начало новой эпохи в истории русского театра. Начиная с 1894 года стали появляться в печати труды Вл. Соловьева, выдающегося религиозного философа и поэта, оказавшего огромное влияние на поэтов-символистов.

Можно упомянуть великое множество светлых людей, чей талант украсил культурную жизнь Петербурга в конце XIX – начале XX века. В 1899 году состоялся дебют несравненного Федора Ивановича Шаляпина. Мариус Петипа, приближаясь к финалу своей 50-летней творческой карьеры, к 1903 году успел поставить 60 замечательных балетных спектаклей, включая и ставшие классикой на музыку П.И. Чайковского. Именно Петипа вывел на сцену целое созвездие исполнителей: Матильду Кшесинскую, Анну Павлову, Тамару Карсавину, Вацлава Нижинского. И поныне мастерство самых знаменитых балетных трупп оценивают по стандартам, установленным выдающимся балетмейстером. В музыке проявляется реформаторское творчество А. Скрябина, И. Стравинского, С. Прокофьева.

Серебряный век русской культуры принято связывать с искусством *символизма*. В 1900-е годы он становится «философией жизни», определяя мировоззрение и судьбы многих русских людей. Символизм перенес акцент с высокой гражданственности, на

зидательности, свойственной публицистике революционных демократов, искусству реализма, картинам передвижников, на неуловимые оттенки духовного состояния и внутреннее содержание. Властители умов 60-х годов – Белинский, Добролюбов, Чернышевский – объявлялись «священными останками» отживающего литературного поколения. Символисты выступили с новыми, по сравнению с литературой XIX века, стремлениями к чистой эстетике, культу свободной личности, готовности воспевать любовь и грех. Господа и Дьявола.

Столь же разительные события были связаны с развитием молодого тогда кино. Оно ведет свою летопись с 1908 года, когда на Каменноостровском проспекте была основана фабрика синематографических лент «Омниум-кино», наследовавшая «Аквариум» – одно из популярнейших столичных мест отдыха в конце XIX – начале XX веков. Здесь петербуржцы впервые увидели знаменитый люмьеровский локомотив, прибывающий на станцию Ля Сиота. В первое десятилетие века уже работали многочисленные кинотеатры, где крутили не только иностранные «синема», но и отечественные. В 1908 году русский зритель увидел ленту «Вечер у П.А. Столыпина в Елагином дворце». Операторы крутили ручками своих камер на императорской яхте «Штандарт», запечатлевая на киноплёнке семью императора. На экране мелькали первые автомобили, самолёты, а популярность их водителей могла сравниться разве что с борцами, которых всегда любили и уважали россияне.

Вскоре, после неоднократных переименований, в 1934 году, был образован ставший знаменитым на всю страну «Ленфильм». За свою историю студия видела многое и многих. В его павильонах творили такие известные мастера кино, как Григорий Козинцев, Иосиф Хейфиц, Сергей Юткевич, Сергей Эйзенштейн. Здесь снимались Владимир Гардин, Мария Бабанова, Павел Кадочников, Борис Ливанов, Николай Черкасов.

Немало упомянутых людей в послереволюционные годы расстанутся с Санкт-Петербургом, Россией, не приняв большевизм. Кто-то останется. Останется и культура прошлого, сохраняемая в отдельных ее ячейках, клеточках. Не случайно искусство реставраторов получило великолепное развитие в городе именно в XX веке. Однако, если положить руку на сердце, признаем – место

ушедших великих долго, очень долго пустовало. Только на рубеже XX–XXI веков появляется ощущение возвращения к культурным ценностям Петербурга с их новаторскими чертами. С бережным отношением к прошлому. Со стремлением немножко, сквозь флер времени, увидеть формы будущей культуры города.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ

Фронтоны многих зданий в Санкт-Петербурге украшены скульптурами богини мудрости Афины, а не бога войны Марса. И в этом есть свой смысл, понятный нашим предкам, которые, в отличие от нас, и украшали великолепные здания скульптурой. Сфера образования и просвещения лишь на первый взгляд менее героическая. Наиболее громкие имена чаще всего оставляли в нашей истории политики, военные, выдающиеся деятели искусства. Самые яркие из них, либо близкие к коридорам власти, Отечество и осыпало своими наградами. Просвещение многие относят почти к бытовой стороне жизни. Но так ли это? Возможно, высший героизм людей кроется в повседневном и незаметном для посторонних выполнении поставленной цели. Здесь нет места сенсациям, аплодисментам, грому побед. Именно в этом ряду обнаруживается героизм родителей, учителей, врачей. Сюда же мы можем отнести мирный труд всех людей, делающих общество лучше, умнее, добрее. Многие поколения этих людей прошли свой земной путь, оставив свой вклад в то, что можно назвать *петербургским просвещением*. Коснемся этой стороны жизни столь многоликого города.

Нужны не парики, а УМЫ

Изменения в жизни России, связанные с деятельностью Петра I, привели к значительным изменениям внешнего облика правящих слоев, их частных взаимоотношениях. Но дворянство было служилым сословием, *обязанным* в той или иной ипостаси исполнять службу государству. Дворяне должны были *уметь и знать*. Без этого абсолютная монархия Петра I оказалась бы недолговечной. Их нужно было превратить в *сословие*, со своими традициями, воспитанием, объединенного сознанием своего особого положения. Этикет, внешний лоск дворянства ни в коем случае не заслонял от царя главную заботу – образование дворянства. Этот курс царь проводил, как и многое остальное, скоро и жестко.

Превратившись по воле своего создателя в новую столицу, город энергично формирует новую для страны систему образования, широко используя европейский опыт. Зачастую сами императоры становятся своеобразными символами этого процесса. В первые десятилетия истории города формировались первые учебные заведения. Преследовалась при этом сугубо практическая цель – дать определенные знания для конкретного дела - водить корабли, воевать, строить и т.д. Именно в годы петровских преобразований было положено начало *профессиональным* учебным заведениям. Другая особенность состояла в том, что они приобрели *светский характер*. Из учебных программ исключались богословские и схоластические предметы, присущие учебным заведениям средневековья. Знание таких предметов несколько не повышало профессиональной подготовки.

Президент Академии наук граф Дмитрий Толстой, когда-то исследовавший историю первой столичной гимназии по архивным документам, писал, что учреждение ее совпадает с основанием Академии наук. И открыли-то ее в 1726 году – при академии. («Гимназия особливо для Русских заведена, дабы они, обучившись каким языкам и наукам, Отечеству тем большую пользу принести могли»). Расширение системы учебных заведений востребовало настоящий поток учебной литературы. Выходят в свет многочисленные учебники по разнообразным отраслям знаний: по механике, геометрии, астрономии, фортификации, навигации и т.д.

Петербург с первых лет своей истории становится центром просвещения России. Просвещение опирается скорее на внутреннюю потребность человека узнать больше об окружающем его мире. Это благородное стремление затрагивало разные слои общества. Отрешимся от надуманных представлений о глубочайшем невежестве населения страны в прошлом. Большинство книг, изданных в городе после его основания, были адресованы тем, кто учился и стремился к знаниям. Церковь приложила много сил для просвещения и образования народа. Иностранцы, впервые посещавшие столицу, с изумлением писали, что нередко во дворцах сановников видели простолюдинов, читавших французских энциклопедистов на европейских языках.

Вольное экономическое общество и просвещение

Российское просвещение многим было обязано Вольному экономическому обществу. Возникло оно в 1765 году по инициативе императрицы Екатерины II и либерального дворянства, заинтересованного в развитии сельского хозяйства и промышленности. В его цели входила и просветительская работа, хотя и носившая, на первых порах, утилитарно-хозяйственный характер. Общество было названо вольным, так как не подчинялось никакому правительственному ведомству. Оно стремилось повысить доходность помещичьих имений путем интенсификации труда крепостных и применения некоторых агротехнических мер.

Общество являлось не только старейшим в России союзом общественных деятелей, добровольно соединившихся под сенью дарованных им прав для совместного служения делу науки и общего блага, но было лишь 4 года моложе такого же общества в Париже и далеко старше огромного большинства сельскохозяйственных и экономических обществ Западной Европы. Для того, чтобы высказанные учредителями Общества при его основании прекрасные обещания руководствоваться требованиями общего блага, не оставались пустыми звуками, императрица предложила на рассмотрение Общества вопросы, касавшиеся бесправного положения крепостных земледельцев, о даровании которым человеческих прав надо было позаботиться прежде, нежели задаваться вопросами об улучшении культуры, введении новых растений, улучшен-

ных земледельческих орудий и приемов полеводства. В письме, подписанном инициалами И. Е. (Императрица Екатерина), ставился вопрос: может ли процветать земледелие там, где земледелец не имеет собственности, а то, чем он владеет, может быть у него всегда отнято. Российские корреспонденты не решились дать ответ. По настоянию императрицы, был напечатан ответ французского автора, выступившего за отмену крепостного права. Вспомнили мы об этой истории потому, что Екатерину всегда изображают крепостницей и, одновременно, энергичной сторонницей просвещенного абсолютизма. Значит, дело было намного сложнее, чем мы представляем.

Значительное место в нем занимали члены Академии наук: Эйлер, Севергин, Лепехин, Разумовский, Зуев, Озерецковский. На протяжении почти полу столетия самое активное участие принимал в деятельности общества А.А. Нартов. Обширные агротехнические знания позволили ему занять видное место в сельскохозяйственной науке. Это придало научный вес работе общества, которое сыграло положительную роль в развитии сельскохозяйственной науки в России. Его печатные труды, библиотека, ботаническая, геологическая, минералогическая и другие коллекции, Музей моделей машин – все это должно быть отнесено к числу заслуг в деле развития русской культуры.

Кого только не было среди членов Общества – чиновники, мелкие помещики и люди, любившие эту страну, ее прекрасную природу. Между прочим, уже тогда наши предки начали ощущать то, что сегодня именуется экологическими проблемами общества. В «Трудах Вольного экономического общества», которые стали издаваться сразу после его создания, можно найти немало материалов на эту тему.

С 1844 года Вольное экономическое общество заняло дом по Царскосельскому проспекту на углу 4-й Роты (ныне Московский пр., 33/1) – каменный двухэтажный особняк, построенный в 1806–1810 годах. При Вольном экономическом обществе в 1861 году был основан Петербургский комитет грамотности. В 60–70-х годах XIX века общество изучало почвы России. После Октябрьской революции Вольное экономическое общество прекратило свое существование. Библиотека вошла в состав фондов Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, ставшей ныне Российской национальной библиотекой.

Народные дома – это... интересно!

Историю просвещения просто невозможно оторвать от развития социальных процессов в Санкт-Петербурге, ибо оно само по себе имеет именно такой характер. Петербуржцы и более века тому назад столь же остро хотели исправить различные социально острые проблемы, в том числе связанные с культурой низших слоев населения. Наиболее плодотворной казалась в этом отношении идея народных домов, которая на рубеже XIX–XX веков приобрела большую популярность. Речь шла о создании своеобразных клубов для самых широких слоев населения империи. Народные дома были ориентированы на самые низшие слои российского населения. Их контингент состоял в большинстве своем из мастеровых, ремесленников, представителей промышленного пролетариата. В этих домах задумывались библиотеки, популярные лекции, благотворительные столовые. Там можно было получить специальность или даже новую профессию. Идея была подхвачена из Европы и Америки, но казалась весьма привлекательна, т.к. строилась не только на благотворительных деньгах, но и на скромных взносах. Собственно эти народные дома скорее и должны были стать своеобразными народными клубами.

Получила развитие эта мысль и в Санкт-Петербурге. Весьма удачно реализовала ее в жизнь известная общественная деятельница того времени графиня Софья Владимировна Панина. На свои средства она построила в 1903 году на Тамбовской улице народный дом, окрещенный в печати народным политехникумом. На его создание было израсходовано почти полмиллиона рублей, а архитектор Юлий Бенуа постарался полностью воплотить замысел заказчицы. С.В. Панина строила свой народный дом, как писали тогда петербургские газеты, «на далекой окраине близ Волкова, своими грязными, глухими улицами и деревянными покривившимися подслеповатыми домишками напоминающей глухую провинцию». Обитатели ее пока что знали для отдыха одни лишь кабаки да откосы зловонного Обводного канала, «давая обильный материал для полицейских приемных покоев и газетных дневников происшествий»...

На его первом этаже размещались механические мастерские ремесленных классов для подростков, получавших начальное об-

разование и профессию столяра или слесаря. Имелась библиотека, лекционный зал, действовала даже небольшая обсерватория, даже зрительный зал для театральных выступлений на тысячу человек! Посетители пользовались большой столовой, где дети и подростки кормились бесплатно, а взрослые – совсем недорого. В вечернее время работала школа по программе нынешнего среднего образования.

Этот дом был не единственным в столице. Нечто похожее было организовано на Петроградской стороне за счет самого императора Николая II. В здании, где ныне расположен мюзик-холл, было предусмотрено многое для разумного досуга, получения знаний и т.д. В организации домов по другим районам столицы приняло участие и Общество трезвости, а также другие общественные организации. Однако усилия многих людей натыкались на укоренившиеся пороки темной толпы, либо ее полнейшее непонимание самой мысли о нужности ЗНАНИЙ. Поэтому вскоре даже в народном доме, созданном самодержцем пошло повальное пьянство. Другой крайностью была активность политических партий и течений, которые возымели вполне понятное желание использовать эти дома как свою трибуну. Поэтому народные дома хоть и копировались в имперской провинции, но с немалой осторожностью.

Муки среднего образования

Президент Академии наук граф Дмитрий Толстой, когда-то исследовавший историю первой столичной гимназии по архивным документам, писал, что учреждение ее совпадает с основанием Академии наук. И открыли-то ее в 1726 году – при академии («Гимназия особливо для Русских заведена, дабы они, обучившись каким языкам и наукам, Отечеству тем большую пользу принести могли»).

Первая эта гимназия, кажется, была единственной в истории таковых заведений, чьи ученики принадлежали преимущественно к «низшим классам». Еще один граф – Кирилл Разумовский, задолго до Д.А. Толстого тоже возглавлявший Академию наук, даже будто бы говорил по этому поводу: «У нас серьезно должны учиться только бедняки, чтобы получать потом высшее образование, а с ним и кусок хлеба впоследствии»...

Проблема оказалась, однако, в том, что родители таких учеников предпочитали, видно, чтобы дети стали кормильцами, а не учеными. Даже несмотря на увеличение казенного кошта на их содержание в гимназии, число учащихся в ней год от года катастрофически сокращалось. (Стали даже брать присягу с них, что доучатся до конца!). В общем, додержали до 1805 года академическую гимназию кое-как на плаву, а тут она и скончалась... Но опыт ее был учтен, да и в высших сословиях к тому времени уразумели пользу образования для чад.

Невозможно представить историю России XIX века без обращения к теме просвещения, воплотившейся в череду конкретных мер по развитию и совершенствованию системы образования. Век начался с того, что в 1802 году (при Александре I) было учреждено Министерство народного просвещения. Начало XIX века ознаменовывается для столицы открытием все новых и новых гимназий. К этому времени в столице было 12 малых народных училищ, русское и немецкое главные народные училища, а также 28 частных пансионов. Самой первой в этом ряду стала Губернская гимназия, учрежденная в 1805 году. (Потом она получила наименование Второй, которое осталось и за нынешней гимназией, по-прежнему занимающей здание на Казанской улице, 27).

В 1820 году свою гимназию открыло императорское Человоколюбивое общество. В 1823-м приступила к занятиям гимназия – Третья – в Соляном переулке. В 1830-м в Первую гимназию преобразовался бывший университетский пансион. В 1836-м появилась гимназия на Васильевском острове, созданная на средства купца П.Д. Ларина (она же Четвертая). С той поры гимназии в столице стали расти почти как грибы – их открывали и само министерство народного просвещения, и различные ведомства, и частные лица. Кстати, ведомственной была и первая в Петербурге женская гимназия – Мариинская, по линии учреждений императрицы Марии Федоровны, существовавшая с 1858 года... Только вот казеннокоштных, из «недостаточного класса», воспитанников было в них, как правило, очень незначительное число. (Поначалу эти столичные гимназии вообще являли собою пример кастовости, о чем можно судить даже по присвоенным им номерам). В Первую, к примеру, принимали исключительно детей потомственных дво-

рян и только лет через тридцать трудом, преодолевая протесты, начали зачислять сюда отпрысков дворян личных, то есть не наследных, а также потомственных почетных граждан и купцов.

Империя на службе Просвещения

С годами ситуация демократизировалась, в гимназиях все чаще стали учиться дети разночинцев, интеллигентов. Этому способствовал указ императора Александра I 1804 года, согласно которому школа объявлялась всеобщей, то есть для всех кроме, конечно, детей крепостных. По указу была сформирована следующая достаточно последовательная система обучения: один год — в приходском училище, два года — в уездном, четыре года — в гимназии. Затем можно было поступать в университет. В жизнь города начинала вливаться новая новационная волна, на благотворный берег просвещения, где и создавалось будущее империи.

Петербургское Главное училище превратилось в Гимназию с 4-летним обучением. 60 воспитанников жили в пансионе на казенный счет, и готовились стать учителями приходских и уездных училищ. Затем пансион был превращен в самостоятельное Высшее училище со сроком обучения 8 лет. Оно стало принимать только дворян и готовило их к статской службе.

В том же 1804 году Учительская семинария превратилась в Педагогический институт. В нем изучали точные науки (математику, физику), а также химию, историю (всеобщую и русскую), политическую экономию, философию, сельское домоводство, черчение, рисование и иностранные языки (немецкий, французский, латынь).

В 1811 году открылся Царскосельский Лицей. В 1817 году при Педагогическом институте открылся благородный пансион для дворян с такой же учебной программой, как в Лицее. Среди окончивших пансион был М.И. Глинка. В 1819 году Педагогический институт был преобразован в Петербургский университет (Университетская наб., 7/9), крупнейший центр науки и культуры в России. В нем было три факультета: философско-юридический, физико-математический и историко-филологический. В 1854 году открылся 4-й - восточный факультет. Срок обучения в нем был 3 года. За первые 50 лет существования университета его закончили

2,3 тыс. человек. Здесь работали известные ученые: математики П.Л. Чебышев, А.А. Марков, физики Э.Х. Ленц, А.С. Попов, химики Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, физиолог И.М. Сеченов и многие другие. Кафедры богословия и иностранных языков посещали все студенты.

В 1818 году в Петербурге было основано т.н. Вольное общество. В него вошло около 100 дворян. На собранные средства (18 тыс. рублей) общество открывало училища взаимного обучения: в Коломне (на 250 детей), в Воспитательном доме (на 100 детей), для сиротских детей лейб-гвардии Семеновского, Московского и Егерского полков (на 70 детей) и при Гатчинском воспитательном доме (на 360 детей). В них давали уроки наиболее способные ученики. Кроме того, Общество открыло центральную школу для обучения грамоте солдат-гвардейцев. Однако после восстания в Семеновском полку (1820) Вольное общество и его училища были закрыты. Многие члены общества (С.П. Трубецкой, П.М. Муравьев, В.К. Кюхельбекер) в 1825 году стали участниками восстания декабристов.

После событий на Сенатской площади в 1825 году последовала череда перемен в просвещении. Указом Николая I в 1828 году новый школьный устав разделил учащихся по сословиям. Отныне приходские училища (в столице их было 10) предназначались для людей «самых нижних состояний» (крестьян и бедных горожан), уездные (их было 3) – для «купцов, ремесленников и других городских обывателей», гимназии с семилетним сроком обучения – для «дворян и чиновников». В городе одна за другой открывались гимназии. С 1827 года по 1852 годы в 5-ти городских гимназиях выучилось 919 человек. Около половины учащихся жили при гимназиях под присмотром воспитателей.

К середине XIX века число частных учебных заведений выросло до 149, в 1852 году в них было 4720 учащихся. Наибольшее внимание уделялось иностранным языкам, фехтованию, пению, танцам, музыке, рисованию. Многие дворяне в начале XIX века говорили и читали по-французски лучше, чем по-русски, и еще в 1811 году вышел указ об обязательном ведении учебных занятий в частных пансионах на русском языке. Домашние учителя обучали детей в богатых семьях арифметике, чтению и письму на рус-

ском и иностранных языках. Среди них были домашние наставники (окончившие университет) и домашние учителя (сдавшие специальные экзамены). К 1853 году домашних учителей было 171.

В 1853 году по типу Лицея было образовано еще одно закрытое учебное заведение – Училище правоведения (наб. р. Фонтанки, 6). Оно готовило чиновников «по судейской части». Среди его известных питомцев были И.С. Аксаков, Д.Н. Набоков, П.И. Чайковский и др.

Александровская эпоха способствовала появлению ряда высших учебных заведений. В столице открылись Институт инженеров путей сообщения (1810), Лесной институт (1811), Главное инженерное училище (1819), Артиллерийское училище (1820), Главный педагогический институт (1828), Архитектурное училище (1830), Технологический институт (1831), Училище гражданских инженеров (1832). Еще в 1798 году в Петербурге открылась Медико-хирургическая академия, блестящий расцвет которой начался в 50-е годы XIX в. В ней в это время работали русские ученые С.П. Боткин, И.М. Сеченов, Н.И. Пирогов и др.

Для девочек из дворянских семей в Петербурге первой половины XIX в. было 3 вида образования: Смольный институт, частные пансионы, где воспитательницами были француженки или немки, и домашнее образование, когда нянюшка передавала ребенка на попечение гувернантки, француженки, немки или англичанки. Девочек обучали истории, географии, словесности, танцам, пению, игре на музыкальных инструментах, этикету.

Кроме Смольного, в Петербурге были училища ордена св. Екатерины (1796) и Павловский институт (1818). На 2-е отделение этого института принимались дочери мелких чиновников. Мещане, дочери купцов и духовенства могли учиться в Мариинском и Повивальном институтах. Для обучения грамоте солдатских дочерей в 1820-х годах были открыты два училища, а в 1830-х годах — 11 низших школ Женского патриотического общества.

Если есть образование, зачем просвещение?

Итак, в столице еще в XVIII веке была создана система образования. Почему же требовалось развитие просвещения? Причин много. Коснемся важнейших. Прежде всего, петровские реформы,

в том числе и в развитии образования, были либо слишком прагматичными и сиюминутными. Нужны были артиллеристы – их и обучали этому делу. Нужен был еще кто-то – этот кто-то и формировался. Качество этой работы далеко не всегда отвечало даже минимальным требованиям.

Как строить дом – с верхних этажей или с нижних? Станный вопрос! А ведь во введении к этой книге мы уже писали о том, что в дом входят через двери, а не через окно, каковым стал Петербург. Нечто похоже случилось и в системой образования.

Старинная проблема отечественного образования – с какого начать конца? Великий россиянин М.М. Сперанский как-то заметил по этому поводу: «Здравый смысл требует начинать вещи с их оснований и вести к совершенству постепенно, и, следовательно, должно бы начать народными школами и кончить академией». Однако указом Петра I была создана Академия наук. При этом в стране практически не существовало системы школ, не только средних, но и низших. Созданная при Академии гимназия критиковалась еще современниками и вскоре была закрыта.

Лестница оказалась без нижних ступеней. Внизу масса неграмотного народа, вверху тонкий слой образованного общества. Эта картина сохранится на многие десятилетия, перешла из XIX века в XX, затем – в XXI. Она тревожно актуальна и для современного Санкт-Петербурга и кто знает, может быть, в ней ключ ко многим проблемам России. С одной стороны, «великая русская культура», а с другой – жизнь в провинциальном городе, деревне конца XX – начала XXI столетия напоминает весьма далекие для Европы эпохи. Может быть, это следствие нерешенных проблем в истории России? Различия в просвещенности и образовании населения современного Петербурга сохраняются.

Понимание столь двойственной ситуации было ощутимо и в начале XX века, что привело к активным действиям столичной общественности. К этому подталкивали не только благие намерения, но и настоящий промышленный взрыв, который после серии реформ Александра II испытывала империя. Стремительное развитие промышленности потребовало значительного количества образованных людей – от рабочего и выше. В соответствии с этим переформировалась система высшего образования. Это была *новация*

не на одно десятилетие. И до настоящего времени вузовская система России основывается на изменениях той поры. У истоков базового типа технических вузов – политехникума стоял тогдашний министр финансов С. Ю. Витте. Его усилиями были созданы политехнические институты в Варшаве, Киеве, Петербурге, Томске. В не меньшей степени это касается и университетов. Все они нынешние – большие, маленькие, богатые, бедные – основой своей должны считать старые дореволюционные университеты. Более того, на них и до сих пор базируется вся система нашей высшей школы.

Как писал В.О. Ключевский, науку часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, т.е. умение пользоваться знанием как следует. Конечно, наша высшая школа далеко ушла от той, которая была до революции. И все же мы найдем там очень много поучительного для нас сейчас – и организационные формы, и находки в учебном процессе, и идею самоуправления преподавателей и студентов.

В современной высшей школе материальное состояние студентов зависит в основном от государственной инициативы, причем так же, как в царской России, они находятся просто за чертой бедности. После революции 1905 года студенчество занялось своим повседневным материальным бытом. Создавались кооперативные магазины, объединения, столовые, общества по подысканию дополнительного заработка. В среде учащихся и преподавателей бродила идея создания общестуденческого всероссийского банка. Крупные писатели. Чехов, Бунин, Горький почитали за честь безвозмездно участвовать в интереснейшей студенческой печати, насчитывавшей несколько десятков названий газет и журналов. Гонорар известных литераторов полностью шел в пользу студенчества.

Просвещение общественности... или наоборот?

Во второй половине XIX века просвещение в России подключилось и к области общественной деятельности. Это было время бурного развития предпринимательства, особенно в промышленности, на транспорте. Это привело к росту учебных заведений, готовивших высокообразованных специалистов. Требовалось много обученных рабочих, в руки которых передавалась быстро услож-

нявшаяся техника. В 1859 году хирург Н.И. Пирогов открыл первую в стране народную школу в Киеве. Идею быстро подхватили и вскоре она нашла и петербургские адреса. К концу века по стране уже насчитывалось свыше 1 тысячи школ, включая, конечно, и Петербург. Однако в столице пошли дальше — стали основывать народные дома, где не только учили, но и формировали иной образ жизни, даже элементы ментальности. Там создавались народные театры, библиотеки, проводилось обсуждение различных проблем науки и техники, велась и работа по повышению квалификации или освоению новых профессий,

Широкую известность в истории России получил Лиговский Народный Дом в Петербурге. Кроме учебных аудитории, в нем имелись большая библиотека, педагогический музей, обсерватория, театральный зал, в котором ставила спектакли постоянная драматическая труппа. Перед первой мировой войной в России насчитывалось 222 народных дома.

Помимо разных учебных заведений, открывавшихся в Санкт-Петербурге, к просвещению населения энергично присоединилась общественность. В представлении многих наших современников, в нее входили ученые, деятели культуры и, конечно, обросшие бородами фанатичные борцы с самодержавием. Да, это так. Но она включала и предпринимателей, дворян-помещиков, сановников. Среди них были и люди, жертвовавшие на просвещение большие средства, и те, кто мог передать лишь свои знания и немного денег. Объединяло этих людей глубокое понимание *необходимости* широкой просветительной работы. В этом они видели будущее страны.

В связи с нарастанием революционного движения в начале XX в. общественные формы просвещения все чаще стали использоваться представителями различных политических движений для пропаганды своих идей. Под прикрытием различных занятий в кружках, в вечерне-воскресных школах проводились беседы на политические темы или чтение политической литературы. Под видом таких широко распространенных форм досуга городских мещан, как пикники, майские гулянья за городом, в лесу, роще, устраивались политические сходки-маевки. Политическая направленность отличала немало количество рабочих клубов, которые ста-

ли возникать в городах после революционных событий 1905 г. Эта причина, в частности, послужила поводом для их закрытия после разгрома революции в 1906–1907 гг. Их «вторая» жизнь началась уже после Февральской революции 1917 г., когда эта форма рабочих объединений стала полноправной в числе других общественных организаций. В годы, последовавшие после подавления восстания 1905 г., рабочие в качестве альтернативы стали охотнее прибегать к созданию уже упомянутых «обществ самообразования», к которым власти относились более лояльно. В этих обществах больше внимания уделялось вопросам образования, духовного развития рабочих. В уставах обществ в качестве видов деятельности назывались такие, как проведение лекций, литературных вечеров, концертов, спектаклей, чтение литературы в библиотеках-читальнях, создаваемых на базе обществ и т.п. Во многих обществах возникали кружки - образовательные и художественные различной направленности, устраивались экскурсии в музеи и на выставки.

Интересные страницы в историю петербургского просвещения вписало Всероссийское Общество народных Университетов. Оно ставило своей важнейшей задачей распространение в широких слоях населения внешкольного образования и научных знаний путем устройства систематических научных курсов. В состав правления Общества вошли ученые и деятели культуры мирового уровня – академики и профессора П.Н. Бекетов, В.М. Бехтерев, Ф.Ф. Зелинский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Ф. Лесгафт, П.Г. Мижуев, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, С.Ф. Ольденбург. Практически сам список имен говорил об универсальности знаний, которые должны были давать самые различные курсы. Созданная система активно действовала вплоть до начала первой мировой войны и дала тысячам питерцев реальную возможность повысить квалификацию, обогатить себя новыми знаниями.

Были и другие формы просветительной работы, в которых, так или иначе, присутствовали и филантропы, и интеллигенция, тяготевшая к тем или иным политическим течениям тогдашней России. В Санкт-Петербурге это были «Лига образования». Начало XX в. характеризовалось также развитием различных общественных организаций, в которых объединялись представители интел-

лектуальных профессий. Это - общества врачей, краеведов, театральные и литературные общества. Общества имели свой устав, кассу; члены обществ устраивали собрания на определенные темы с выступлением докладчиков и последующим обсуждением сообщений. Результаты состоявшихся дискуссий нередко опубликовывались в различных периодических изданиях. Как правило, подобные общества были немногочисленны по количеству участников.

Власть и просвещение в XX веке

После 1917 года налаженная система просвещения остановила свою работу, однако потребность в ней остро ощущалась. Был сформирован Наркомат просвещения, при котором создается структура просветительных подразделений. При этом новая власть категорически привнесла во всю просветительную работу большой заряд идеологии правившей партии. Пока шла гражданская война появился ряд новых массовых организаций, участвовавших в просвещении населения. 9 ноября 1917 года ВЦИК и СНК учреждают Государственную комиссию по просвещению во главе с А.В. Луначарским. В октябре 1917 года организационно оформился Союз пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульт). Решались и пропагандистские задачи закрепления в массах коммунистической идеологии под началом Главполитпросвета. Выпускались многочисленные брошюры на политические, экономические, исторические и темы.

Перепись населения 1920 года выявила в стране 54 млн неграмотных, поэтому ликвидации неграмотности стала его основной задачей. В 1923 году было организовано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность», содержащее тысячи школ (ликбезы), где обучалось почти 1,4 млн взрослых.

Даже когда столица была перенесена в Москву, Петроград не потерял свое значение культурного центра. Иначе не могло и быть – в городе жили и работали наиболее известные ученые, деятели культуры и искусства России. В эти годы закладывается традиция выступлений ведущих ученых перед массовой аудиторией. В 1917 году А.М. Горький создал Ассоциацию по развитию и распространению наук. Ее возглавил академик В.А. Стеклов, а среди ее членов замечательный популяризатор науки академик К.А. Тимирязев.

зев. В просветительской работе участвовали многие композиторы, исполнители, музыковеды — Б.В. Асафьев, А.К. Глазунов, М.Ф. Гнесин, Ф.И. Шаляпин и другие.

События Первой мировой войны, революции, гражданской войны подвели Россию к состоянию экологического кризиса вследствие массового истребления животного мира, вырубки лесов, повсеместного браконьерства. Поэтому возникает необходимость природоохранной пропаганды и просвещения, чем и занялось созданное в 1924 году Всероссийское общество охраны природы (ВООП).

В апреле 1928 году родилась организация — ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия экономическому и культурному развитию страны. В ее рядах были ученые, инженеры, агрономы и зоотехники, врачи и преподаватели, энергично внедрявшие технические и естественнонаучные знания в широкие массы населения.

Этому способствовала атмосфера широко развернутой в стране борьбы с неграмотностью, основанием многочисленных научно-исследовательских институтов и организаций. Потеряв почти 2 млн своих наиболее образованных жителей, отъехавших в эмиграцию в годы революций и гражданской войны, Россия срочно пыталась восполнить очень чувствительные интеллектуальные потери. В 20–30-е годы получили распространение такие формы образования взрослых, как рабфаки, школы крестьянской и рабочей молодежи, школы фабрично-заводского обучения.

За этими событиями можно увидеть не только заинтересованность властей в развитии просвещения, конечно, в нужном для нее идеологическом направлении. Возможно, еще больший интерес к получению знаний, приобщению к культуре, отмечался и со стороны населения. Вновь оказались востребованы дореволюционные формы вечернего образования, воскресных школ и т.д. Просвещение испытывало настоящий бум.

Возникновение Общества «Знание»

Предвоенные и военные годы — время, когда просвещение переживало свои взлеты и падения, победы и поражения. Были репрессии, серьезно поредили ряды самих просветителей. Тотали-

тарная система с неизбежностью вторглась и в эту сферу. Но даже она не могла обойтись без огромной массы образованных людей, испытывавших потребность не только в профессиональных знаниях, но и проявлявших обыкновенную человеческую любознательность к быстро менявшемуся в XX веке миру.

После окончания Второй мировой войны развернулась научно-техническая революция, стремительно менявшая очень многие незыблемые истины. Появлялась иная техника, знания обновлялись так быстро, что приходилось постоянно их обновлять. В 1947 году было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Даже в названии легко увидеть, что оно преследовало поначалу, прежде всего пропагандистские задачи, отвечавшие потребностям идеологии. Но, по мере развития страны, социальных и культурных перемен в ней, медленно, но менялись и задачи просвещения. Именно это и позволит сформировать Общество «Знание»¹.

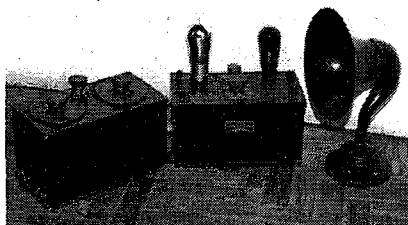
Несколько поколений питерцев жили, учились и работали под постоянным, *просвещенным*, вниманием этого Общества. Более полувека работы Общество создало новые формы работы или позаимствовало их из исторических запасников прошлого. Многие сотни и тысячи его лекторов регулярно проводили лекции в самых разных коллективах города и области. Они не только рассказывали о событиях внутренней и внешней политики (кстати, всегда пользовавшиеся особым вниманием аудитории). Его лекторы рассказывали в планетарии города о делах космических. В Доме научно-технической пропаганды специалисты обменивались опытом организации работы в промышленности. В Центральном лектории вели свои блестящие лекции ученые с мировой известностью. Именно в обстановке *востребованности* знаний возрождались традиции отечественного просвещения. Многочисленные народные университеты, кинолектории, лектории технико-экономиче-

¹ Название организации менялось 5 раз: 1947 год – Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; 1956 год – Ленинградское отделение общества по распространению политических и научных знаний РСФСР; 1963 год – Ленинградская организация общества «Знание» РСФСР; 1991 год – Санкт-Петербургская организация общества «Знание» России; 1997 год – Межрегиональная общественная организация общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ских знаний, семинары, циклы лекций давали сотням тысяч наших соотечественников конкретные жизненные знания.

Большой интерес вызывали лекции о достижениях науки, по литературе и искусству, педагогике, медицине. Массовыми тиражами выпускались научно-популярные брошюры издательства «Знание». СПб ООЗ традиционно пользовалось авторитетом практически во всех регионах России и союзных республик, где бывали его лекторы. Она всегда была интеллектуальным донором для своих коллег. Все пятьдесят лет СПб ООЗ ежегодно направляла сначала десятки, а затем и сотни лекторов в другие республиканские, областные и краевые организации Всесоюзного общества «Знание». Ленинградские ученые и специалисты активно участвовали в подготовке лекторских кадров, охотно принимали гостей и делились не только знаниями, но и опытом лекционной работы, оказывали немалую методическую и шефскую помощь.

Просвещение – не только история Санкт-Петербург, но и его будущее. Пока человек сохранит в себе благородное желание больше знать об окружающем мире и собственном обществе, он обретает и свои перспективы. История нашего города свидетельствует, что такой интерес был и остается во всех поколениях петербуржцев. Так будем их чтить и продолжать.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ

Мы поговорим здесь о делах известных, на первый взгляд, но без рассказа о роли Санкт-Петербурга в научно-техническом развитии страны картина будет неполной.

Уже с момента основания города было понятно, что не только финансы, рабочие, материалы нужны для создания *нового* города. Требовались *идеи*. Их могли дать только образованные люди, что требовало развития образования, создания *научных учреждений*, поощрения научных исследований. Петровская эпоха лишь *пыталась* заложить фундамент для последующего развития науки и техники. Как и многое в петровских реформах, здесь было слишком много слепого копирования с Европы, жестоких указов и элементарной безграмотности. Далеко не сразу человечеству все более становилось понятно, что широкое изучение окружающего нас мира предполагает не только деятельность ученых-одиночек, но и коллективов ученых, специалистов разного уровня и профиля. Сегодня это называют научными учреждениями. Но формы организации научных исследований явно будут меняться и приобретать все новые грани и структуры. Собственно, этот процесс идет, включая в свое влияние не только ученых, но и большое число представителей разных областей знания, хозяйственной практики. За примерами не нужно никуда углубляться. Большинство достижений XX века – результат совместной работы десятков, а может и сотен тысяч людей. Это и работы по освоению космоса, «атомные проекты». А ближе к нашему времени - Большой адронный коллайдер, над созданием которого работал большой международный коллектив.

Лишь во второй половине XVIII века началось создание сложной системы научных учреждений России. А плоды эта система *реально* начала приносить лишь с начала XIX века. Таковы особенности науки. Кроме того, именно в XIX веке, в связи с ускорением промышленного развития страны оказались *востребованными* и некоторые открытия, изобретения прошлого. Так, идею конвейера, как утверждают некоторые исследователи, предложил великий педагог Я.А. Коменский еще в 30-х годах XVII века. Мой учитель, профессор О.А. Поздняков, серьезно изучавший историю НОТа (научной организации труда) в России, встретил в архивных документах материал о зарождении *идеи конвейерного производства* в трудах ученых Санкт-Петербургского Политического университета им. Петра Великого. Но пока они дошли до европейского читателя, ее «отцом» станет Г. Форд, думавший не о публикациях, а о деле. Одновременность открытий и изобретений в истории не столь редкое событие.

Основное внимание здесь мы уделим дореволюционному развитию научно-технического прогресса. Это объясняется просто — о XX веке написано много, очень много. В этом веке в стране была создана *иная* промышленность и наука, соответствовавшая уже эпохе *научно-технической революции*. О ней мы знаем больше хотя бы потому, что она по времени ближе к нам. Прошлое уходит также стремительно, как наступает будущее. Но оно, это будущее, основывается на том, что было сделано в прошлом, на делах тех людей, которые и создавали наше настоящее.

Итак, вновь занавес нашего огромного, без кулис, театра открывается... Мы снова возвращаемся к изначальной истории Санкт-Петербурга.

Зарождение отечественной науки

Пётр I хорошо понимал значение науки и образования для развития государства. В первое десятилетие XVIII века в России открылись морские и технические училища, налажено издание учебников, технических руководств, просветительской литературы, первой газеты, календарей. Одним из парадоксов его эпохи было то, что в самом окружении царя было не так много образованных людей. Более того, странной может показаться мысль, но

это факт, что и сам монарх имел солидные пробелы в образовании. Его рукописи изобиловали элементарными грамматическими ошибками, даже по правилам правописания той эпохи. Есть основание сомневаться в его знании иностранных языков. Однако он опирался на некоторых своих сподвижников, оставшихся в истории не только в качестве «птенцов гнезда петрова», но и ученых, изобретателей, историков¹.

В Петербурге была организована подготовка кадров для армии, флота и промышленности. В 1715 году в новую столицу из Москвы переводятся старшие классы школы математических и навигацких наук, а также школ Нарвы и Новгорода (около 300 учащихся), на базе которых создаётся Морская академия, располагавшаяся сначала на месте нынешнего Зимнего дворца, а позднее на Васильевском острове, там, где сейчас находится Академия художеств. Питомцы Морской академии, Артиллерийского училища, основанного в 1712 году, и Инженерной школы, открытой в 1719 году, составили первый отряд русских технических специалистов.

Знаменательным событием было создание в Петербурге в 1714 году первой в России государственной научной библиотеки. Её начальный фонд составили московские собрания Аптекарской канцелярии и царского двора. Первым библиотекарем стал питомец Страсбургского университета И.Д. Шумахер. В том же 1714 году был основан первый музей – Кунсткамера. Основой его послужили естественнонаучные коллекции, которые Пётр покупал за границей (у известного анатома Ф. Рюйша) и собирал в России. В 1718 году библиотека и коллекции были привезены в дом «адмиралтейств-советника» А.В. Кикина, казнённого вскоре по «делу» царевича Алексея. Одновременно на берегу Невы было заложено новое здание для Кунсткамеры и библиотеки по проекту Г.И. Маттарнови. Строилось одно из самых больших и красивых зданий Петербурга. Такие дворцы науки были тогда в Европе

¹ В их числе – астроном и математик, начальник артиллерии Я.В. Брюс; первый русский доктор медицины П.В. Постников; автор первого русского учебника по математике и навигации Л.Ф. Магницкий; образованнейший дипломат, позднее президент Морской академии А.А. Матвеев; талантливый токарь и механик А.К. Нартов; предприимчивый самоучка, строитель сооружений на Ладозе М.И. Сердюков; знаток горного дела, впоследствии крупный историк В.Н. Татищев и многие другие.

крайней редкостью, построенное здание для комплекса, включавшего библиотеку, музей, обсерваторию, анатомический театр, пожалуй, было первым.

Пётр обдумывал проект создания в России университета и научного учреждения, но осуществление плана откладывалось до окончания Северной войны. В 1721 году он отправил за границу для налаживания научных связей своего библиотекаря И.Д. Шумахера. Во время этой поездки Шумахеру удалось заручиться согласием крупных европейских ученых вести переписку с петербургскими коллегами. Царь был знаком с научными обществами Европы, особенно в Германии. С президентом Берлинского научного общества, известным учёным и философом Г.В. Лейбницем Пётр поддерживал связь около 20 лет, советы Лейбница и легли в основу проекта Академии. 28 января 1724 года был издан указ «О Академии, и о сумме на содержание оной».

Академия Наук

В задачи Академии наук входили не только научно-исследовательская работа, но и обучение молодежи. Поэтому в составе Академии были учреждены гимназия и университет. Пётр создает первый в России естественноисторический и анатомический музей (Кунсткамеру), до сих пор пользующийся большой известностью в Петербурге. В сущности, новая государственная структура создавалась для привлечения лучших ученых в различных областях знания. Академия была задумана как учреждение, состоящее на полном государственном обеспечении. На ее текущие расходы определялось 24912 рублей в год из торговых доходов четырёх прибалтийских городов. В ее обязанности вменялось решение не только теоретических, но и практических задач, выдвигаемых нуждами государства. Исследовательская работа соединялась с подготовкой научной смены.

Академия должна была состоять из учёных, для которых исследовательская работа была государственной службой. Такая профессионализация научной деятельности была в то время большой редкостью. Было решено пригласить учёных из других стран. Миграция учёных была обычным делом в XVIII веке. Этому способствовало общепринятое употребление латинского языка как

международного языка науки, хотя в Англии и Франции он уже вытеснялся национальным языком. Так в составе Академии появились многие крупные ученые, оставившие след в развитии отечественной науки.

7 декабря 1725 года Екатерина I подписала указ «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста». 27 декабря 1725 года Академия провела своё первое публичное собрание в большом доме барона П.П. Шафирова. Переговоры с маститыми учёными шли трудно, поэтому был взят курс на привлечение в Академию молодых учёных. Поэтому не случайно из 70 академиков XVIII века только 9 человек получили это звание в возрасте старше 40 лет, 36 учёных стали академиками в возрасте от 30 до 40 лет и 25 – моложе 30 лет (например, Л. Эйлер – в 23 года, И.Г. Гмелин – в 20 лет).

В 1728 году вся Академия с библиотекой и музеем переселилась на Васильевский остров, в специально построенное здание Кунсткамеры и находившийся рядом деревянный дворец, ныне не сохранившийся.

Сами с усами

В России технические знания в значительной степени оказались привнесены иностранцами, которые уже в XVII веке стали охотно приезжать в Россию. Не было недостатка и в российских самородных талантах. Достаточно пойти в Эрмитаж и взглянуть на станки петровского времени, экспонированные в этом музее. Не только Петр I любил поработать на токарном станке. Это было общеевропейское увлечение – короли, аристократы, простые люди точили из разных материалов удивительные произведения. Некоторые из работ основателя Петербурга хранятся в Эрмитаже.

Петровская эпоха востребовала новые профессии, знания. Механика, как и точные науки, были относительно новой областью. Однако, вскоре стали известны имена Кулибина, Ползунова, Зарубина, разных самородков из народа, строивших мельницы и плотины, работавших на мануфактурах. Таковы были Татищев и Никита Демидов; строитель премьер-майор Москвин (основатель Воткинского завода, при графе Шувалове в царствование Елизаветы Петровны). Практически все из этих и многих других талантли-

вых людей жили и работали в Петербурге. Судьба их творений складывалась по-разному, нередко поразительные идеи так и оставались нереализованными, прятались под сукно. Но и то, что нам известно, свидетельствует, что Петербург неизменно притягивал к себе людей одаренных техническим талантом.

В числе предпринимателей XVIII века, о которых следует упомянуть, были Иван и Андрей Баташевы, Иван Акимович и Сергей Иванович Мальцовы. Эти и другие предприниматели послепетровской эпохи давали пример по многим техническим отраслям, писали статьи о выгодах промышленности с описанием собственных заводов. История Петербурга окажется богата на великолепные открытия, изобретения, совершенные в последующие времена. Причины этого кроются вовсе не в столичном статусе города, а в том, что он стал крупнейшим интеллектуальным центром страны, вобравшим в себя и лучшие инженерно-технические силы. Это произойдет далеко не сразу, лишь по мере развития научных структур, системы подготовки специалистов и еще многого другого. Большую роль сыграет приближенность города к научным центрам Европы, а затем и Америки.

Учимся не только в европах

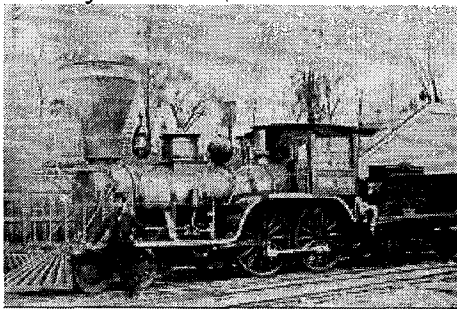
Как в научной, так и в промышленной жизни, 60-е годы XIX века, стали временем объединения этих двух сторон жизни. Из академической среды выходят выдающиеся ученые России, ныне известные всем образованным людям. Этот блестящий круг, сосредоточившийся главным образом в Санкт-Петербурге при университете и других высших учебных заведениях, составляли: Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.Н. Зинин, П.Л. Чебышев, Н.Н. Соколов, А.Н. Энгельгардт, А.Н. и Н.Н. Бекетовы, Д.И. Журавский и другие. Вокруг них и при их активнейшем участии собиралось и развивалось научное движение. В эти годы в столице, а затем в других научных центрах империи формируются многочисленные научные общества – техническое, химическое, петербургский политехнический кружок (позднее превратившийся в авторитетнейшее общество содействия промышленности и торговле) – вот далеко не полный перечень организационного оформления отечественной науки. Уже в наш, XXI век, мировая наука

в попытке определить «самые, самые, самые» важные 10 открытий в истории человечества, отнесла периодическую систему химических элементов Д.И. Менделеева на первое место. Только уже после нее были поставлены открытие стекла, стали, транзистора, микроскопа и т.д. И хотя речь идет о человеке, творившем в Петербурге, его научная мысль, уже давно принадлежит всему миру.

Преобразование учебной технологической системы, подъем издательской деятельности и авторства, мощный прилив самостоятельных работ по естественным наукам, расширение научных работ, имевших прикладное значение для промышленности — все это отмечало эпоху обновленного и совершенно реального движения. Транспорт для России был особенно важен при ее обширных пространствах. К XIX веку транспортные потребности империи уже не могла удовлетворить конная тяга. Европа начала строить железные дороги, за которыми виделось огромное будущее. Между Парижем и Версалем уже ходили поезда, наглядно демонстрируя преимущества новой транспортной технологии.

В Санкт-Петербурге в 1809 году был открыт институт корпуса инженеров путей сообщения. Первыми профессорами института, начальником и директором его были приглашенные из Франции инженеры. Тогда же выписаны были из Парижа «лучшие иностранные сочинения, до наук инженер-гидравлика относящиеся». В первые годы существования института часть окончивших в нем курс инженеров оставлялась при нем в качестве преподавателей и профессоров. Лекции читались сначала на французском языке, вскоре замененном русским. В России начинает активно развиваться отечественная наука инженерного искусства, первоначально сосредоточившаяся в ведомстве путей сообщения.

К середине века, когда отечественная инженерная школа набрала ценный опыт, началось энергичное развитие железнодорожного транспорта. Инженерные работы в России получили большое развитие при императоре Николае I. Замет-

ной фигурой в проектировании и строительстве железных дорог был Павел Петрович Мельников – русский инженер и государственный деятель (1804–1880). Окончив в 1825 году институт корпуса инженерных путей сообщения, он стал профессором прикладной механики в том же институте и артиллерийском училище. В 1866–1869 годы Мельников был назначен министром путей сообщения. При нем инженеры путей сообщения были переведены из разряда военных в гражданские специалисты. Велика его заслуга в разработке технического проекта (совместно с Н.О. Крафтом), а затем и в постройке Николаевской железной дороги. С 1842 года он возглавлял северную дирекцию по ее строительству. Примечательно, что для приобретения опыта строительства железных дорог император Николай I отправил его вместе с Н.О. Крафтом (1798–1857) в США, где природные условия были близки российским. Оттуда же российские инженеры привезли и стандарт ширины железнодорожной колеи.

Широко использовались в России и водные пути, созданные не только природой, но и трудом человека. По настоянию Мельникова был проложен Вышневолоцкий водный путь, впервые соединивший Каспийское и Балтийское моря. В этот водный путь удалось включить и реку Мсту, трудную для судоходства своими порогами, подводными камнями и извилистым быстрым течением. Были созданы три водных системы, соединявших Волгу с Невой. В целом, Вышневолоцкая водная система – первая искусственная водная система в России, строительство которой началось еще в 1703 г., когда был построен канал между реками Цна и Тверца, открытый для навигации в 1709 г., причем движение было возможно лишь в одном направлении – с Волги в Петербург.

Науки инженерного и строительного искусства

Петр I с большим уважением относился к строительному делу, без которого все его идеи смело можно было отнести к мечтаниям. А царь, как известно, был практиком. Поэтому, для превращения строительства из искусства в каждодневное занятие империи, царь приказал перевести и напечатать книгу под несуразным для современного читателя названием «Архитектура воинская, гипотическая и еклетическая, то есть верное наставление, как раз-

ными немецкими, французскими, голландскими и итальянскими манерами. С добрым прибытком, так в регулярной, как в иррегулярной фортификации пользоваться возможно и т.д.... изъяснено от публичного профессора (Леонарда Христофора) Штурма. Москва лета 1709». По поводу названия можно пройти с критикой, а вот то, что книга стала одной из первых серьезных работ по основам архитектуры – несомненно.

В течение XVIII века переводились на русский язык архитектурные сочинения, большей частью немецких или французских авторов. Наиболее полным был перевод трактата Витрувия, изданный под редакцией В.И. Баженова в течение 1790–1797 годов в 10 книгах. К тому времени потребность в правильной организации строительного дела в государстве привела к учреждению комиссии, занимавшейся вопросами строительства в столице. Учрежденная при императрице Анне Иоанновне «Канцелярия Перспективной дороги», для сооружения дороги между Санкт-Петербургом и Москвой, в 1775 году, под названием «Канцелярия от строения Государственных дорог», заведовала уже всеми большими дорогами в государстве. В 1797 году император Павел I учредил департамент водяных коммуникаций, который после нескольких преобразований превратился сначала в главное управление, а затем Министерство путей сообщения. Возникновение этого ведомства совпадает во времени с быстрым развитием отечественной инженерной мысли.

В 1799 году в Петербурге было напечатано «Описание представленного на чертеже моста, простирающегося из одной дуги на 140 саженьх...», известного механика-самоучки И.П. Кулибина (1735-1818), изобретателя, автора уникальных проектов. Будучи самоучкой, он 18 лет работал механиком, а затем заведующим мастерскими Академии наук, и стал автором сорока изобретений. Среди его работ самой заметной была модель однопролетного арочного деревянного моста через Неву длиной около 300 метров, поражающая даже сегодня масштабностью задумки. Высота арки была такова, что под ней могли бы проплывать парусники. 27 декабря (7 января) 1799 года были проведены испытания модели. Разумеется, в затею Кулибина никто не поверил, и была построена модель в одну десятую натуральной величины. Модель длиной 30

метров выдержала расчетный вес в 52 800 кг нагрузки, простояв под таким весом 28 дней. Но проект так и остался неосуществленным.

В 1806 году архитектор Тома де Томон (1760–1813) издал в Петербурге с комментарием на французском языке собрание чертежей главнейших памятников, построенных в Петербурге и других городах России. Это полезное дело было с энтузиазмом поддержано многими зодчими и любителями старины. Они стали изучать, описывать и снимать планы и чертежи старинных церквей, дворцов и других памятников и, таким образом, сохранили для будущих поколений не только описания, но и техническую документацию, которая очень пригодилась при проведении реставрационных работ в последующие годы.

Ощутимо росла потребность в инженерах, и в XIX веке открываются специальные учебные заведения. Так, были организованы Лесной институт (1803 г.), Институт корпуса инженеров путей сообщения (1809 г.), Петербургский Практический технологический институт (1828 г.), Михайловская Артиллерийская академия (1855 г.) и др. К началу XX в. в России насчитывалось 15 высших технических учебных заведений. Технический прогресс, развитие новых отраслей промышленности, потребовали увеличить выпуск инженеров-химиков, а в 80-х годах начало развиваться электротехническое образование. Так шел трудный процесс формирования российского корпуса инженеров, в подготовке которых Санкт-Петербург занимал одно из первых мест в империи.

В эмпиреях и в жизни

Перед нами пример наоборот – талантливый ученый был Иван Алексеевич Вышнеградский (1831–1895). И неважный министр финансов Российской империи. Впрочем, таких примеров в истории (древней и новейшей) можно найти великое множество. В пору научной молодости, работы И.А. Вышнеградского по проблемам петербургского водопровода, устройству и оборудованию арсенала, газового освещения, постройке железных дорог, опыты с паровыми машинами были высоко оценены коллегами. Он ввел преподавание сопротивления материалов, теории и устройства паровых машин, механической теории тепла. Почему мы начали рассказ с этого человека? Да потому, что не только обстоятельства, но

быстро меняющаяся историческая ситуация может серьезно повлиять на жизнь неординарных людей. Вышнеградский увлекся математикой, техникой, передовыми инженерными проблемами тогда, когда страна энергично приступила к совершенствованию промышленности, транспорта, техники. Это абсолютно точно совпало с быстрым развитием капитализма в России. Здесь бы, казалось, и должны были пригодиться немалые знания министра. Увы! Пытаясь в силу занимаемой должности помочь отечественным предпринимателям, Вышнеградский отставил о себе память лишь как о министре, проводившем политику, усложнившую жизнь государства. Из этого следует очень непростой вывод — не всегда хороший ученый может быть прекрасным государственным деятелем. Впрочем, еще больше примеров в обратном порядке.

Своеобразным антиподом министра-неудачника был Д.И. Менделеев (1834–1907). Он в полной мере обладал присущей истинному таланту способностью объединять различные стороны научного и духовного творчества и потому охотно работал в пограничных областях между химией и физикой, между физикой и метеорологией, от химии и физики, переходил в область гидродинамики, астрономии, геологии, даже политической экономии. Всякое дело, за какое бы ни брался Менделеев, каким бы узко специальным оно ни было, он охватывал широко, стремился глубоко проникнуть в сущность поставленного вопроса.

В 1864 году Менделеев был избран профессором Петербургского технологического института. В 1865 году он защитил диссертацию, а в 1867 г. получил в университете, где он к тому времени уже преподавал 10 лет, кафедру неорганической (общей) химии, которую и занимал в течение 23 лет. С этим периодом времени совпадает расцвет научного творчества и педагогической деятельности Менделеева. Он открывает периодический закон (1869 г.), выпускает «Основы химии» (1869–1871). В 1887 году он поднимается на воздушном шаре в Клину для наблюдения полного солнечного затмения. В 1876 г. предпринимает путешествие в Америку для ознакомления с постановкой там нефтяного дела, неоднократно посещает с той же целью и наши кавказские месторождения. В 1888 году он изучает экономическое состояние Донецкого каменноугольного района, выясняет его значение для России и пред-

лагает меры для рационального использования «будущей силы, покоящейся на берегах Донца».

Он был глубоко убежден в необходимости соединения науки и техники, считая этот союз основой развития всей промышленности России. И в этом отношении он не только словом, но и делом доказывал огромные перспективы этой идеи. В 1890 году при его активном участии, был разработан проект нового таможенного тарифа, в котором последовательно проводится покровительственная система. Морское и военное министерство поручают Менделееву в 1891 году разработку бездымного пороха. Предложенный им рецепт оказался пригодным для всех видов отечественного огнестрельного оружия. Менделеев участвовал в проведении Всероссийской выставки в 1896 году, подготовке российской экспозиции на Чикагской (1893) и Парижской (1900) всемирных выставках. В 1893 году Менделеев был назначен управляющим «Главной Палаты мер и весов» и на этом посту оставался до конца своей жизни. В главной палате Менделеев организовал работы по метрологии, связанные с возобновлением русских прототипов меры и веса.

Беспримерные заслуги Менделеева перед наукой получили признание со стороны всего ученого мира. Он был членом почти всех академий и почетным членом многих ученых обществ (общее число ученых учреждений, считавших Менделеева почетным членом, доходило до 100).

Русское географическое общество

Следствием широкого признания географии явилось создание в 1845 году Русского географического общества. Его основателями стали не только географы, но и историки, литераторы. В числе тех, кто способствовал организации общества были также военачальники и адмиралы российского флота, великолепно понимавшие значение серьезных географических исследований обширнейшей империи – государственный деятель А.И. Левшин, адмиралы И.Ф. Крузенштерн, П.И. Рикорд, Ф.П. Литке, географ К.И. Арсеньев, этнограф В.И. Даль, астроном и геодезист В.Я. Струве. Первым руководителем Русского географического общества стал великий князь Константин Николаевич Романов (1827–1892), а его заместителем, реально направлявшим деятельность организации – адмирал Ф.П. Литке.

Изначально важнейшей задачей общества было изучение и собирание сведений о России и граничащих с ней стран. Сама специфика географических исследований определила необходимость организации экспедиций, работавших на обширных пространствах страны и за ее пределами. Во второй половине XIX века оно развернуло обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность. Большой вклад был сделан в изучение Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Новой Гвинеи и др. Исследования эти связаны с именами П.А. Чихачева, П.А. Кропоткина, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, Н.Н. Миклухо-Маклая, Г.Е. Грум-Гржимайло и многих других.

Показательно, что члены общества уже во второй половине XIX века стали бить тревогу о судьбе природы России. П.А. Чихачев (1808—1890) в 1842 году он возглавил экспедицию по Восточному Алтаю и смежным районам Сибири. Его особенно взволновала проблема гибели лесной растительности. «Меня уверяли, что страшные бедствия, уничтожающие в этих районах громадные и чудные леса, бывают вызваны не только беспечностью охотников, которые никогда не дают себе труда как следует погасить костер, покидая стоянку, но и различными средствами, употребляемыми ими, чтобы обнаруживать и выслеживать зверя. Можно видеть, как они, преследуя эту цель, производят ужасающие опустошения, уничтожая в течение нескольких дней творения веков. Повидимому, безжалостное истребление лесов с таким же остервенением производится в самых различных уголках Сибири». На примере месторождений Змеиногорска, Чихачев описывал ущерб, который наносили природе полиметаллические и серебряные рудники: «При эксплуатации здесь применяется способ, который из-за дороговизны горючего был бы очень невыгодным для большинства рудников Европы. Место обработки заваливается дровами, которые зажигаются и долго нагревают породу, после чего она обливается холодной водой и растрескивается. Это считается более дешевым, чем применение пороха, хотя леса от Змеиногорска уже отступили на 125 км. Вокруг выработанных рудников исчезает и человеческое жилье».

Мало кто знает, что Кропоткин П.А. – известнейший во всем мире анархист (1860–1921) был страстным исследователем природы страны. Как ученый-естествоиспытатель он работал над многими проблемами в области географии и геологии, освоения северных морей, дал теоретическое обоснование существования в Северном Ледовитом океане суши, открытой 2 года спустя т получившей название Земли Франца-Иосифа. Находясь уже в изгнании, он писал статьи по географии России для «Британской энциклопедии», участвовал в работе Лондонского географического общества.

Работало общество в форме общих собраний либо всего состава, либо по отдельным секциям. Поначалу собрания проходили в помещении Императорской Академии наук. С 1836 г. они переместились в дом В.И. Даля (№ 14 по набережной Мойки). С 1862 и до 1909 года они стали проходить в доме Министерстве просвещения. Лишь в начале XX века общество смогло собрать необходимые денежные средства, чтобы приобрести в 1907 году участок в переулке Демидова (ныне – переулок Гривцова) и возвести по проекту архитектора Г.В. Барановского (1860–1920) уютный особняк, задуманный и построенный для *научных встреч, диспутов* людей одержимых благородной страстью к географии. И в наше время общество располагается в том же доме, продолжая традиции великих путешественников, ученых, влюбленных в географию.

Вольное экономическое общество и агрокультура

Упоминавшееся Вольное экономическое общество (далее – ВЭО) было связано и с бурным развитием помещичьего хозяйства, желанием дворянства поднять производительность труда крестьян и доходность сельского хозяйства. В странах Западной Европы подобные общества уже неплохо себя зарекомендовали, в них участвовали не только серьезные ученые, государственные деятели, но даже монархи. Государство все острее ощущало необходимость более серьезного изучения природных богатств России, ее недр и лесов, особенно сельскохозяйственных земель. Это нашло отражение в обследовании страны, проведенном Академией наук, Шляхетским корпусом, Сенатом и Вольным экономическим обществом, названным «академическими экспедициями» 1768–1774 годов.

По распоряжению императрицы Екатерины II в 1763 году была образована специальная комиссия для разработки проекта создания при Академии наук специального «класса агрикультуры». Будучи членом ее, М.В. Ломоносов написал «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостроительства». Созданная в июне 1765 года, коллегия первоначально была названа «Патриотическое общество для поощрения в России земледельства и экономии». Проект М.В. Ломоносова предусматривал создание государственного органа, который бы занимался не только вопросами агрономической науки. Небольшой состав постоянных членов коллегии должен был, по мысли М. В. Ломоносова, способствовать привлечению к его деятельности широкого круга помещиков, ученых, практиков сельского хозяйства из разных слоев населения - купцов, ремесленников и какой-то части крестьян. Коллегия должна была иметь свои филиалы в губерниях.

С первых дней существования Общество становится центром дворянской мысли по вопросам организации, развития и повышения производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Все проблемы, которые оно ставило, решались в соответствии с практическими требованиями помещиков. Императрица делала и свой вклад в этом направлении. По ее указанию из Франции ей в 1764 году привезли первые помидоры. И хотя они были почти отвергнуты сенаторами, попробовавшими «яблоки любви», как их нарекли амурные французы, но в следующем столетии они завоевали свое место и на отечественной кухне.

План и устав Общества, принятые на учредительном заседании, были дополнены решением об организации специального комитета для разбора ответов на конкурсные задачи, рецензирования и апробации присылавшихся сочинений. Результатом этой работы стали 65 экономических вопросов, предложенных Обществом, практически определивших программу Вольного экономического общества по изучению состояния экономики страны. Они носили общий характер, т. к. их целью было решение не частных вопросов помещичьего землевладения, а постановка вопросов, касавшихся общегосударственных интересов. В России ничего подобного раньше не было. И в этом также можно увидеть научно-практическое лидерство столицы.

Статус ВЭО был весьма высоким. Среди учредителей общества были близкие к престолу екатерининские вельможи – Р.И. Воронцов, А.Л. Олсуфьев, Г.Г. Орлов, И.Г. Чернышев, А.И. Черкасов. Его состав пополняется лицами, занимавшими крупные административные посты в государстве – сенаторами, президентами коллегий, губернаторами. За первое десятилетие число членов Общества возросло за счет ученых Академии наук. Среди них Л. Эйлер и его сын Альбрехт, Я.Я. Штеллин, Э.Г. Лаксман, И.И. Лепехин, П.С. Паллас и другие. Искреннее желание приложить свои познания на пользу развития отечественной экономики, способствовать распространению знаний «натуральной истории» среди широких слоев населения, раскрыть им богатые возможности в развитии промыслов и ремесел, было весьма характерно для этой части членов Общества. Их деятельность в Академии наук носила преимущественно теоретический характер, а Общество обеспечивало им экспериментальную и практическую базу. Путешествуя по России, учетные изучали различные районы страны, знакомились с жизнью и бытом жителей различных окраин, изучали природные ресурсы, разрабатывали рекомендации по распространению народного опыта в различных отраслях хозяйства. Их имена придавали «Трудам» Общества растущий научный авторитет. К числу ученых-практиков следует отнести А.Т. Болотова и П.И. Рычкова – первые члены-корреспонденты Петербургской Академии наук. Немногочисленные представители торгово-промышленных кругов населения сколько-нибудь заметной роли не играли. Из представителей промышленников в первое десятилетие существования Общества можно упомянуть лишь братьев Демидовых.

К концу XVIII века Вольное экономическое общество налаживает широкие и более или менее постоянные связи со многими зарубежными экономическими обществами, специалистами различных отраслей науки, а также с отдельными корреспондентами. Установился определенный состав «трудящихся» членов, которые фактически взяли на себя организацию всей деятельности Общества. Были организованы библиотека, кабинеты моделей и минералогический, архив, установилась система делопроизводства. Общество имело свои денежные суммы, что в какой-то степени позволило ему освободиться от зависимости в вельможных щедротах.

Вольное экономическое общество прекратило свою деятельность лишь после 1917 года. За более чем полтора века его члены проделали большую работу, в ходе которой отрабатывались многие практические проблемы той сферы жизни человека, которую ныне именуют природопользованием. Многие практические рекомендации общества до настоящего времени пылятся на полках книгохранилищ и еще ждут своего исследователя.

Ноты фарфора

При легком касании к тонкому фарфору он издает тонкие и приятные слуху звуки. Исторически Россия, Санкт-Петербург к этим звукам шли весьма трудными путями. Фарфор, выпускаемый санкт-петербургским заводом имени М.В. Ломоносова известен далеко за пределами страны.

Создатель российского порцелена – Виноградов Д.И. Первая страна в Европе, где был открыт и производился фарфор – Саксония, город Мейсен, где и сегодня делают великолепные изделия из этого материала. Однако в 1710 году, когда саксонский фарфор только появился, он обрушил в саксонскую казну настоящий золотой водопад. Фарфор из Китая стоил фантастически дорого, ибо просто довести его через половину планеты было совсем недешево. Везли же на продажу тонкие и изящные изделия, также весьма высоко ценимые. Поэтому покупка настоящего китайского фарфора в ту эпоху заставляла даже коронованных покупателей хорошо подумать о возможностях своего кошелька. Появление же в самой Европе фарфора, ничуть не уступавшего китайскому, резко снизило его стоимость и сделало желанной покупкой для значительно более широкого круга людей. Поток золота сразу превратил технологию производства фарфора в государственный секрет, державшийся весьма строго.

Во времена правления Елизаветы Петровны интерес к фарфору приобрел практические формы. В 8 верстах от центра Санкт-Петербурга, вверх по Неве, на левом ее берегу, была организована «фарфоровая колония» под началом Д.И. Виноградова. Цену за право создания фарфора он заплатил самую высокую – своей жизнью, изведав унижения от управляющего Кабинетом ее величества А.И. Черкасова. Сей государственный муж приставил к нему для

слежки человека. Не ощутив после этого успокоения, Черкасов лишил изобретателя жалованья, отобрал у него шпагу. Когда же ученый слег от болезни, которая его вскоре сведет в могилу, его премудро приковали к стене. В этом положении Виноградов обязан был подробно описать всю технологию производства фарфора.

В августе 1746 года был получен первый фарфор. В августе 1758 года Виноградов умер в возрасте 38 лет. О нем напоминает мемориальная доска на стене одного из заводских корпусов, обращенной к Неве. Плодами его изобретения каждый из нас пользуется ежедневно. Помни о нем читатель. Спасибо тебе Дмитрий Иванович!

Как только удалось получить фарфор, встала сложная проблема художественного оформления продукции завода. Мало сделать то или иное изделие, его требуется и *оформить*. Его продукция нередко превосходила европейские фабрики качеством изделий, а также химическим составом и богатой палитрой красок. С заводом были в творческом союзе многие художники. Один из них – Степан Степанович Пименов (1784–1833) больше известен как скульптор. Но мало кто знает, что по его моделям на императорском фарфоровом заводе, на котором он 21 год (1809–1830) заведовал скульптурной частью, изготавливались вазы, посуда, статуэтки.

Астрономическая столица мира

Беспрецедентное «Великое посольство» Петра I (1697–1698), преследовало, помимо политических задач, еще и научно-культурные. Задумываясь о выходе России к морю, о создании флота и армии, царь уже осознал растущее значение и астрономических знаний. В 1698 г. Пётр I дважды посетил Королевскую Гринвичскую обсерваторию. Царь Петр встречался с французскими астрономами: директором Парижской обсерватории Жаком Кассини и Гийомом Делилем. Делиля он настойчиво приглашал на работу в Санкт-Петербург.

Но поехал в новую столицу в 1726 году его брат – Жозеф Николя Делиль¹, который и проработал там до 1747 года. При нем

¹ Фигура, трактуемая до сих пор неоднозначно – как ученый, способствовавший астрономическим исследованиям в России. Но в ряде публикаций он предстает тайным агентом французского двора, от которого получал жалованье. В «Энциклопедии СПб» по этому поводу отмечено, что после возвращения к себе на роди-

была организована и оснащена первая в Петербурге астрономическая обсерватория, которая стала по тому времени одной из лучших в Европе, располагавшаяся в башенке здания Кунсткамеры, на Васильевском острове. Для наилучшего результата наблюдений «прохождение Меркурия через солнце», он отправился в путешествие, которое (уже в виде наказания) совершали лишь видные в прошлом сановники – Меншиков с семейством, затем Миних, Остерман – в Березов. В ту эпоху этот путь только в одну сторону занимал более года.

Новый век предъявил иные требования к астрономическим исследованиям. Совершенно новый период в отечественной астрономии связан со строительством вблизи Санкт-Петербурга знаменитой Пулковской обсерватории, закладка которой состоялась в торжественной обстановке 21 июня 1835 года. Построенная по проекту архитектора А.П. Брюллова и под фактическим руководством выдающегося астронома В.Я. Струве, Пулковская обсерватория стала крупнейшей и лучшей обсерваторией того времени, надолго завоевав славу «астрономической столицы мира». Она была призвана координировать работу других астрономических учреждений России и не имела себе равных в мире по богатству и совершенству своего оборудования¹. Вильгельм Яковлевич Струве, который стал первым директором обсерватории, так высказался в отношении своего детища: «Пулковская обсерватория есть осуществление ясносозданной научной идеи, свершившееся благодаря безграничной щедрости монарха». Этим монархом являлся император Николай I, который сам выбрал место для обсерватории на Пулковской горе. Участок земли площадью около 20 десятин, принадлежащий к императорским владениям, был принесен в дар Академии наук.

История обсерватории связана с историей семьи Струве, шесть членов которой стали известными астрономами. Василий Яковлевич Струве был директором обсерватории с 1839 по 1862 гг., а его сын Отто Васильевич Струве – с 1862 по 1889 гг., построив-

ну, он был лишен пенсии за копирование географических карт из российской Академии наук.

¹ Подр. см.: *Хартанович М.Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. – СПб.: Наука, 1999.

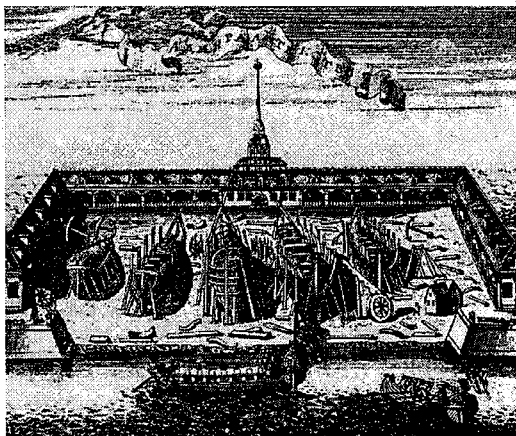
ший в 1886 г. астрофизическую лабораторию¹. Здесь были созданы точнейших звездные каталоги фундаментальных звезд: 1865 г., 1885 г., 1905 г. и 1930 гг., точное измерение положения 8700 пар двойных звезд, определение основных астрономических постоянных и многое другое. Правительство, редко слушающее «капризы» ученых, на редкость внимательно относилось к не столь уж частым просьбам ученых. Так, полтора столетия назад, когда из Санкт-Петербурга в Гатчину тянули нитку железной дороги, рельсы собирались проложить неподалеку от Пулковской горы, в окрестностях обсерватории. Но астрономы пожаловались императору Николаю I, и дорогу сдвинули на 5 км к западу. Государь не мог рассудить иначе. «Желая споспешествовать успехам Астрономии в Империи Нашей», он самолично повелел «соорудить на Пулковской горе Главную астрономическую обсерваторию и снабдить ее полным набором совершеннейших инструментов». За 5 лет до открытия Высочайшим Указом от 26 июня 1834 года была установлена и охранная зона: «Не позволять на расстоянии одной версты строить значительных зданий без согласия на то начальства обсерватории». Когда в 1853 году движение поездов на участке Петербург - Гатчина и далее на Варшаву все-таки открылось, у обсерватории остались превосходные условия для наблюдений.

С самого начала в обсерватории работал крупнейший по тем временам в мире 38 см (15 дюймовый) телескоп-рефрактор, а в 1888 г. к нему добавился опять же крупнейший в мире 30 дюймовый (76 см) телескоп-рефрактор, изготовленный американским оптиком А. Кларком. Именно в Пулковской обсерватории одной из первых в астрометрии начали применять фотографию. В 1920 г. организована служба точного времени, а в 1924 г. при обсерватории учрежден международный комитет службы времени. В 1932 г. организована служба Солнца.

¹ Более отдаленные потомки основателя Пулковской обсерватории – его правнук Отто Струве, стал одним из крупнейших астрономов в США. В 1920 уехал из России, с 1921 жил в США. В 1921–1950 гг. работал в Йеркской обсерватории, в 1932–1947 – ее директор и профессор астрономии Чикагского университета. По его инициативе в 1939 была создана обсерватория Мак-Доналд при Техасском университете, которой он руководил до 1947 г. В 1950–1959 – директор Лейшнеровской обсерватории Калифорнийского университета в Беркли; в 1959–1962 – первый директор Национальной радиоастрономической обсерватории в Грин-Бэнке (<http://www.astronet.ru/db/msg/1220078>).

Флот: паруса, древесина... А дальше?

5 (16) ноября 1704 года была заложена судостроительная верфь «Адмиралтейский дом». В петровскую эпоху Адмиралтейство выполняло несколько функций. Это была крепость, защищавшая вход в Неву и южные подступы к Петербургу, но главной функцией Адмиралтейства было судостроение.

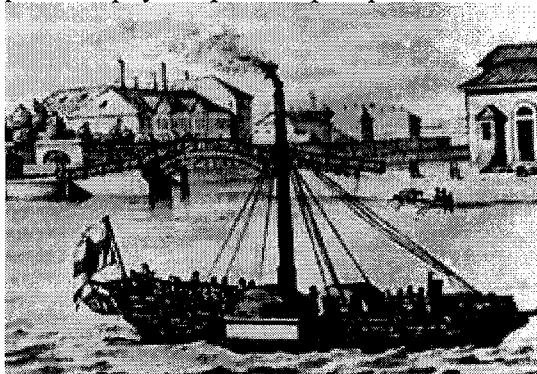

В первые годы на Адмиралтейской верфи строились небольшие корабли, но уже в 1709–1712 годах здесь был построен первый крупный корабль – 54-пушечный фрегат «Полтава». Сам Петр I активно участвовал в постройке кораблей, а в близлежащих кварталах селились мастера кораблестроители. С 1712 по 1825 год в Адмиралтействе было построено 256 кораблей (без учета мелких судов). В 1844 году верфь прекратила свое существование, а в 1870 году морское министерство продало территорию бывшей верфи городу. Так двор величественного Адмиралтейства был плотно застроен домами, закрывшими вид на творение великого Андриана Захарова.

Одной верфи оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребность страны в кораблях. Под конец Северной войны, 3 марта (20 февраля) 1720 года, Петр I подписал указ о постройке на Охте 500 изб для корабельных плотников. Так было основано еще одно Адмиралтейство – Охтинское. И то, и другое в петровские времена были верфями, и только позднее Главное Адмиралтейство стало штабом российского флота.

Российские верфи полтора века строили деревянные суда, главным двигателем которых был ветер, улавливаемый парусами. За это время русский флот, пережив взлеты и падения, любовь и равнодушие владык страны, одержав на морях многочисленные

победы, свершил главный подвиг — он состоялся, окреп, сформировал корпус морских офицеров, *завоевал сердца россиян.*

Вместе со всей страной в XIX веке флот вошел и в эпоху технического прогресса, когда на смену парусам пришел паровой двигатель. Затем потребовалось заменить дерево на сталь, из которой стали строить корабли. Начало

парового судостроения в России связано с металлообрабатывающим заводом Ч. Берда, основанным в 1792 году (с 1881 г он стал называться Франко-Русским). В 1815 году на заводе был построен первый русский пароход «Елизавета» — большая лодка с паровым двигателем мощностью 4 лошадиные силы, вращавшего чугунные бортовые колеса. Это деревянное суденышко имело длину 18,3 метра и ширину — 4,6 метра. 3 ноября 1815 года «Елизавета» совершила свой первый регулярный рейс в Кронштадт, преодолев путь за 3 часа 30 минут. Чтобы испытать ходовые возможности парохода, начальник Кронштадтского порта выставил против него лучший гребной катер. Очевидец писал по этому поводу: «Когда гребцы действовали обыкновенною силою, то они... оставались позади, но когда гребли во всю возможную силу, то скорость катера иногда равнялась со скоростью парохода, а иногда несколько превосходила ее...» Однако машина, в отличие от гребцов, ничуть не уставала, и соперничество продолжалось недолго.

В навигацию 1816 года уже началось регулярное сообщение с Кронштадтом. Пароход ежедневно отправлялся от Чугунного завода в Кронштадте в 9 часов утра и в 6 часов вечера, преодолевая расстояние за 4 часа, значительно быстрее, чем парусники. Прогулки на пароходе по Неве и Финскому заливу стали весьма популярны у жителей столицы.

В Петербурге родилась идея создания подводного корабля, построенного по проекту К.А. Шильдера, оставившего свой вклад

в новационном Петербурге. Участник Аустерлицкого сражения, кампании 1812 года, он плодотворно работал в области ракетной и минной техники, мостостроения, бурового инструмента для подземной проходки, создании подводных мин и подводной лодки для обороны крепостей. И это далеко неполный перечень его изобретений и идей.

Как военный инженер и отлично понимая растущее значение минного дела, он быстро оценил значение работ по электровоспламенению пороха, проведенных член-корреспондентом Петербургской академии наук П.Л. Шиллингом – другом своей молодости. Шильдер посчитал необходимым применить это изобретение для электроподрыва подводных мин.

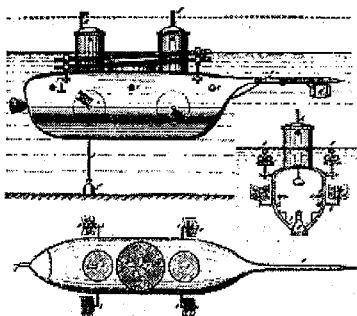

Первое показательное испытание подводных мин с помощью электричества было проведено на Обводном канале 21 марта (2 апреля) 1834 года. В дальнейшем при участии Шильдера был создан в 1839 году «Комитет о подводных опытах», который возглавил работы по подводным минам.

Работы над морскими минами продвинули и сопутствующие области, например поиск более мощных взрывчатых веществ, чем порох. И в этой весьма специфической области петербуржцы – Н.Н. Зинин и В.Ф. Петрушевский – добились немалых результатов¹. Их трудами было налажено для военных целей промышленное производство нитроглицерина, а впоследствии и динамита.

Эти работы вполне логично восприняли и идею создания подводного корабля. Сама мысль давно будоражила изобретателей в разные эпохи и в разных странах. Но воплощение «в металле» она нашла в Петербурге.

¹ Опыты по использованию нитроглицерина для подводных и подземных взрывов были проведены в 1862 году, а А. Нобель в Стокгольме это проделал на следующий год и получил патент на приготовление нитроглицерина и способ его применения в снарядах. Такое совпадение уже в XIX дало основание подозревать бойкого шведа в элементарном заимствовании идеи у петербуржцев (см.: *Радиановский Н.* Порох, пирокселин, динамит и другие взрывчатые вещества Ч. 1. СПб., 1881, с. 61). В.Ф. Петрушевский был также изобретателем дальномера собственной конструкции, использованный в крепости Кронштадт (Подр. см.: <http://www.rulex.ru/01160307.htm>).

В мае 1834 года закончена постройка первой в России подводной лодки с цельнометаллическим корпусом по его проекту. Ее корпус был изготовлен на Александровском литейном заводе (ныне ПО «Пролетарский завод»). Вооружение и оборудование изготавливались в мастерских лейб-гвардии саперного батальона, ракеты –

в Петербургском ракетном заведении. Для своего времени это было неплохо отработанное судно.

Судите сами – обшивка была изготовлена из котельного листового железа толщиной около 5 мм и подкреплялась пятью шпангоутами. Над корпусом выступали две башни с иллюминаторами для обзора, а между башнями располагался люк для погрузки крупногабаритного оборудования. Уязвимым местом был двигатель. Ничего подходящего для специфики подводного движения не было. Но и тут вскоре обозначился прорыв – исследования по электротехнике уже давали результаты.

Из исторической литературы многим известна мощная фигура русского флотоводца, океанографа, полярного исследователя, кораблестроителя и вице-адмирала С.О. Макарова, памятник которому в Кронштадте установлен еще в 1913 году. Он сделал большой вклад в решение столь злободневной для моряков проблемы, какой была непотопляемость судна. С.О. Макаров пришёл к выводу: судостроители, отдавая приоритет скорости хода и вооружению, недопустимо мало занимаются проблемой непотопляемости кораблей. Он изучил причины кораблекрушений в России и за рубежом, произвёл необходимые расчёты, сделал обобщения и выдвинул конкретные предложения по созданию усовершенствованного пластыря для заделки пробоин (рейкового «пластыря Макарова»), разработал улучшенную водоотливную систему для выравнивания крена и дифферента, необходимые для этого технические устрой-

ства, глухие крышки люков, предназначенные для установки на палубах, впервые в истории морской науки дал определение непотопляемости, как способности корабля «оставаться на воде, имея подводные пробоины» — одному «из главных боевых качеств каждого судна»¹. В 1874–1876 гг. С.О. Макаров предложил разделять корпус судна на отсеки водонепроницаемыми поперечными переборками, создавать второе дно и второй борт, разделенные на мелкие отсеки. Водоотливная система по его проекту должна была состоять из магистральных труб, связанных с трубами в отсеках, что позволяло при необходимости осушать и заполнять водой любые отсеки. Позже его талантливый ученик академик А.Н. Крылов составил специальные таблицы последовательности затопления отсеков, развил и претворил в жизнь многие идеи своего учителя.

В Петербурге работы с подводными кораблями привели к идее использования энергии аккумуляторной батареи. Автором ее стал Степан Карлович Джевецкий. В 1884 году он продемонстрировал Александру III корабль. Испытания этой подводной лодки были проведены на Серебряном озере в Гатчине, отличавшемся особой прозрачностью воды и получил заказ на 50 экземпляров. Для своего времени это было беспрецедентным делом — абсолютно новая техника и в таком количестве.

Настоящее освоение пара придется на вторую половину века. Но именно в конце столетия появится принципиально иной двигатель. На Выборгской стороне на заводе Л. Нобеля в 1898 году был построен двигатель внутреннего сгорания. Создали его российские инженеры и ученые Петербургского технологического института. Он работал не на дорогом керосине (как двигатель Р. Дизеля в Германии, сделанный в 1897 году), а на дешевой нефти. В 1899 году такой двигатель мощностью 20 лошадиных сил был пущен в работу. Изобретение нефтяного двигателя произвело переворот в отечественном судостроении. В 1903 году на Неве было испыта-

¹ Макаров, С.О. Броненосная лодка «Русалка». Исследования плавучести лодки и средства, предлагаемые для усиления этого качества // Морской сборник. 1870, № 3, 5, 6.

но судно, у которого отсутствовали трубы и гребные колеса, столь характерные для пароходов – нефтеналивное судно «Вандал». На нем были установлены три двигателя по 120 лошадиных сил, изготовленные на заводе Л. Нобеля. Ходил он до 1944 года, но уже под названием «Россия».

Впрочем, на подходе уже были суда, использовавшие совершенно новые «сердца» – турбины, позволившие развивать скорости, о которых моряки ранее не могли мечтать. Первым в этом ряду стал миноносец «Новик».

Отечественные кораблестроители перед Первой мировой войной создали едва ли не самую передовую инженерную школу. После революций 1917 года, когда многие россияне эмигрировали за границу, в их числе оказались и первоклассные ученые. В их числе был и Владимир Иванович Юркевич, ставший столь же известным корабелом, как И. Сикорский – в авиации.

В.И. Юркевич еще, будучи студентом кораблестроительного отделения в Петербургском политехническом институте разработал свою знаменитую идею о лучшей обтекаемости корпуса кораблей. В результате обвод корабля получался совершенно невиданный дотоле и новый. Корабль выходил пузатым посередине, напоминал котел или баржу, а конечности, наоборот, были слишком заострены. Его идеи были использованы при конструировании первого русского дредноута «Севастополь», спущенного на воду в 1912 г., на много лет опередившего мировое судостроение. Примечательно, что даже в 1920-е годы ученый убедился, что мировой судостроение еще не подошло к тому, чему студентов-корабелов учили в России до Первой мировой войны. Стоит ли удивляться, что идеи ученого были использованы при строительстве гигантской «Нормандии», установившей мировой рекорд скорости перехода через Атлантику в 1935 году.

Да, богата наша земля талантами, которых часто не только плохо знаем, но и не помним.

В век стали и пара. Машины, машины

Обычно эпоха Николая I рисуется периодом в истории страны, когда она вся была погружена в слежку и преследование прогрессивно мыслящих личностей только что созданным корпусом

жандармов, погрязавшую в казарменной и чиновной жизни. И над всем этим воля единолично вникавшего во все дела собственного государства императора. Конечно, и это было. Но будем помнить, что в эти десятилетия оформилась своеобразная машина управления империей, насчитывавшая десятки тысяч чиновников. Однако это не мешало внедрению технических новинок.

В 1830-е годы в стране начался промышленный переворот, сердцевиной чего был переход от водяного колеса к паровому котлу. В 1839 году заработал оптический телеграф. От Зимнего дворца к Часовой башне на Невском проспекте и далее до Варшавы на 149 башнях были установлены Т-образные стрелки. Эта система позволяла передать информацию в далекую Варшаву за 20–25 минут! Для того времени – исключительная оперативность. В 1853–1855 гг. были построены и введены в эксплуатацию линии электрического телеграфа, связавшего С.-Петербург с Варшавой, Москвой, Киевом, Одессой, Николаевом, Симферополем, Гельсингфорсом, Ревелем, Ригой. К концу Крымской войны российское правительство получило возможность практически мгновенно получать информацию о событиях на наиболее важных театрах военных действий и своевременно на них реагировать.

В 1836 году началось строительство первой в России железной дороги, соединившей Царское Село со столицей. Уже 30 октября 1837 года по ней прошел первый поезд (еще на конной тяге), а в 1838 году по ней уже ходили паровозы¹. Следующим этапом стала железная дорога между столицей и Москвой, которая строилась 8 лет. С 1851 года по ней началось регулярное железнодорожное сообщение. Учитывая отсутствие опыта в этом деле, темпы вполне приличные. Для учета мирового опыта подобных работ, два инженера – П.П. Мельников и Н.О. Крафт отправились в США для изучения устройства железных дорог. Эта поездка сыграла важную роль и в решении вопроса о строительстве железной дороги Санкт-Петербург–Москва. Выбор страны диктовался схожестью масштабов и обширностью России и США.

Бурное развитие железнодорожного строения в России привело к столь же быстрому развитию вузовской инженерной школы.

¹ Слово «паровоз» изобрел писатель Н. Греч. До этого они назывались «пароходами». В простом же народе железные дороги довольно быстро назвали «чугункой».

Эмигрировавший после 1917 года С. Тимошенко, ставший одним из основателей современной инженерной школы железнодорожников в США, в своей книге писал, проработав более 40 лет в Новом Свете: «Теперь, через сорок лет, обдумывая причину наших (русских эмигрантов-путейцев – В.С.) достижений, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы. Основательная подготовка в математике и в основных технических предметах давали нам громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых не шаблонных задач».

Промышленность в Петербурге стала развиваться почти с его основания. Но петровские мануфактуры развивали отрасли, в которых нуждалось государство, строились чаще за счет казны. Но к концу 1750 года в Петербурге было 80 промышленных предприятий. Николаевская эпоха довела их число до 137 в начале 1860-х. Но к началу XX века их число достигло 642 со 146 300 рабочими. Таким образом, почти 4/5 фабрик и заводов, возникших за 200 лет, появились за четыре десятилетия после реформ Александра II.

С отменой крепостного права в столицу империи хлынула дешевая рабочая сила. Петербург, где в значительной мере концентрировались русские и иностранные капиталы, быстро стал крупнейшим промышленным центром. К 1917 году в Петрограде уже насчитывалось около 500 тысяч рабочих. Город давал 12 % всей промышленной продукции страны, в том числе машиностроительной – около 25 %, химической – почти 50 % и продукции электротехнической промышленности – 70 %.

Погреемся!

Санкт-Петербург – самый северный город-миллионник в мире. Иностранцев поражал российский обычай, прижившийся и в столице. В морозные зимы на улицах разжигали костры, у которых можно было погреться любому прохожему. Для европейцев это было более чем удивительно. Прежде всего, они поражались легкости, с которой в костер отправлялось столь много дров. Ведь в Европе уже в XVIII веке леса были вырублены, что делало топливо весьма дорогим удовольствием.

Пока леса окружали города и села, дрова не составляли проблемы. Но к середине XIX века ситуация изменилась. Ко времени основания Санкт-Петербурга Россия согревалась разными системами печей. Петр I завез голландские, позднее появились свиязевские.

В конце XVIII века к устройству печей попытались подойти с научных позиций. Первый опыт выяснения наилучшего устройства печей был сделан оставшимся неизвестным автором в книге «Русская пиростатика», изданной в Санкт-Петербурге в 1793–1799 годах. Скажем немного о создателях печей, оставшихся в истории нашего города.

Аммосов Н.А. (1787-1868), изобретатель «аммосовских» печей. Известность свою приобрел после изобретения в 1835 году пневматических печей, действующих гретым воздухом. Император Николай I за их устройство в Зимнем дворце наградил изобретателя 2 тысячами десятин земли.

Леса исчезали в печах многочисленных учреждений и домов столицы. В середине века разгорелся талант печного мастера Д.Е. Гнусина. Его печи согревали пассажиров железной дороги между столицей и Москвой, исправно работали во многих домах и учреждениях. В 1873 году газета «Голос» писала со ссылкой на мнение академика К.А. Тона: «Один только Воспитательный дом в Петербурге за десять лет топки печами Гнусина получил экономию в сто сорок тысяч рублей. При нашей бедности это успех, и успех значительный. При этом мы ведь еще не учитываем, сколько русских лесов сохранили мы в целости и сохранности благодаря этой экономии печей».

Вскоре появились иные, более эффективные системы отопления. Но и сегодня жители Петербурга продолжают думать о том, как лучше согреться зимой. Печи, дававшие столько тепла нашим предкам, и сегодня согревают душу россиян. Не случайно вновь в домах жителей появляются печи и камины с «живым» огнем, столь приятным человеку.

Электрическая мода

В XVIII веке наука уверенно обошла средневековую алхимию, стремясь исследовать и объяснить мир материалистически. Этому в огромной мере способствовала потребность самого общества

в естественнонаучном объяснении природы. Круг проблем, которые стремились раскрыть ученые, был обширен. Не последнее место среди них заняло изучение природы электричества. В середине века «Санкт-Петербургские ведомости» оповестили горожан, что «в Филадельфии господин Вениамин Франклин столь далеко отважился, что возжелал из атмосферы вытягивать тот страшный огонь, который часто целые земли погубляет».

У американца, над которым смеялись европейские газетеры, в столице Российской империи были единомышленники – М.В. Ломоносов и Г.В. Рихман. Более того, М.В. Ломоносов проводил некоторые эксперименты в присутствии императрицы Елизаветы. Ее преемница, императрица Екатерина II также проявляла интерес к эффекту электризации, обсуждала этот вопрос с М.В. Ломоносовым.

Опыты с электричеством заметно оживили и интерес со стороны высшего общества. Один из экспериментаторов – М. Бозе наэлектризовал свою даму сердца, за что она поцеловала его. Ученый ощутил на губах удар электрического разряда, а в свете появилось выражение «электрический поцелуй». В Санкт-Петербурге к середине века уже существовали три лаборатории для изучения грозových разрядов. Одна была во дворце Александра Строганова на Невском проспекте. Вторая располагалась в доме Рихмана на углу Большого проспекта и 5-й линии Васильевского острова. Третья размещалась в доме на 2-й линии, где снимал квартиру М.В. Ломоносов. Работы велись без соблюдения правил безопасности (их просто не существовало тогда). А ведь для получения электричества в небо выставлялся стержень громоотвода, с той лишь разницей, что его нижний конец не закрепляли в землю. Мощь грозы пытались направить в лейденские банки! Однажды беда все-таки случилась. Во время опыта Рихман был поражен шаровой молнией, неслышно возникшей во время грозы в помещении лаборатории. Эта трагедия была оставлена для потомков свидетелем опыта, гравером И.Соколовым. Фаворит Екатерины II Григорий Орлов весьма интересовался опытами с электричеством. Зато другой – А. Ланской был поражен шаровой молнией влетевшей в открытое окно дворца.

В XIX веке 30-е годы историки России отводят первое место в мире по реализации технических изобретений в области электричества. В 1832 г. В.П.Шиллинг предложил первую, практически пригодную систему электромагнитного телеграфа, пятью годами позднее – в 1837 г. Б.С. Якоби изобрел гальванопластику, а в 1844 г. К.И. Константинов создал первую электробаллистическую установку для определения скорости полета ядер в любой точке траектории. Якоби и после создавал оригинальные конструкции телеграфа и установки по электролизу.

Были это лишь первые подходы к изучению электричества. Пройдет меньше века, и Петербург в полной мере ощутит результаты этого интереса в новых источниках света, видах транспорта, машинах и приборах. Но это будет уже не мода, а *электрическая эпоха*, дорогой читатель.

Вот бы взлететь!

Мечта о полете не зря посещает человека еще в детстве, а некоторые их видят и во взрослом возрасте. Во всяком случае, в Санкт-Петербурге таких людей было немало и в прошлом веке. Петербургские энтузиасты не только мечтали, но и задумывали, создавали самые разные аппараты для полета.

Морской офицер Александр Федорович Можайский 3 (15) ноября 1881 года получил «привилегию» на изобретенный им самолет с паровым двигателем. В 1883 году аппарат был построен в натуральную величину. Аппарат имел все основные элементы современного самолета. Самолет, весом около тонны, оторвался от земли и, пролетев несколько десятков метров, завалился на крыло и упал. Официально документов о полете до сих пор не найдено.

Конфуз с самолетом Можайского несколько не охладил пыл энтузиастов летной мечты. Раз не получилось взлететь с аппаратом «тяжелее воздуха» (так называли аппараты с собственной двигательной установкой, которая позволяла набрать скорость и «скользить» в воздухе на крыльях), надо экспериментировать с аппарата-

ми «легче воздуха» (т.е. надуваемыми теплым воздухом или газом легче окружающего воздуха). Определенный опыт в этом отношении в стране уже имелся. Еще в начале XIX века упоминается случай запуска воздушного шара. В конце 1860-х годов над Петербургом пролетел воздушный шар, в котором находились офицеры Рыкачев и Милош. Шар приземлился возле станции Левашово. Увлекались воздухоплаванием и знатные петербуржцы. Граф Антон Степанович Апраксин даже разработал свою конструкцию воздушного шара «Апраксин-Королю-Монгольфьер» и для его постройки соорудил специальное здание на Охте. Другой шар строили на Волковом поле. Но, со смертью графа в 1899 году, шары так и остались незаконченными.

15 (27) февраля 1885 года в Петербурге был открыт первый в России Воздухоплавательный парк – место постройки, испытания и исследования летательных аппаратов легче воздуха. «Воздухоплавательным парком» назывался военный аэродром, расположенный на Волковом поле, к югу от деревни Волковка. О его местоположении до сих пор напоминает название железнодорожной станции «Воздухоплавательный парк». Сначала это был всего лишь полигон команды военных воздухоплавателей, а с 1890 года – он превратился в большой учебный воздухоплавательный парк с мастерскими, метеорологической станцией и различными лабораториями. В 1910 году, 30 июля (12 августа), здесь был испытан в воздухе первый российский дирижабль «Кречет», принятый на вооружение российской армией.

Самолет изобрели братья Райт, в декабре 1903 года совершившие первый полет на построенном ими самолете. Однако Райтам не удалось заинтересовать своим изобретением правительство США. В Европе первым совершил полет знаменитый А. Сантос-Дюмон в 1906 году. Начало практической авиации обычно связывают с перелетом Л. Блерио через Ла-Манш 25 июля 1909 года. С этого времени в ряде стран стали создаваться первые самолетостроительные заводы, получила развитие авиационная промышленность.

В 1911 году на биплане «С-6» конструкции русского инженера И.И. Сикорского, работавшего на Русско-Балтийском заводе в Петербурге, был установлен первый мировой рекорд скорости 111 км/ч.

С его именем связано начало тяжелой авиации (первый в мире четырехмоторный самолет «Русский витязь»). В 1914 году на его самолете «Илья Муромец» был установлен мировой рекорд дальности на маршруте Петербург – Киев – Петербург с посадками.

Начало высшему пилотажу положил русский военный летчик П.Н. Нестеров, первым в 1913 году совершивший уникальную для того времени фигуру высшего пилотажа – «мертвую петлю».

Освоение воздушной стихии постоянно сопровождали жертвы и катастрофы. Поэтому исключительно важным стало событие, происшедшее в июне 1912 года в военно-воздухоплавательном парке в деревне Салюзи близ Гатчины. Именно в этот день Глеб Евгеньевич Котельников продемонстрировал свое изобретение – ранцевый парашют. По профессии он был артистом, но его жизнь перевернула трагедия, случившаяся в сентябре 1910 года.

Он стал свидетелем того, как на Комендантском аэродроме выпал из кабины падающего самолета и погиб летчик Л.М. Мациевич. Глеб Котельников был глубоко потрясен этим событием и решил, во что бы то ни стало изобрести простое и надежное средство спасения для летчиков. Меньше чем через два года он и предложил свое изобретение. Впоследствии он усовершенствовал свое детище, которое спасло немало жизней, а также породило развития массового парашютного спорта. Примечательно, что лишь высокое начальство встретило изобретение весьма прохладно. Командующий Российскими Воздушными силами Великий князь Александр Михайлович недвусмысленно высказался: «Парашют в авиации – вещь вредная, так как летчики при малейшей опасности будут спасаться на парашютах, предоставляя самолеты гибели». История, как известно, была на стороне иной точки зрения.

Россия отнюдь не плелась за другими державами в освоении неба. К началу первой мировой войны военная авиация насчитывала в России 263 самолета, в Германии – 232, во Франции – 156, в Австро-Венгрии – 64, в Англии, США и Италии – по 30 самолетов. Только в Петрограде насчитывалось шесть самолетостроительных предприятий. Первые многомоторные самолеты были построены в России: «Илья Муромец» И.И. Сикорского и «Святогор» В.А. Слесарева. Несколько ранее – в 1908 году, тогда еще студентом, И.И. Сикорский построил вертолет. Первая и вторая машины работали плохо из-за сильной тряски. Он отложил работы на двадцать лет, и вновь к ним вернулся уже проживая в США, где получил всеобщее признание как крупнейший авиаконструктор этой страны.

Электрический век

Начало XX века ощущался Россией не только через призму политики. О ней много уже написано. В эту эпоху творили Мечников и Горький, Репин и Циолковский. Заболоцкий побеждал чумную бациллу, ледокол «Ермак» Макарова уверенно ломал льды Арктики, Борис Розинг экспериментировал с электронными приборами, ставшими вскоре именоваться телевидением. Вертикально взмывал аппарат Игоря Сикорского будущий вертолет.

Как только электричество перестало быть пугалом для людей в сильную грозу, они задумались над тем, как можно использовать эту могучую силу для *дела*. И XIX век открыл счет множеству мирных профессий этой энергии. Санкт-Петербург в этом отношении, как и положено крупному научному и промышленному центру, не был в числе отстающих.

Лабораторные образцы электродвигателей стали создаваться вскоре после открытия электромагнитной индукции и установления возможности превращения электрической энергии в механическую. Так стала зарождаться еще в первой половине XIX века практическая электротехника. До 70-х годов создание электромагнитных генераторов шло параллельно и независимо от конструирования электродвигателей. Другим направлением использования

электрической энергии было освещение. У его истоков были В.В. Петров, Г. Дэви и др. Ощутимый прогресс в создании электрических осветительных приборов наступил в 70-х годах благодаря работам А.Н. Лодыгина и Т.А. Эдисона. Впервые применил переменный ток для освещения с помощью электрической свечи П.Н. Яблочков. «Русский свет» П.Н. Яблочкова в конце 70-х годов появился на улицах и в общественных зданиях многих столиц мира. Тогда же были проведены первые опыты по передаче электрической энергии на расстояние и сконструированы трансформаторы переменного тока.

Эти технические достижения логически привели к созданию электростанций и развитию электрификации. Поначалу от общего генератора шло электроснабжение отдельных домов (домовые электростанции); затем возникли станции местного значения, снабжавшие электроэнергией городские кварталы или заводы — так называемые блок-станции. В России такая станция была сооружена при участии П.Н. Яблочкова для освещения Литейного моста в Петербурге в 1879 году. Спустя три года в Петербурге была построена центральная электростанция для освещения Невского проспекта. В 90-х годах центральное электроснабжение предназначалось в основном для освещения, постепенно стал распространяться индивидуальный электропривод в промышленности и началась электрификация городского транспорта. В значительной степени этому способствовало изобретение русского инженера М.О. Доливо-Добровольского трехфазного асинхронного двигателя и трехфазного трансформатора (1889–1890 гг.). Уже во второй половине 90-х годов во всех передовых странах широко развернулось строительство электростанций на основе техники трехфазного переменного тока. С 1909 по 1914 годы мировое производство электроэнергии выросло с 15 до 40 млрд кВт·ч. Это создавало реальные предпосылки для массовой электрификации промышленности, транспорта и широкого применения электричества в быту.

Еще задолго до того как француз Луба прокладывал по Парижу первые рельсы конки, русский академик Борис Семенович Якоби нашел для городского транспорта силу помощнее лошадиной — электрическую. В большой лодке он устроил гальванические батареи, подключил к ним электромотор, «принял на борт» четыр-

надцать пассажиров и поехал по Неве. Без парусов и весел. Против течения! Пусть это была не суша, а вода, главное было доказано: электрический мотор может двигать транспорт!

Для читателя будет интересно узнать, что известный электротехник А.Н. Лодыгин в 1870 году разработал проект «электролета», предложив его Комитету национальной обороны Парижа. Стремясь помочь парижанам, окруженным прусскими войсками, Александр Николаевич разработал 300-сильный электродвигатель, способный поднять 8-тонный вертолет. Проект был отклонен, но двигатель впоследствии использовали для управляемого аэростата, ставшего прообразом дирижабля.

Счетная техника

Первоначально к области научного приборостроения относилось и конструирование различных видов вычислительных машин. До конца XIX в. счетная техника развивалась в двух основных направлениях. Первое и основное из них – создание быстродействующих счетных машин, выполняющих четыре математических действия. Второе – изготовление простых и дешевых машин для выполнения одного – двух действий.

Наиболее популярным явился арифмометр, изобретенный в 1874 году петербургским инженером В.Т. Однером. С его появлением зародилось математическое машиностроение. Почти сразу Однер с компаньоном наладил выпуск своих арифмометров – по 500 штук в год. К 1914 году в одной только России насчитывалось более 22 тысяч арифмометров Однера. В первой четверти XX века эти арифмометры были единственными математическими машинами, широко применявшимися в различных областях деятельности человека. В России эти громко лязгающие во время работы машинки получили прозвище «Железный Феликс». Ими были оснащены практически все конторы. В течение многих десятилетий арифмометр Однера был наиболее распространенным во всех странах мира, и только создание ЭВМ вытеснило его из всеобщего употребления. В СССР еще в 60-х годах выпуск подобных арифмометров достигал примерно 300 тысяч штук в год.

У многих читателей кибернетика, без которой не было бы сегодня ЭВМ, прочно связана с именем американца Н. Винера, при-

знанного в мире в качестве «отца» этой науки. Оказывается и в этой области наш земляк — Яков Давыдович Тамаркин — оставил весьма заметный след. Эмигрировав после 1917 года, Тамаркин вскоре оказался в США, где занялся преподавательской деятельностью в Брауновском университете, расположенный в городе Провиденс (штат Род-Айленд). Попасть в него могли отнюдь немногие. Университет состоял в элитной Лиге плюща и был одним из старейших американских университетов, а по популярности седьмым в США. Вот что писал о Тамаркине сам Винер в 1950 году: «Блестящий математик, он принадлежал к тому поколению богатой русской интеллигенции, которое успело насладиться жизнью до начала первой мировой войны. Попав в Америку, Тамаркин пытался продолжать традиции расточительной хлебосольной России. Он эмигрировал с риском для жизни, зато благодаря стараниям профессора Р.Г.Д. Ричардсона его ожидал самый радушный прием в Брауновском университете. Тамаркин отличался большой требовательностью и все-таки радовался моим работам еще в те времена, когда американцы относились к ним с полным пренебрежением». Поддержка нашего земляка серьезно способствовала появлению первой серьезной работы Винера в шведском математическом издании, где он изложил основные результаты своей работы.

Не вижу, но слышу

Электричество открыло поразительные для людей XIX века возможности сближать людей, получивших возможность почти мгновенно общаться друг с другом. 9 (21) октября 1832 года в Петербурге была продемонстрирована работа первой в мире линии электромагнитного телеграфа, созданной П.Л. Шиллингом. Событие это произошло в доме № 7 по Марсову полю (в котором долгие годы жил сам изобретатель), где телеграфное сообщение было передано из одной комнаты в другую. Следующим событием, в котором сегодня легко можно увидеть прорыв в средствах связи стало изобретение и развитие телефонии. 15 (27) ноября 1877 года в Петербург были присланы первые четыре телефонных аппарата.

Они были поистине «чудом техники». Указом императора Александра III 25 сентября 1881 года было разрешено устройство телефонного сообщения для общественного пользования в городах Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Риге и Одессе.

Аппараты, изготовленные по системе Белла, обеспечивали хорошую слышимость на расстоянии до 10 километров. Указом императора Александра III 25 сентября 1881 года было разрешено устройство телефонного сообщения для общественного пользования в городах Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Риге и Одессе. Первая телефонная станция начала действовать в июле 1882 года на Невском проспекте, 26. Связь получили 128 абонентов, среди которых были братья Нобели, Медно-прокатный трубной завод, Учетный и Ссудный банки, Правление Балтийской железной дороги, редакции газет «Голос», «Новое время» и «Новости», Управление обер-полицмейстера, прокурор Судебной палаты, завод и контора Гука, гостиница «Демут», Биржа, Николаевская Академия Генерального штаба¹. Очень скоро выяснилось, что девушки лучше справляются с обязанностями оператора телефонной станции. Так появилось знаменитое обращение «Барышня, барышня!».

Вскоре телефоны стали появляться не только в учреждениях, но и в частных домах. Этот вид связи попросту не мог иметь конкурентом и победоносно завоевывал не только аристократические салоны, но и появлялся на окраинах. В начале XX века даже появилась идея развития сети телефонов-автоматов. В 1920-е годы именно на ЛГТС зародилась идея строительства автоматических телефонных станций, а в 30-е годы начался и медленный переход на автоматическую телефонную связь. В 1929 году началось строительство, а 1 октября 1932 года была введена в строй первая в городе автоматическая телефонная станция (ныне Петроградский телефонный узел).

¹ Плата составляла огромную сумму – 250 рублей в год за телефонный аппарат, если удаленность от центральной станции не превышала 3-х верст (почти 3 км 200 м). За каждую «лишнюю» версту вносилась добавочная плата в пределах 50 рублей (для сравнения: лошадь стоила 12 рублей) (использованы материалы сайта ОАО Северо-Западный Телеком – <http://www.nwtelecom.ru>).

Эпоха научно-технической революции просто не могла обойти телефонное хозяйство огромного города. В августе 1976 года эта обширная сеть была переведена на семизначную нумерацию. За одну ночь телефоны Ленинграда получили новые номера. Позднее вновь проявилась новаторская сущность города – именно в Ленинграде впервые в стране была смонтирована и настроена волоконно-оптическая линия связи с подводным переходом через Неву.

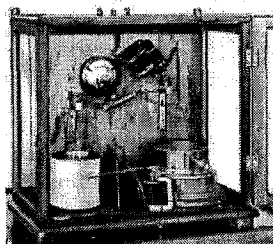
Волшебное слово – радио

А.С. Попов (1859–1905/06 гг.) – знаменитый основоположник отечественного радио. В начале 1895 года Александр Степанович создал приемник, с помощью которого смог продемонстрировал возможности беспроводной передачи электрических сигналов (радиосвязь). В том же году на базе того же приемника создал прибор для регистрации грозových разрядов (грозоотметчик) – практический первое радиотехническое устройство.

25 апреля 1895 года на заседании Русского физико-химического общества в помещении старого физического кабинета Петербургского университета (нынешнего спортзала) А.С. Попов впервые публично демонстрировал свой «грозоотметчик» – приемную радиостанцию. Этот день, 7 мая по новому стилю, в России стал отмечаться как День радио.

Случилось весьма неординарное событие. 12 марта 1896 года из помещения во дворе университета, А.С. Попов с помощью изобретенного им прибора передал первую в мире радиограмму. Очевидец этого события профессор О.Д. Хвольсон вспоминал: «Я на том заседании присутствовал и ясно помню все детали. Станция отправления находилась в химическом институте университета, приемная станция – в аудитории старого физического кабинета. Расстояние приблизительно 250 метров. Передача происходила

таким образом, что буквы передавались по алфавиту Морзе, и притом знаки были ясно слышны. У доски стоял председатель физического отделения общества проф. Ф.Ф. Петрушевский, имея в руках бумагу с ключом алфавита Морзе и кусок мела. После каждого передаваемого знака он смотрел в бумагу и затем записывал на доске соответствующую букву. Постепенно на доске получились слова «Генрих Герц». Трудно описать восторг многочисленных присутствующих и овацию А.С. Попову, когда эти слова были написаны».

Телевизор из Петербурга

Немалую роль в развитии техники XX столетия сыграло изобретение радио и телевидения. Развитие идей телевидения с самого своего рождения носило интернациональный характер. В период с 1878 года до конца XIX века в одиннадцати странах в патентные бюро и редакции журналов было представлено более 25 проектов прообраза телевизионных устройств, из них пять в России.

В 1880 году наш соотечественник П.И. Бахметьев, будучи студентом Цюрихского университета, разработал проект устройства под названием «телефотограф», одного из первых предшественников телевизора. Цветную телевизионную систему с последовательной передачей сигналов трех цветов в конце 1899 году патентует инженер-технолог из Казани А.А. Полумордвинов, вскоре переехавший в Петербург и занявший место помощника столоначальника в телеграфном департаменте. Он впервые вводит в научный оборот понятие «триада цветов», практическое значение которого сохранилось и в наше время. Несколько обзоров по электровидению в те годы сделал военный инженер К.Д. Перский. Именно он впервые ввел в оборот термин «телевидение» в обзорном докладе, прочитанном им на Международном конгрессе в Париже (1900 г.). Двухцветную телевизионную систему с одновременной передачей белого и красного цветов предложил в 1907 году сын бакинского купца И.А. Адамян, работавший в собственной лаборатории под Берлином.

К началу XX в. сложились предпосылки для зарождения электронного телевидения. Еще в 1858 г. боннский профессор Ю. Плюккер открыл катодные лучи, в 1871 г. англичанин У. Крукс

изготовил специальные трубки для исследования свечения различных веществ, облучаемых катодным пучком в вакууме, а в 1897 г. немецкий профессор К.Ф. Браун применил катодную трубку для наблюдения быстротекающих электрических процессов.

В 1907 году преподаватель петербургского Технологического института Б.Л. Розинг запрашивает патенты в России, Англии и Германии на изобретенный им способ передачи изображений. А в 1911 году он демонстрировал на своей аппаратуре простые геометрические фигуры и движение кисти руки. Отмечая заслуги Б.Л. Розинга в развитии идей телевидения, Рус-

ское техническое общество в 1912 году присудило ему Золотую медаль. И затем началось бурное развитие телевидения в Германии, Англии, США и Советском Союзе.

1 сентября 1938 года был введен в действие первый в стране Опытный ленинградский телецентр на Аптекарском острове. Первая опытная передача «изображения на расстояние» была проведена из радиостудии на Пермской улице 10 марта 1932 года.

Регулярные, но непродолжительные, передачи начались с 1938 года из телецентра, разместившегося в бывшей даче В.Ф. Громова. Единственная камера телестудии стояла на неподвижном штативе и имела один объектив. Чтобы на экране получился крупный план, выступавший должен был подойти поближе к камере. Музыкальное сопровождение осуществлялось при помощи патефона, а из-за отсутствия вентиляции температура в студии доходила до 40 градусов.

Впрочем, телевизоры были еще очень дорогими и первые 38 телевизионных приемников располагались в домах культуры. Вещание велось по часу в день, так что художественные фильмы показывали по частям: начало сегодня, конец – на следующий день. Увеличение продолжительности передач произошло уже после войны, в 1949 году, когда появилось чудо техники – первый массовый телевизор «КВН-49». В нынешнем XXI веке, уже привыкшем к огромным жидкокристаллическим телевизионным панелям на площадях городов, даже трудно представить – как можно было что-то увидеть на том крохотном экранчике. Смотрели, и

с большим азартом. И с его помощью пытались увидеть *большой мир*, вновь и вновь получая новые знания.

Медицина новационная

Болезни существуют столько же, сколько и сам человек. Увы! А вот медицина – значительно меньше, хотя о ее первых шагах мы знаем так же мало, как и о *homo sapiens*'е. Россия долгое время вообще не имела *массовой* системы врачебной помощи населению. Между тем, на страну регулярно обрушивались эпидемии оспы, холеры, чумы, уносивших огромное число людей. В каждой летописи подобные записи грустно соседствуют с подвигами древних богатырей, сообщением и напастях климатических и враждебных соседей. Не был исключением и Санкт-Петербург. Но времена уже быстро менялись.

Веками в России была болезненная проблема – детская смертность, особенно при рождении. В Петербурге во времена Елизаветы Петровны определились первые шаги по созданию службы акушерской помощи усилиями царского врача П.З. Кондоиди, организовавшего *первые в стране специальные курсы*. Настоящим «отцом русского акушерства» стал Н.М. Амбодик, внесший большую лепту в развитие этой трудной отрасли медицины. По его учебникам до середины XIX века бала оказана помощь при появлении на свет не одному поколению россиян.

М.В. Ломоносов – стал одним и знаменитых петербуржцев. Мало кто знает, что в годы учебы в Германии, в городе Марбурге, получил звание кандидата медицины. В своих трудах он неоднократно касался медицинских вопросов и определял медицину как «великую часть физики и полезнейшую роду человеческому науку». И когда он приступил к изучению природы электричества, он высказал революционную для своего времени мысль, что «электрическую силу» можно употреблять для лечения разных болезней; рассуждал о свойствах воздуха и воды, чрезмерном тепле и холоде как причинах болезней; о взаимном влиянии психического состояния и здоровья человека. Первым переводом Ломоносова с немецкого языка на русский была работа Г.В. Крафта «О сохранении здравия».

В середине XVIII века появились первые методы борьбы с оспой, от которой умирали короли и аристократы, крестьяне и сами врачи.

Августейшая инициатива для борьбы с этой бедой зародилась и была реализована именно в Петербурге. Императрица Екатерина II для проведения самых решительных мер против страшной болезни сама совершила *личный подвиг*. 12 (23) октября 1768 года доктор Томас Димсдейл, специально приглашенный из Англии, сделал ей прививку против оспы¹. Реклама в России практически отсутствовала, но Екатерина II всем своим существом чувствовала могущество того, что ныне именуется PR – «Public Relations». Да и самой молодой императрице было необходимо демонстрировать собственные незаурядные качества, включая и заботу о подданных. Поэт В.И. Майков написал по этому случаю стихи (тяжеловатые для современного читателя, ибо был поклонником А.П. Сумарокова) и театральный пролог «Торжествующий Парнас», разыгранный придворными актерами. Мальчик Александр Марков, от которого доктор получил «оспенную материю» для прививки императрице, получил дворянство, а позже и новую фамилию – Оспенный.

Это событие дало толчок к началу массовых прививок против оспы по всей стране. После императрицы, уже через месяц, прививка была сделана наследнику престола Павлу Петровичу, а чуть позднее – 140 придворным. За этим последовала массовая кампания по прививкам, а врачи, младший медицинский персонал и священники, участвовавшие в проведении вакцинации, были награждены специальными памятными медалями.

История России, и Санкт-Петербурга в частности, знает немало стихийных бунтов населения в ходе эпидемий. Было такое в жизни блистательного Петербурга, когда годами захлестывали

¹ Димсдейл получил звание лейб-медика, пожизненную пенсию 500 фунтов стерлингов в год и баронский титул. В 1770 г. в Петербурге увидела свет его книга «Нынешний способ прививать оспу...», ставшей своеобразным медицинским дневником, в котором врач подробно, день за днем, описывал состояние Екатерины после прививки. По его словам, Екатерина «не только осмелилась быть из первых», но и повелела обнародовать описание своей болезни, «чтоб и другие, употребляя те же средства, удобно предохраняли себя от опасностей...» (<http://historydoc.edu.ru/catalog.>).

его эпидемии «заразительных болезней» – тифа, холеры, дифтерита. И, надо сказать, российские монархи в этой ситуации не праздновали труса.

Так, в 1831 году, на Сенной площади в Петербурге, разразился холерный бунт. На его подавление прибыли войска и даже сам Николай I, чему посвящён один из барельефов на памятнике императору. Волнения начались из-за высокой смертности среди бедных слоев населения, недостаточного медицинского обслуживания и жестких мер полиции, которая отправляла всех подозреваемых в переносе инфекции в холерные бараки. Наконец, 21 июня толпа на Сенной площади (где располагалась главная холерная больница) толпа остановила карету с больными и освободила их. На следующий день, 22 июня, волнения стали еще значительней, после того как толпа обратила в бегство прибывшее полицейское соединение и начала выбрасывать врачей из окон больницы. Беспорядки были пресечены действиями гвардейских полков. Однако, по легенде Николай I сам вышел к народу, на глазах у всех выпил целую склянку лекарства и усмирил бунт. Степень достоверности легенды проверить непросто, к тому же она уже увековечена в камне на пьедестале памятника Николаю I на Исаакиевской площади.

Создание *массовой медицины* началось с эпохи реформ, проведенных Александром II. Эта незаметная, на первый взгляд, *работа*, носила самые разные формы – строительство больниц, фельдшерских пунктов, подготовка врачей и т.д. В 1878 году, городская Дума в разгар тифа была озабочена приисканием «удобных мест для устройства временных больниц» для заразных больных. В составе городской Думы был доктор Сергей Петрович Боткин. Быть первым попечителем Александровской городской барачной больницы попросили Боткина. Его имя она и стала носить после того, как в 1889 году знаменитый ученый и врач умер. Отвели место для строительства больницы на задворках города, на Александровском плацу, месте болотистом. Здесь и были построены 20 отдельных больничных помещений на 12 больных каждый – барачков. На столь нужное городу и людям дело пошли и пожертвования от частных лиц. Боткинские бараки, как стали именовать больницу, стала первой муниципальной больницей в Санкт-Петербурге. В ней были выработаны самим Боткиным правила работы

с инфекционными больными, которые затем распространились и стали обязательными по стране. Здесь появилась первая дезинфекционная камера, организована система индивидуального питания больных и распорядок посещения пациентов.

В 60-е годы известный химик Н.Н. Зимин, будучи профессором Петербургской медико-хирургической академии, академик Петербургской АН, выдвинул мысль о необходимости внедрения физиологической и медицинской химии, а также биохимии в практику лечения болезней. Вскоре сама медицинская практика подтвердила правильность идеи и вошла в систему подготовки корпуса врачей.

Столичная медицина в середине XIX века была украшена мощным талантом крупного российского врача — Николая Ивановича Пирогова. В 1841 году он был приглашен на кафедру хирургии в Медико-хирургическую академию Петербурга. Здесь ученый проработал более десяти лет и создал первую в России хирургическую клинику. В ней он основал еще одно направление медицины — госпитальную хирургию. Своим самоотверженным и часто бескорыстным трудом он превратил хирургию в науку, создав для этого обоснованную методику оперативного вмешательства. Подобно Д.И. Менделееву, он не был «узким» ученым. Он придумывает инструменты, которыми любой хирург сделает операцию хорошо и быстро. Николай Иванович согласился стать директором Инструментального завода, выпускавшего созданные им же хирургические инструменты.

Сестры милосердия появилась в России задолго до того как получившая всемирную известность англичанка Флоренс Найтингейл прибыла в турецкий госпиталь Скутари ухаживать за ранеными воинами.

Возможно, именно российские сестры милосердия были первыми представительницами этой профессии. Собственно говоря, движение свои истоки набирало задолго до Севастопольской кампании и корнями уходило в XVIII век. К середине XIX века оно в России уже набрало немалый опыт. По инициативе и на средства

княгини Елены Павловны Романовой, вдовы младшего брата императора Николая I, в Петербурге было основано общество медсестер Крестовоздвиженской общины Петербурга. Сестры милосердия тех лет – девицы и вдовы «благородного происхождения», аристократки. Среди тех, кто, по словам Пирогова, «безропотно перенес все труды и опасности, бескорыстно жертвуя собою с героизмом, которое бы сделало честь любому солдату», были дворянки Екатерина Грибоедова – сестра писателя и дипломата Александра Грибоедова, Екатерина Бакунина – дочь сенатора, внучатая племянница фельдмаршала М.И. Кутузова, баронесса Э. Лоде и другие.

В Севастопольскую кампанию проявили высокий героизм сестры, одна из которых – Даша Севастопольская – стала настоящей легендой. Но она и последовавшие ее примеру помощницы врачей, не были медиками, в которых очень нуждался хирург Николай Пирогов. И тогда он призвал «употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле» медсестер. Уже в ноябре 1854 года из столицы в Севастополь прибыли три отряда сестер милосердия из Крестовоздвиженской общины. И их помощью Пирогов смог за 12 дней навести порядок в госпиталях.

Одно из примечательных событий произошло 15 (27) ноября 1885 года. В этот день один из офицеров лейб-гвардии Конного полка был... покусан взбесившейся собакой. Командир гвардейского корпуса принц А.П. Ольденбургский немедленно отправил пострадавшего в Париж, где знаменитый Луи Пастер делал прививки против бешенства. Офицер был спасен, а сам факт его излечения стал толчком для активизации борьбы с бешенством в России и развития медицинской науки. Сначала при лазарете Конного полка в Санкт-Петербурге была основана пастеровская «антирабическая станция» (от латинского слова *rabies* – «бешенство»), а затем был создан Институт экспериментальной медицины, существующий до сих пор.

К сожалению, болезни сопровождали историю города постоянно и уносили в мир иной малоизвестных и очень известных россиян. 16 октября 1893 года П.И. Чайковский дирижировал на премьере Шестой симфонии, а через 4 дня умер от холеры, посетившей и столицу империи. Великий композитор был захоронен в Александро-Невской лавре.

Кроме специалистов, мало кто ныне помнит Лунина Николая Ивановича (1853–1937) – педиатра, доктора медицины, работавшего в Петербурге. Подготовленная в 1880 году диссертация, положила начало учению о витаминах. Он известен и тем, что вывел на весь мир известную породу очаровательных псов – пойнтеров (ныне именуемых – лунинского типа), известных в мире кинологов и счастливых обладателей этих симпатяг, с которыми так любят играть дети.

Спроси нашего современника – кто такая княжна Гедройц? Скорее всего – мало кто знает это имя. А между тем, Вера Игнатьевна Гедройц была широко известна, о ее мужестве писали газеты, на фотографиях она была запечатлена рядом с императрицей Александрой Федоровной и ее дочерьми. Она также стала частью новаторского Петербурга. Такая она была разная, княжна.

Помимо медицины, Вера Игнатьевна увлекалась литературой, писала стихи и прозу, была участницей «Цеха поэтов» Николая Гумилева. Боле того, в молодости отдала должное и революционной деятельности.

В 1909 году она едет по приглашению императрицы в Царское Село и вскоре становится домашним врачом детей царской семьи. В годы Первой мировой войны Она обучает императрицу и ее дочерей работе медицинской сестры. Получив диплом сестер милосердия, Царица и Великие княжны ассистировали Вере Игнатьевне при операциях в качестве рядовых хирургических сестер и без всяких скидок. И не была сановной дамой, угодной монарху. К «великому старцу» Григорию Распутину княжна Вера относилась отрицательно и без почтения. Современники вспоминали, как в день открытия Думы императрица сказала, обращаясь к княжне Вере: «Дума такая левая!». Гедройц ей ответила: «Ваше величество, вы верите в мои верноподданнические чувства? А я левее думы!»

Прооперированный ею в годы русско-японской войны пленный японский наследный принц, впоследствии прислал дары русским монархам и назвал ее «княжной милосердия с руками, дарящими жизнь». За достижения в области медицины, еще в дорево-

люционное время, Вера Игнатьевна Гедройц была награждена золотой медалью «За усердие» на Анненской ленте и серебряной – «За храбрость» на Георгиевской ленте, а также знаками отличия Красного Креста всех трех степеней. Даже для Петербурга эта женщина была фигурой далеко нестандартной, если угодно – харизматичной.

Академик И.П.Павлов был ученым, труды которого по физиологии пищеварения были удостоены в 1904 году Нобелевской премии. Однако, как истинный исследователь, И.П. Павлов не мог остановиться на достигнутом: он решил «разобраться» с психической стороной деятельности пищеварительных желез. Это послужило отправным пунктом для новой целеустремленной 35-летней работы, составившей основу ранее не существовавшего раздела физиологии – физиологии высшей нервной деятельности. Исследование рефлексов головного мозга, названных И.П. Павловым «условными» принесло ему больше творческих успехов и славы, чем даже удостоенные Нобелевской премии труды по физиологии пищеварения. Научной столицей его дальнейших новаторских исследований станут Колтуши – пригород нашего города.

Медики Петербурга-Ленинграда – особый слой его культуры и науки. Ныне изученное многочисленными самодельными «лекарями» слово «целитель» редко используется в медицине. А их было немало. Перечислить даже наиболее выдающихся – задача, которая по силам специальному изданию. упоминать в этой книге лишь немногих – единственное что мы смогли. Но этого обидно мало. Футурологи считают, что наступивший XXI век даст человечеству революционные открытия в области медицины и биологии. При этом, по традициям отечественной медицины, неплохо бы сохранить современным гиппократам лучшие традиции петербургских *врачевателей* и настоящих целителей, а не тиражируемых бульварными газетами. Попробуем разглядеть это будущее и сквозь многие проблемы современной российской медицины, которые знает и хорошо ощущает наш город.

Защитник России

Санкт-Петербург – всю свою историю был далеко не только политическим, культурным, образовательным центром. С первых

же лет своей истории город был защитником России. В нем создавался мощный потенциал оборонной промышленности. История его становления и развития – это и история нашего города, ибо все три века производство оружия присутствовало, определяло и развивалось. Петр I начинал формировать оборонную экономику города с судостроения и производства артиллерийских орудий, пороха и ядер, стрелкового оружия и иных предметов военного назначения. Первое промышленное предприятие Петербурга – Адмиралтейство, представлявшее в те далекие времена учреждение по строительству и снаряжению военных кораблей. Это было комплексное ведомство, имевшее не только верфи, но и металлургические заводы, предприятия по производству парусов и канатов, провианта и иного снаряжения. Уже в первые два десятилетия в Петербурге были основаны Пушечный двор (Арсенал); пороховые заводы, Сестрорецкий оружейный завод, канатная и парусная мануфактуры, другие предприятия военного назначения.

История развития «оборонки» – весьма деликатная тема, потому и получившая сравнительно слабое освещение. Будем при этом помнить, что страна очень часто участвовала в войнах, в которых непременно применялось и оружие из столицы.

В середине XIX века в Петербурге работали большие по тому времени заводы, производящие военную технику: Путиловский, Обуховский, Ижорский, Нобеля, Балтийский, Металлический, Франко-Русский, Лесснера и другие. Отличительная особенность этих заводов – многопрофильность. Лидировало военное судостроение, которое обеспечивало значительную часть заказов для российского военно-морского флота. Военные корабли различных классов строились на Франко-Русском заводе, Новом Адмиралтействе, Галерном острове, Балтийском заводе, Семьяниковском, Путиловском и Невском заводах, заводе Карра и Макферсона, Ижорском, Охтинском и Металлическом заводах.

Отличительная особенность петербургского оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) в том, что город всегда был центром военной и военно-морской науки. К нуждам армии и флота привлекались крупные ученые – А.Н. Крылов, Д.И. Менделеев, А.С. Попов и другие. Более того, основная мощь оборонной промышленности строилась на наукоемком производстве, что потре-

бовало особого внимания прежде всего к новационной технологии и технике. Поэтому в городе в XX веке бурно развивались соответствующие конструкторские и проектные центры для целых направлений военного производства – артиллерийского и авиации, судостроения и химии, космической и бронетанковой, радио и телевидения. Заводы «Радиоприбор», «Новатор», «Ленинец», «Приометр», «Техприбор», «Прибор», «Россия» и другие составили костяк радиоэлектронного блока ОПК города. НИИ телевидения, НИИ радиотехнической промышленности, НИИ мощного радио, НИИ «Магнито-диэлектриков», ОКБ «ТИЗА» и другие научно-технические организации обеспечивали разработками упомянутые заводы. На каждом из них имелось мощное КБ¹.

При создании объединений ряд заводов и КБ укрупнялись. Например, на базе трех заводов и трех КБ было создано НПО, а затем ЦНПО «Ленинец», при котором развернули мощное ЦКБ (более 2 тыс. инженеров). Практически НПО ОПК интегрировали все стадии научно-производственного цикла. Например, на базе НИИ мощного радио, опытного завода «Прибой» и серийного завода «Волна» сформировали НПО им. Коминтерна. Завод «Прибор» (опытный) и «Техприбор» (серийный), а также ОКБ «ТИЗА» вошло в состав ПТО «Техприбор». Институт «Гириконд», опытный и два серийных завода – «Кулон» и «Мезон» вошли в состав ПО «Радиодеталь», а позднее НПО «Позитрон». Достаточно вспомнить то, что луноход был создан во ВНИИ Трансмащ.

После Великой Отечественной войны страна была втянута в осуществление полной качественной замены старых систем оружия на новые. Беспрецедентный размах гонки вооружений, в которую втягивался СССР, особые условия научно-технической революции, бескомпромиссность противостояния не только государств, но и общественно-политических систем придавали этому процессу новые черты, во многом определяли место Ленинграда в общесоюзном разделении труда. Они влияли также на характер формирования местной элиты, ее позиции на московском Олимпе,

¹ Ссылки на названия предприятий, организаций, статистические сведения сделаны на основе статьи д.э.н., проф., зав. каф. экономической теории и экономической политики СПбГУ Ф.Ф. Рыбакова «Оборонно-промышленный комплекс Санкт-Петербурга: история и современность» (МОСТ. Ноябрь 2003).

сказывались на характере и специфике интеллигенции, рабочих, на научном и гуманитарном потенциале, облике значительных групп городского населения.

Особо отчетливо влияние формирующегося военно-промышленного комплекса сказалось в процессе создания атомной промышленности, одним из bastионов которой явился Ленинград. Еще в предвоенные годы город, и в первую очередь Физико-технический институт, превратился в колыбель атомной физики СССР. Здесь формировались и работали

такие выдающиеся ученые, как И.В. Курчатов, Н.Н. Семенов, Ю.Б. Харитон, А.П. Александров, А.И. Алиханов, Я.Б. Зельдович, Л.А. Арцимович, И.К. Кикоин.

В послевоенные годы они стали руководителями развернувшихся с небывалым размахом исследований, организаторами производства отечественного атомного оружия. Во главе советского атомного проекта был поставлен И.В. Курчатов. Для многих из этих теперь уже людей из легенды, Ленинград был особым местом притяжения — здесь работал А.Ф. Иоффе, именем которого будет позднее назван Физико-технический институт. Многие из упомянутых «атомщиков» взрастил именно он, которого они так и называли — «папа Иоффе».

В рамках работ отечественного Уранового проекта в одной из его структур был образован также научно-технический совет, в состав которого из Ленинграда вошли академик В.Г. Хлопин (директор Радиевого института), академик А.Ф. Иоффе (директор Ленинградского Физтеха), В.С. Емельянов (бывший директор завода «Электросила») и др.¹ В конце 1945 г. на Кировском заводе и заводе «Электросила» были созданы два опытно-конструкторских бюро (руководители — С.А. Аркин, Н.М. Синев, Д.В. Ефремов и др.). Главной задачей их стала разработка оборудования, производящего обогащенный уран 235.

¹ *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996, с. 217.

Единственным генеральным проектировщиком всех реакторов в те годы был Ленинградский ГСПИ-11. Коллективы, которые создавали первые атомные сооружения, возглавляли А.И. Гутев, В.В. Смирнов, Я.И. Зильберман, А.З. Ротшильд, Н.К. Хоманский, А.В. Карандашев, Л.А. Шубин-Шубенко. Здесь, в частности, проектировались комбинаты на Южном Урале, в Томске, Красноярске, закрытые города Челябинск-40, Свердловск-44 и 45, Красноярск-26 и др. Ленинградцы участвовали и в проектировании Арзамаса-16, первой в мире атомной электростанции в Обнинске. В фундамент атомной промышленности страны свою лепту внесли также Центральный научно-исследовательский котлотурбинный институт им. И.И. Ползунова (ЦКТИ), Ленинградский университет, институт Ленгорпроект, Ленинградские отделения лаборатории № 2 (ныне институт им. И.В. Курчатова) и другие организации ИГУ, расположенные в городе.¹

На заре перестройки и начале либеральных реформ этого просто не хотели замечать. К власти пришли люди, не знающие ОПК и видевшие в нем только монстра, пожирающего бюджетные средства. Такие взгляды, замешанные на откровенной русофобии и идолопоклонничестве перед Западом, ни к чему хорошему привести не могли. Когда-то император Александр III, названный миротворцем, умно заметил, что у России два друга – ее армия и флот. В суматошные 90-е годы XX века Россия практически отдала свою нишу на мировом рынке вооружений. Но этот рынок отнюдь не стал меньше. Просто другие страны увеличили свое присутствие на рынке вооружений. По ориентировочным данным общий объем продукции ОПК Санкт-Петербурга с 1990 по 2002 гг. сократился в 11 раз. Отсюда и целая гамма проблем, стоящих перед ОПК города.

В современных условиях значение ОПК справедливо оценивается едва ли не как «локомотив российской экономики». Об этом говорил В.В. Путин еще в начале нового тысячелетия. Последующие практические шаги, решения и взгляд на будущее российской власти свидетельствует, что видение ОПК как форпоста передовых технологий, блока экономики, способного задать тон в реконструкции и модернизации всего хозяйства у России есть.

¹ Круглов А. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1994, с. 88, 92–94, 184, 219, 227, 230.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ

О таком Петербурге также написано немало уже хотя бы потому, что город является своеобразным феноменом. Ныне он – самый северный в мире город с населением намного превышающим миллионную норму. Ко всему Санкт-Петербург – самый низменный город в Европе. Он находится на отметке всего на 6 метров выше уровня моря.

Метеорология – наука довольно точная (да не покажется это преувеличением для неосведомленного читателя). Чаще всего она «ошибается» из-за недостатка данных. Впрочем, пока ее прогнозы может править «каприз» океана и Солнца, неумная деятельность человека и еще многие иные природные факторы, о роли которых в «кухне погоды» мы еще только начинаем разбираться. Петербург особенно сложный объект для специалистов и, возможно потому, особенно интересный. Сухая статистика свидетельствует – да, самый северный, да, среднегодовая сумма осадков – 634 мм, преобладающие направления ветров – западное, юго-западное и южное. Для Петербурга характерен влажный, близкий к морскому климат, с умеренно теплым летом и довольно продолжительной умеренно

холодной зимой. Лето в Санкт-Петербурге умеренно теплое и длится обычно от начала июня до конца первой декады сентября. Средняя месячная температура летом от 14,8 °С в июне повышается к июлю до 17,8 °С. Зима в Санкт-Петербурге умеренно холодная и длится обычно с середины декабря до конца второй декады марта. Средняя месячная температура зимой от -3, 9°С в декабре понижается к февралю до -7,9 °С. Но это «средние» данные. В сухую жаркую погоду температура воздуха может достигать +25 °С...+30 °С. Зимой может быть значительное похолодание: до -25 °С ... -30 °С. Осадков выпадает 634 мм в год.

Куда более известно, что символом Петербурга являются Белые ночи, которые объясняются высокоширотным положением города. Его географические координаты – 59°57' северной широты и 30°19' восточной долготы. Белые ночи наступают 25–26 мая, когда солнце опускается за горизонт не более чем на 9°, и вечерние сумерки практически сливаются с утренними. В общей сложности продолжительность белых ночей более 50 дней. Заканчиваются белые ночи 16–17 июля, наибольшая продолжительность дня приходится на 21–22 июня (18 ч 53 мин).

А ведь метеорология в городе дала столько разных и, что важно – новационных ростков и ответвлений, что ей-ей заслуживает о ней особого разговора. Вот об этой ипостаси и продолжим рассказ о городе.

Наводнения – страсти петербургские

С основания и до наших дней его, как, пожалуй, ни один город таких размеров и знания, регулярно «посещают» незваные гости – наводнения. Вокруг этого бедствия было сломано немало копий среди ученых. Считается, что первое упомянутое в письменных источниках упоминание о наводнении относится к 1061–1064 годам, временам Изяслава Ярославовича. По косвенным историческим данным установлено, что значительные подъемы воды в устье Невы происходили в 1300, 1540–41, 1555 и 1594 годах. Катастрофическое наводнение 1691 года «высотой 25 футов (762 см) простиралось до шведской крепости Ниеншанц (у впадении реки Охты в Неву) расстоянием от Петербурга в 5 верстах». Уже 20 августа 1703 года, чуть больше двух месяцев после основания север-

ной столицы, вода поднялась на 211 сантиметров и смыла изрядное количество стройматериалов, завезенных для строительства Петrapавловской крепости, «много сонных людей и рухлядь их помочило». Если брать за точку отсчета это наводнение как первое, то к 19 декабря 2006 года их в Петербурге случилось 328 – больших и малых неприятностей для города.

Первым и для того времени наиболее разумным было повышение общей высоты всей территории города. Разумно, но в ту эпоху сложнейшая задача. Поэтому те самые легендарные булыжники, которые должен был по распоряжению директора департамента водных коммуникаций Б.К. Миниха ввозить каждый приезжавший в будущую столицу человек, были «вкладом» для борьбы с наводнениями! Перед такой задачей, возможно, меркнул и подвиг египетского труда при возведении пирамид. Петербург – это не пирамида, это – быстро растущий ГОРОД. Да и поднять эту площадь предполагалось почти на 4 метра! Конечно, между замыслом и его реализацией часто дистанция приличного размера, тем более в родных наших пенатах. Замысел Миниха до конца не был реализован, но к нему вернутся много лет спустя.

Первое катастрофическое наводнение произошло во времена правления Екатерины Великой, в 1777 году (на 310 см выше ординара). Разразившаяся в ночь на 10 сентября буря вывела из берегов Неву и подняла ее на три метра (если точно – на 310 см). В результате вода покрывала практически всю территорию столицы. Погибло множество людей. После бури на набережной Невы лежали выброшенные на берег корабли, немало домов были лишены крыш. Летний сад практически перестал существовать – вырваны с корнем деревья, разрушены фонтаны. Императрица Екатерина II несправедливо обвинила полицмейстера своей столицы Н.И. Чичерина в несоблюдении равномерности заполнения каналов города пришедшими с грузами кораблями. Просто никто не знал о причинах бедствия.

Для того чтобы как-то противостоять стихии, 23 декабря (4 января) 1805 года внук Екатерины II – Александр I издал указ «Об устройении обводного около Санкт-Петербурга канала». Обводный канал строился с той же целью, что и современная дамба поперек Финского залива – для защиты города от наводнений. Однако за-

тея с треском провалилась из-за того, что авторы проекта просто не понимали еще природу питерских наводнений. Они исходили из того, что излишняя невиская вода будет стекать в Финский залив по Обводному каналу. Если бы петербургские наводнения вызывались таянием высокогорных ледников у истока Невы или же многодневными тропическими ливнями, тогда из этой затеи могло бы что-то получиться. Однако причина наводнений в другом. Они вызываются сильными западными ветрами, нагоняющими воду в Финский залив, а оттуда — в Неву. Тем не менее, канал начал строиться в 1805 году с использованием части канала, построенного еще в 1769–1780 годах от реки Екатерингофки до Лиговского канала (ныне Лиговского проспекта).

Строительство Обводного канала закончилось в 1833 году, и в кратчайшие сроки канал превратился в источник воды для окрестных промышленных предприятий и... главную сточную канаву города. Чем он и остается, к сожалению, по сей день.

Еще более страшным оказался XIX век — в 1824 году уровень воды поднялся до 410 см выше ординара, это самое катастрофическое наводнение в истории города. Затопленной оказалась его большая часть. Граф М.А. Милорадович, генерал-губернатор Петербурга, убитый на следующий год декабристами на Сенатской площади, разъезжал по улицам города на катере, спасая утопающих. В тот день в Петербурге можно было увидеть и не такое. Рассказывают, что перед Зимним дворцом в какой-то момент проплыла сторожевая будка, в которой находился часовой. Увидев стоявшего у окна государя, часовой вытянулся и сделал «на караул», за что будто бы и был спасен. Картина апокалиптическая. А.С. Грибоедов писал, что Невский проспект превратился в бурный пролив!

Уже тогда наши совсем неглупые предки предложили весьма правильную идею — построить дамбу. инженер Пьер Доменик Базен, директор Петербургского института путей сообщения, предложил построить каменную дамбу поперек Финского залива, от Лисьего носа через остров Котлин до Ораниенбаума. В ней предусматривались проходы для судов, ограждения, водосливы и др. Строго говоря, первые идеи по защите города от водной стихии были отражены в планах застройки Санкт-Петербурга Д. Трезини и Ж.Б. Леблана, предложивших соорудить земляной вал по всему периметру

Васильевского острова. Свой вклад в разработку проектов внес и такой колоритный человек, каковым был фельдмаршал Б.Х. Миних.

Однако идея особенно хороша, когда она имеет практические очертания. А для реализации проекта по тем временам при тогдашнем уровне техники и ограниченности ресурсов, создать такой барьер было практически невозможно. Обсуждения затянулись на тридцать с лишним лет, и в итоге решили ограничиться ограждениями в пределах дельты Невы. Существовали проекты обваловки отдельных участков города, другие гидротехнические проекты, но ни один из них не был осуществлен. Лишь в 1905–1906 годах удалось поднять Стрелку Васильевского острова.

В конце столетия беспокойная гидрологическая мысль вновь вспомнила о замысле Миниха. В 1892 году военный инженер Э.И. Тилло предложил «Проект предохранения С-Петербурга от наводнений, со сметой и чертежами», во многом повторяющий идеи Миниха. Предусматривалось возвести набережные высотой не менее 9 футов (275 см), поднять низменные территории на 10 футов (305 см), расселить и закрыть подвалы, соблюдать закон 1830 года о запрете строительства нижних жилых этажей ниже черты наводнения 1824 года, строить дома-убежища. В 1898 году Госдума вынесла решение, что «строительство заслона следует отнестись к дальним целям из-за его громадной стоимости и сомнительности ожидаемой от него пользы...»

Затем наводнения на долгое время, казалось, оставили и без того бурлящий город, в покое. Пронеслись события Первой мировой войны, революций 1917 года, гражданской войны. Но, грянул 1924 год, когда 23 сентября на город хлынуло второе по высоте наводнение (380 см). Историки нашли в прессе того времени «классово» выдержанное объяснение: «Наводнение – наследие царской власти. Раньше правящим классам было не до наводнений. Они чувствовали себя великолепно в своих гранитных дворцах. Только Советская власть приступила к устранению катастроф. В гавани начата постройка. У нас мало средств, чтобы закончить это в один-два года. Но мы это сделаем! Дамба будет закончена и никакое наводнение не будет страшно для Ленинграда!» Екатерина обнаружила «козла отпущения» в лице петербургской полиции, большевики – саму монархию.

Однако на дворе был уже не XVIII, а XX век. Было понятно, что требуются серьезные ресурсы для создания мощной дамбы. Для этого, как это уже часто бывало, не было средств, да и страну одолевали совсем иные проблемы – грядущие перемены во власти в связи со смертью В.И. Ленина, а там – и в стратегии хозяйствования. Да мало ли что еще, пока терявшееся в тумане хоть и недалекого, но будущего.

Справедливости ради надо сказать, что советская власть не один раз подтвердила, что историческое прошлое страны (и Санкт-Петербурга) знала достаточно неплохо. В 1933 году по инициативе главы города С.М.Кирова вновь вернулись к идее П.Д. Базена. Научно-исследовательский институт коммунального хозяйства и жилищного строительства (НИИКХ) закончил проект защитных сооружений, практически полностью повторивший замыслы Базена. Но в 1934 году Киров был убит, начались репрессии, о проекте забыли. Вынашивались идеи о переносе центра города на естественное возвышенное место, в район нынешней площади Победы.

К концу 1950-х годов идея необходимости защитных сооружений от наводнений возникает вновь... Но, с той же неизбежностью на пути встали иные задачи внутренней и внешней политики. Да и бремя «холодной войны» вытягивало огромные ресурсы на оборонные цели. Примечательно, что и в тот раз вновь вспомнили Базена.

Наступил 1979 год, когда было принято решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 745 от 02.08.1979 «О строительстве сооружений защиты Ленинграда от наводнений». Для развертывания строительства и размещения производственных баз предприятий были организованы строительные площадки «Горская», «Котлин» и «Бронка». В 1981 году начались работы по возведению основных объектов. В декабре 1984 году остров Котлин соединился с материком.

Но огромная страна неуклонно сползала в гигантскую воронку системного кризиса. В эти годы на головы населения страны (и Ленинграда, конечно) обрушилась разнообразная экологическая информация. Долгое время эта практически закрытая для СМИ тема, подобно питерским наводнениям, неожиданно затопила страницы газет, журналов, заполнила телеэкраны. Она преврати-

лась в наиболее «горячие» места политических дискуссий. В итоге – в 1987 году строительство было прервано, т.к. чиновники и новоявленные борцы за экономические реформы оказались сильно озабоченными экологическими последствиями создания дамбы.

Однако в 1990 г. независимая международная комиссия пришла к выводу о том, что сооружения комплекса ничего плохого для экологии не несут, и рекомендовала закончить строительство. Но дело было сделано – работы были

остановлены и почти не законсервированы. Государственный бюджет был просто несопоставим с прежними возможностями.

Ныне, после долгих мытарств достраивается дамба, на которую возлагаются основные надежды. В октябре 2004 года строительство возобновилось, хоть и по чертежам 30-летней давности. К делу привлечены серьезные научные и инженерные умы, огромные ресурсы.

Впервые за более чем 300-летнюю историю у жителей Петербурга появилась реальная надежда на окончание многовекового противостояния стихии и человеческого упорства и трудолюбия, основанного на любви к своему городу.

Первые шаги научной метеорологии

В далекие от нас времена лаконичные древнерусские летописи непременно отмечали разнообразные погодные события – засухи, дожди, ранние или поздние зимы и т.д. Но на петербургской земле были открыты первые страницы отечественной метеорологии.

Петр I еще в ранней юности (в 15-летнем возрасте) познакомился с «Дневальными записями Приказа тайных дел» времен его отца. С 1695 по 1724 годы записи о погоде имеются в «Походных журналах» Петра I, которые содержат визуальные метеорологические наблюдения, которые велись во многих районах России и Ев-

ропы, в первую очередь, офицерами, сопровождавшими Петра I в его военных походах, поездках по России и европейским государствам. Из царских записей мы узнаем результаты визуальных наблюдений за погодой, особенно в тех случаях, когда она отличалась необычным характером. Так, в августе 1703 года Нева поднялась на 2 метра, сразу предупредив основателя о своем непростом нраве. Из походного журнала за 1710 год стало известно, что в тот год в Финском заливе впервые была осуществлена разведка льдов. Царь повелел отмечать на стенах городов, монастырей и соборов уровни весеннего половодья.

Начало XVIII века в истории климата осталось периодом сильнейших холодов, многочисленных эпидемий и т.д. Люди той эпохи с изумлением и страхом отмечали небывалые колебания климата во многих странах Европы, которые не помнили даже старожилы. Письменные источники сообщали, что Полтавскому сражению 1709 года предшествовали «снеги великие были и зима тяжкая морозами, от которых премного шведов погинуло...». Похожая картина разворачивалась и в Западной Европе. В Италии земля замерзала на 6 футов в глубину. Река Темза замерзала. Все реки Дании замерзли. На части рек Франции был ледоход, часть замерзла полностью. Не только прибрежные воды Англии были скованы льдом, но даже Темза. Лед у северных берегов Средиземного моря. В Голландии толщина льда на реке Маас достигала 1,5 м. Замерзла река Эбро в Испании.

Как видим, монарший интерес серьезно подстегнуло не только его увлечение мореплаванием. Столь серьезные климатические явления заставили начать систематическое накопление соответствующих сведений. Регулярные наблюдения были поручены моряку - адмиралу Корнелиусу Крюйсу. Создавая новую столицу в болотистом устье полноводной Невы и явно тяготея к сочетанию городского строительства в окружении водных просторов, Петр I не мог не уделить внимание гидрологическим исследованиям. Тем более что Петербург с самого рождения знаменит плохой погодой и наводнениями. Петр произвел, видимо, и первое инструментальное наблюдение над уровнем воды в Неве. 20 сентября 1706 года он сообщал А.Д. Меншикову: «...у меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм». В 1715 году на Неве у Петропавловской крепости

был установлен первый в России водомерный пост. После учреждения в 28 января 1724 года Академии наук Петр указал академикам: «производить повсюду наблюдения за погодой, а в местах важных поручать их надежным лицам». Таким надежным лицом в самой Академии оказался академик Фридрих Христофор Майер. С 1 декабря 1725 года в Петербурге начались регулярные инструментальные наблюдения (их результаты не сохранились), что сделало столицу центром метеорологических наблюдений в России.

Перед нами классическая цепь последовательно разворачивающихся процессов. Интерес к освоению прибрежной зоны (строительство новой столицы), создание отечественного флота, способного к мореплаванию в море неизбежно востребовало и специальные знания, которые дали толчок к развитию *метеорологии*.

Августейший мореплаватель фиксировал не только записи о погоде, но и о магнитном склонении. Наблюдения за погодой велись не только судами военно-морского флота, не только окружением Петра I, но и многими его современниками. В наблюдениях петровской эпохи главное место отводится ветру, его изменениям, описаниям штормовой погоды. В первой половине XVIII века гидрометеорологические сведения используются при подготовке и осуществлении крупных военных операций. В частности, в 1721 году Петр потребовал доставлять в Ригу записи о погоде в Петербурге для того, чтобы «снестись различием климата» и на основании этого принять определенные решения по проведению военноморских операций против шведского флота. Петр первым задался целью сопоставить климат Петербурга и Риги на основе одновременных наблюдений в этих городах. По словам М.В. Ломоносова, Петр понимал, что развитие мореплавания невозможно «без помощи наук». Вопрос о различии климатов разных городов привлекал внимание Петра и в последующее время. Так, в 1722 году ему присылались в Москву результаты наблюдений из Петербурга, а в 1724 году высылались донесения о погоде из Москвы в Петербург. Впоследствии это стало традицией. Судя по архивным данным, сведения о погоде в XVIII веке составляли одну из важных частей донесений главнокомандующему Москвы и других городов и портов России.

Символично, что и основанная указом от 28 января 1724 года Академия наук начала свою деятельность с постановки инструментальных метеорологических наблюдений. В это же время, на другом конце империи в 1725 году Великая Северная экспедиция, под руководством В. Беринга, снаряженная по указу Петра I, организовала около 20 метеорологических станций по пути следования. Первая же метеорологическая сеть в России из 24 метеорологических станций возникла в 1733-1744 гг. также благодаря деятельности Великой Северной экспедиции. Однако эти «локальные» усилия не смогли оживить интерес правительства Анны Иоанновны, увлеченного совсем иными проблемами – личной наживой и политическими спекуляциями в Европе. Лишь около середины XVIII столетия в России начались более или менее регулярные метеорологические наблюдения. В Петербурге наблюдения за температурой воздуха имеются с 1743 года, за осадками - с 1741 года, за Невой – они восходят к 1706 году. Эти материалы и по настоящее время учитываются в научных прогнозах гидрометеорологов.

Создание системы метеорологических наблюдений

Растущие масштабы хозяйственного использования планеты все более настоятельно требовали знания погоды, научных прогнозов. В памяти моряков надолго сохранился «великий ураган» 1780 года на Антильских островах, унесший сорок тысяч человеческих жизней и потопивший свыше 400 военных кораблей. Последний суровый отрезок малого ледникового периода, пришедшийся на первую половину XIX века, привел к серии неурожайных лет в Скандинавии, к «картофельному голоду» в Ирландии в 1845-1847 годах, что вызвало массовую эмиграцию из этих регионов в Америку. Жестокая буря 14 ноября 1854 года разбила англо-французский флот, стоявший в Балаклаве. Жизнь настоятельно требовала организации «службы погоды» для предупреждения о таких бурях¹.

¹ 14 ноября 1854 году на Чёрном море разразилась жестокая буря, разгромившая англо-французский флот. Изрядно потрепанная потерпевшая сторона, возмущённая такими действиями Природы, запросила директора Парижской астрономической обсерватории Леверье, можно ли было заблаговременно предсказать приближение и развитие этой бури. Господин Леверье по тем временам проделал

Мощные колебания климата сказались и на делах в России. Хроника погоды в мире 1840-50-х годов показывает, что экстремальные погодные явления на некоторое время стали почти нормой. Снег в августе уже не удивлял, необычно суровые зимы, поздняя весна, массовые неурожаи, нашествия вредителей, эпизоды среди скота, страшные бури. И длинный список жертв. Убытки, убытки...

Россия в первой половине XIX века вовсе не была в стороне от достижений мировой науки и техники. В середине века начались преобразования в системе Академии наук. Они затронули и те структуры, которые имели отношение к наблюдениям природы, включая и погоду. В эти годы было положено начало систематическим метеорологическим наблюдениям, о необходимости чего в предшествующем веке писал Ломоносов. Еще в 1830 году в Петербурге была учреждена магнитная лаборатория (помещавшаяся сначала в Петропавловской крепости, а затем переведенная в одно из помещений Горного корпуса). При Горном корпусе в Петербурге была учреждена обсерватория, которая не только должна была вести наблюдения, но и снабжать все метеорологические учреждения России проверенными инструментами. В 1849 году был утвержден проект и штаты «Главной Физической Обсерватории» (далее – ГФО), а ее первым директором был назначен академик А.Я. Купфер¹.

большую работу и пришёл в выводу, что траектория бури хорошо прослеживалась с помощью синоптических карт и могла быть предсказана заранее. Это открытие привело к зарождению службы погоды в Европе. На первых порах основной задачей такой службы являлись штормовые оповещения. В Англии в 1854 г. был создан метеорологический департамент, главой которого был назначен адмирал Роберт Фицрой. Одними из первых организовала службу оповещений Франция (1857 г.), затем США (1858 г.), Голландия (1860 г.), Италия (1865 г.), Норвегия (1866 г.), Дания (1872 г.), Россия (1872 г.) и Германия (1876 г.).

¹ Адольф Яковлевич Купфер (1799–1865) – тонкий и одаренный деятель отечественной науки – великолепно знал особенности работы государственного аппарата Российской империи, умел выбирать время и место действия, умел выжидать и отстаивать интересы науки, которой он ревностно служил более 40 лет. В одной из своих записок он отмечал, что использование природных богатств, развитие промышленности и земледелия немыслимы без изучения климата страны. «И в самом деле, – продолжал он, – что может быть важнее для правительства, как не точное познание климата, которое можно приобрести только из последователь-

Создание системы метеорологических и магнитных наблюдений в России явилось для своего времени выдающимся научным предприятием. Однако, по мнению А.Я. Купфера, необходимо было усиление обсерватории, находящейся в Петербурге, превращение ее в центр исследования России в физическом отношении. Поскольку Нормальная обсерватория была первой в Европе, «она должна бы была служить образцом не только для России, но и для других стран, и в этом отношении остается еще многое желать». Для того чтобы деятельность существующей обсерватории соответствовала последним научным достижениям, необходимо «построить новую обширную и каменную».

С основанием Главной физической обсерватории начался качественно новый этап в развитии русского метеорологического дела, главнейшей частью которого являлось создание центральных метеорологических обсерваторий для отдельных краев и морей и подчинение в научном отношении геофизических наблюдений единому государственному центру. Купфер считал, что прогресс в метеорологии может быть достигнут только путем охвата всей страны правильно поставленными наблюдениями за «ходом метеорологических явлений», которые необходимо рассматривать во взаимной связи, в постоянном развитии. Число метеорологических станций начало возрастать, были введены единые методы наблюдений, результаты которых публиковались в специализированных

ных метеорологических наблюдений». В своих обращениях к правительству он особо отмечал, что исследование метеорологических процессов уже с давнего времени привлекает внимание европейских государств, правительства которых оказывают содействие своим «ученым в их разысканиях касательно температуры, давления атмосферы, направлений ветров». По словам ученого, создание службы погоды принесет величайшую пользу человеку, деятельность и сама жизнь которого не будут зависеть от слепого случая. «Россия, – писал Купфер, – в особенности может доставить способы к решению некоторых метеорологических задач, которые без содействия русских наблюдателей навсегда останутся загадками». Уже первые результаты работы ГФО получили признание многих выдающихся ученых своего времени – Дж. Геншеля, К.Ф. Гаусса, Я. Берцелиуса.

изданиях. Позднее эти наблюдения взяли на себя ученые Академии наук, передавшие эстафету профессиональным метеорологам. В середине века потребности самых разных ведомств позволили создать уникальную по масштабам *систему метеорологических наблюдений* – от Балтики до Аляски. К сбору метеорологических данных с разных концов Российской империи были подключены разные ведомства и министерства. От *Горного ведомства* работали физические обсерватории в Петербурге, Екатеринбурге, Гельсингфорсе, Ситхе (Аляска) и от *Министерства иностранных дел* в Пекине. Также действовали метеостанции: по горному ведомству в Златоусте, Богословске, Луганске; от *Российско-Американской компании* – в Аяне; от *Военного министерства* – в Оренбурге; по *Морскому ведомству* – в Николаеве, Херсоне, Севастополе, Астрахани, Архангельске; по *Министерству государственных имуществ* учреждалось несколько станций при сельскохозяйственных школах и фермах. При *Министерстве народного просвещения* метеорологическую информацию поставляли учебные заведения Киевского, Московского, Виленского, Харьковского, Петербургского, Одесского округов, Кавказского наместничества. Таким образом, создавалась одна из самых крупных систем метеорологического мониторинга в мире.

Во время Крымской войны по просьбе департамента внешней торговли российского Министерства иностранных дел Академия наук поручила Купферу дважды в неделю сообщать русскому генеральному консулу в Гамбурге данные «о состоянии температуры воздуха, облачности и о направлении и силе ветра в С.-Петербурге и Ревеле». Эти сведения необходимы были гамбургским торговым кругам, заинтересованным в том, чтобы доставить грузы в балтийские порты России прежде, чем они будут блокированы союзным флотом. Первая телеграфная депеша была отправлена Обсерваторией 23 февраля (6 марта) 1856 года. Однако вскоре в связи с заключением Парижского мира посылка депеш была приостановлена, но ненадолго. Уже в мае она была возобновлена по настоянию Морского ведомства, поскольку было признано, что «телеграфические сведения» о погоде в Кронштадте и Ревеле могут быть полезны мореходам и коммерсантам и после войны.

В 1856 году во Франции была организована телеграфная метеорологическая сеть. Поступило предложение России присоединиться к этой сети. С помощью телеграфа появилась возможность предупреждения циклона и наблюдение за его передвижением. Сведения о погоде в России и за границей стали публиковать в газетах. Так было положено начало «Ежедневному метеорологическому бюллетеню», используя материалы которого мы имеем представление об истории климата в России.

С 1 января 1872 года Главная физическая обсерватория начала издавать ежедневный обзор погоды. Вскоре новый директор ГФО М.А. Рыкачев создал «службу погоды» для Балтийского флота. В портах Балтики были устроены специальные мачты, на которых, вывешивались особые сигналы о направлении и силе ветра в ближайшие часы. Через двадцать лет сеть метеорологических станций настолько увеличилась, что Петербургская обсерватория стала давать прогнозы погоды для железных дорог, сельского хозяйства и речного судоходства.

Метеорологи были одними из первых, кто хорошо понимал необходимость тесного международного сотрудничества. С середины прошлого столетия в связи с расширением сети метеорологических наблюдений в разных странах метеорологи начали ставить вопросы о необходимости стандартизации методов, сроков наблюдений, форм их записи, единиц измерений, публикации результатов и телеграфного обмена данными наблюдений. В тот период Главная физическая обсерватория, являясь одновременно научным учреждением и выполняя функции метеорологической службы России, принимала активное участие в становлении и развитии международного сотрудничества. Директор ГФО академик Г.И. Вильд был одним из инициаторов и организаторов международной метеорологической конференции в Лейпциге (1872 г.) и первого метеорологического конгресса в Вене (1873 г.), на котором были заложены основы будущей Международной метеорологической организации (ММО). На втором международном метеорологическом конгрессе он был избран президентом ММО и нахо-

дился на этом почетном посту до своего выхода в отставку с поста директора ГФО в 1896 г. Обсерватория принимала активное участие в организации Первого международного полярного года (1882–1883 гг.); президентом комиссии по проведению этой международной научной программы был академик Г.И. Вильд.

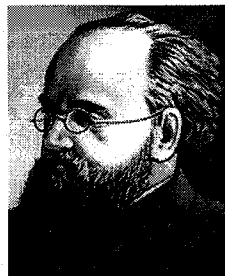
А.И. Воейков – рыцарь метеорологии

Александр Иванович Воейков (1842–1916), русский климатолог и географ, основоположник климатологии в России. Член-корреспондент Петербургской АН (1910). Его работы до сих пор, и в XXI веке, изучаются метеорологами, они и сегодня – актуальны. А ведь его отец – отец Иван Федорович Воейков был участником Отечественной войны 1812 г., которая в представлении многих читателей уже *очень* давнее событие. Вот и пример *близости истории*, если угодно и той самой связи поколений.

По инициативе Воейкова в 1870 создана метеорологическая комиссия РГО, а в 1891 основан первый русский метеорологический журнал. А.И. Воейков был избран действительным членом Русского географического общества. Работа в обществе целиком поглотила А.И. Воейкова. Вся его научная деятельность до последних дней его жизни была связана с этим обществом. Пять раз А.И. Воейков избирался членом совета общества. В 1908 г. он был избран его почетным членом; в продолжение 32 лет был председателем его Метеорологической комиссии.

В те времена метеорологические наблюдения велись только на небольшом числе специальных станций. Составить по их сведениям представление о том, как, например, распределяются в пространстве грозы и дожди, было невозможно. По инициативе А.И. Воейкова Метеорологической комиссией Русского географического общества была создана организация добровольных корреспондентов для осуществления массовых метеорологических наблюдений.

Чтобы завербовать добровольцев, А.И. Воейков написал популярную статью, напечатанную во многих газетах, в которой осветил важность изучения дождей и гроз и призывал широкие мас-

сы любителей метеорологии помочь сбору необходимых науке сведений. Его обращение нашло живой отклик, и вскоре Метеорологическая комиссия получила возможность обработать материал, доставленный добровольными наблюдателями.

С 1885 уже признанный *мэтр* метеорологии занимает должность профессора Петербургского университета. Кроме многочисленных поездок по Европейской части России, Кавказу, Крыму и Средней Азии, он путешествовал по Западной Европе, Южной и Передней Азии, Северной, Центральной и Южной Америке, был в Южном Китае и Японии. Среди многочисленных работ Воейкова наибольшее значение имеет капитальный труд «Климаты земного шара, в особенности России» (1884), в котором впервые была вскрыта физическая сущность и рассмотрена структура сложных климатических процессов, выявлены роль отдельных климатообразующих факторов и взаимодействие климата с другими компонентами природы.

При изучении климатических и географических явлений Воейков впервые применил метод балансов, т.е. сопоставление прихода и расхода вещества и энергии в природе. Обнаружил существование зимой в Евразии полосы высокого атмосферного давления, называемой теперь «осью Воейкова». Предложил классификацию рек по их водному режиму.

Разработанная им классификация рек по гидрологическому режиму является основой последующих классификаций. Александр Иванович заложил основы учения о снеге и палеоклиматологии. Несмотря на повсеместное распространение и длительность сохранения снежного покрова в России, до А.И. Воейкова никто не придавал ему значения, не изучал его. А.И. Воейков буквально «открыл» снежный покров. Он первый обратил внимание на этот важный фактор, подсчитал запасы влаги, содержащиеся в снежном покрове, доказал возможность ее сохранения путем снегозадержания, рассчитал количество талой воды, стекающей в реки и просачивающейся в почву, установил влияние снежного покрова на климат и т. д.

Большой цикл работ посвящен вопросам географии и экономики населения и активного воздействия человека на природу. Он стал одним из инициаторов введения высшего специального гео-

графического образования. Чтобы более полно обрисовать размах творческой деятельности А.И. Воейкова, упомянем о его работах по распределению населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека, о географии человеческого питания, о земельных улучшениях в их соотношении с климатом и другими естественными условиями и, наконец, о воздействии человека на природу. «Тут и климат, и жизненные продукты, и вопросы прироста населения, и разные естественные богатства, и пути сообщения, и многое другое, наглядно представленные в сравнительных величинах по всем странам. Это именно жизненная география...» – так характеризовал работы А.И. Воейкова знаменитый русский ученый-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Он был и патриотом России, идеи разумного отношения в природе и ее ресурсам. Разбирая вопрос о распределении населения, он показывает неиспользованные возможности, ратует за заселение северных и южных районов. Анализ данных о продуктах питания приводит его к выводу о необходимости большего распространения растительной пищи как более дешевой и доступной широким слоям населения и вместе с тем более полезной. Обрушиваясь со всей страстью на хищнические и невежественные формы природопользования, приводящее к уничтожению лесов, обмелению рек, образованию оврагов, А.И. Воейков тут же дает советы по организации снегозадержания, посадкам, осушению болот и других работ.

Краткий рассказ об этом, несомненно, выдающемся ученом можно и далее продолжать. За его именем – много по-настоящему новационных, прорывных идей, воплощенных в новых концепциях и практических делах последующих поколений «колдунов погоды». В 1949 имя А. И. Воейкова было присвоено Главной геофизической обсерватории в связи с её 100-летием.

Петербургский вклад в создание Гидрометеорологической службы страны

Особое влияние на климат России оказывает Арктика, поэтому развитие метеорологической службы подкреплялось экспедиционным изучением островов Севера. А так как к середине 20-х годов стало отчетливо ясно, что в северных широтах на глобаль-

ном уровне пошло потепление, метеорологи удесятирили свое внимание к Крайнему Северу. Так, в 1926 году на остров Врангеля была направлена экспедиция для изучения движения льдов, сбора образцов флоры и фауны, сбора метеорологических данных. В 1927 году работы проводились с использованием самолетов. Летом 1929 года на Землю Франца-Иосифа была направлена экспедиция под руководством известного полярного исследователя О.Ю. Шмидта. Подобные работы велись и в малоисследованных районах Дальнего Востока. В предвоенные годы оформилась мощная и разветвленная *единая система* Гидрометеорологической службы. Она представляла собой большую, разветвленную и слаженную научно-оперативную систему, в состав которой входили республиканские и территориальные управления, крупные научно-исследовательские учреждения, высшие и средние специальные учебные заведения. Постоянную обработку получаемой информации вели более 200 оперативных органов службы прогнозов погоды и водного режима, а поставщиками ее были 2700 гидрометеорологических и специализированных (аэрологических, агрометеорологических, озерных и других) станций и более 9000 постов. К этому времени в Службе работало около 30 тысяч сотрудников.

Создание крупнейшей в мире системы требовало не только объединения многочисленных структур, связанных с изучением и метеорологическим прогнозированием. Как и в других областях природопользования и изучения окружающей среды, в этой области работали блестящие ученые и специалисты. ***Первый в мире специализированный институт*** по подготовке инженеров-гидрометеорологов был открыт в 1930 году в Москве. В 1944 году институт был переведен в Ленинград и стал называться Ленинградским гидрометеорологическим институтом (ЛГМИ, ныне Российский, государственный гидрометеорологический университет — РГГМУ).

Большой вклад в этот период вносят отечественные учёные — С.И. Троицкий, В.М. Михель, А.Ф. Дюбюк, Х.П. Погосян, Н.Л. Таборовский, С.П. Хромов, А.С. Зверев, Б.Л. Дзержзеевский, В.А. Джорджио, В.А. Бугаев, Б.Д. Успенский и др. Среди них — основатель и первый руководитель Гидрометеорологической службы СССР А.Ф. Вангенгейм.

В связи с необходимостью изучения морей 10 марта 1921 года в стране был создан Плавучий морской институт (Плавморин), который в 1929 году был переименован в Государственный океанографический институт (ГОИН), функционирующий в составе Гидрометслужбы и в настоящее время.

30 января 1930 года в Павловской аэрологической обсерватории ГГО произошло знаменательное событие – состоялся выпуск первого в мире радиозонда П.А. Молчанова, открывшего новую страницу истории в изучении свободной атмосферы. Это событие не осталось незамеченным не только в нашей стране, но и за ее пределами. Так, известный английский ученый Н. Шоу в 1930 году писал по этому поводу, что применение этого метода «открывает новую эру в метеорологии». Приоритет России в этой области бесспорен. За границей радиозондирование атмосферы было осуществлено почти на год позже. В связи с началом радиозондирования возрос интерес к изучению свободной атмосферы. Под Москвой, в Долгопрудном, в 1941 году была организована Центральная аэрологическая обсерватория, ставшая центром аэрологических исследований.

Динамичное развитие метеорологической науки и практики шло рука об руку с освоением труднодоступных районов, прежде всего на Крайнем Севере. Имена ученых, исследовавших бескрайние полярные пространства – О.Ю. Шмидта, И.Д. Папанина, В.Ю. Визе были известны не менее, чем известных летчиков. За героической эпопеей спасения экспедиции и экипажа парохода «Челюскин» следила вся страна. Для нас важно сегодня не только подвиг тех людей, но и то, что даже находясь в ледовом плену, академик О.Ю. Шмидт и его спутники выдвинули идею о создании научных станций на дрейфующих льдах. Спустя несколько лет она была претворена в жизнь.

Отечественные исследователи использовали совершенно новые формы изучения климатообразующих факторов, значительная часть которых сконцентрирована на Севере. Все большее развитие получала авиационная ледовая разведка. Сначала она носила эпизодический характер и использовалась лишь для выбора среди льдов наиболее благоприятного пути следования отдельных судов и небольших караванов. В дальнейшем авиационная ледовая раз-

ведка стала производиться ежегодно с февраля по ноябрь, что позволило выявить основные закономерности в изменении ледовых условий от сезона к сезону и от года к году. Гидрологи в содружестве с летчиками полярной авиации на основании анализа наблюдений и обобщения опыта разработали тактику ледовой разведки в зависимости от ее цели, составили детальную номенклатуру льдов и определили методы картирования ледовой обстановки.

В 1936 году на базе Центрального бюро погоды в Москве был создан Центральный институт прогнозов (ЦИП, ныне Гидрометцентр России), в котором была сконцентрирована вся оперативная и научно-исследовательская деятельность в области метеорологических, гидрологических, океанологических и агрометеорологических прогнозов.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в системе Гидрометслужбы страны было уже пять крупных научно-исследовательских институтов, каждый из которых занимался определенными исследованиями.

В этот же период в стране шло бурное освоение Арктики и Северного морского пути. 20-30-е годы оказались насыщены трагическими и радостными событиями, связанными с проникновением в высокие широты. Гидрометеорологическое обеспечение этого грандиозного мероприятия осуществлялось в Главсевморпути в тесном взаимодействии с Гидрометслужбой.

К началу 1930-х годов была создана сеть полярных станций. В это время существенно расширилось международное сотрудничество по изучению Арктики. Так, в период Второго международного полярного года (август 1932 – август 1933 года), в проведении которого приняли участие 44 страны, работали 92 полярные станции Советского Союза.

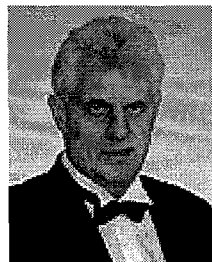
В 1937 году в район Северного полюса под руководством начальника Главсевморпути академика О.Ю. Шмидта была направлена Высокоширотная экспедиция «Север», создавшая первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс» во главе с И.Д. Папаниным и членами экспедиции Е. К. Федоровым, П.П. Ширшовым и Э.Т. Кренкелем.

Накануне Великой Отечественной войны, следует иметь в виду, что на июнь 1941 года в системе ГУГМС СССР функциониро-

вало 3947 метеостанций, 190 аэрологических и 240 авиационных метеорологических станций, располагавшихся в аэропортах. Имелось 35 бюро погоды в республиканских и местных управлениях ГУГМС.

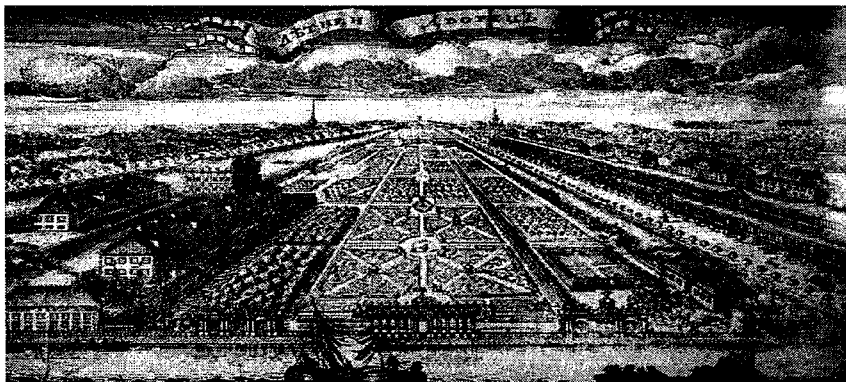
Ныне ведутся серьезнейшие дискуссии о глобальном изменении климата, выстраиваются иногда почти апокалиптические картины не столь отдаленного будущего климата на Земле и, соответственно, последствий для общества. Это слишком серьезная тема в которой, прежде всего специалисты должны серьезно поработать, без вмешательства СМИ или каких бы то ни было общественных структур. В этом смысле Петербург, вполне вероятно, может стать «прогнозной столицей» страны. Для этого есть некоторые основания. Здесь расположена не только знаменитая Главная Геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова (ГГО), центральное научное учреждение, в котором проводятся исследования в области физики атмосферы и климатологии. В Петербурге готовят и столь необходимых специалистов в этой специфической области знаний. В городе не первое десятилетие работает и готовит кадры специалистов уникальный вуз – Российский государственный гидрометеорологический университет. И хотя создан он был первоначально в Москве, в уже далеком 1930 году, но в 1944 году был переведен в Ленинград. Это – первое в мире высшее учебное заведение гидрометеорологического профиля. с первых шагов уникальный характер вуза сделал необходимым создание новационного учебно-методического обеспечения подготовки инженеров-метеорологов, гидрологов, океанологов. К своему 75-летию университет выяснил, что за эти годы 40 тысяч его выпускников получили диплом Гидромета. Среди них были и есть академики, профессора, кандидаты наук, министры и директора, бизнесмены и просто отличные специалисты.

В обращении ректора Льва Николаевича Карлина особо отмечалась роль РГГМУ в мировой системе обучения: «С 50-х годов прошлого столетия Университет стал центром международного гидрометеорологического образования. Выпускники Университета работают в более чем 90 странах мира. Есть среди них известные

ученые, руководители национальных гидрометеорологических служб, крупные международные чиновники. Во все времена существования Университета большое внимание уделялось научным исследованиям. Здесь сформировались крупные научные школы, получившие международное признание».

Далеко не случайно, что среди известных ученых, принявших участие в решении этой непростой проблемы можно встретить фамилии, позднее прославившие отечественную науку в самом широком смысле – В.В. Шулейкин, Н.Н. Зубов, В.А. Великанов, Б.П. Орлов, Е.В. Близняк, А.Ф. Вангенгейм, М.В. Келдыш, М.А. Лаврентьев, А. Н. Тихонов, Н.Е. Кочин, Н.А. Багров, С.Т. Пагава, А.Д. Добровольский, С.П. Хромов и др. В 1994 году соглашением между правительством РФ и Всемирной метеорологической организацией (подразделением ООН) ВУЗу бы придан статус Регионального метеорологического учебного центра ВМО. В 1998 году институт получил статус университета (РГГМУ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ

Что еще за причуда – город экологический. Все города мира имеют и эту сторону своего бытия. Это верно. Но у каждого города своя среда обитания, свои особенности во взаимоотношениях с природой. Есть они и у нашего героя. Петербург за свою трехвековую историю существовал и в этой ипостаси – экологической! Эта сторона важна для любого города мира и постепенно начинает выходить на первый план. Однако, для нашего – особенно. Он построен на неблагоприятных для жизни сотен тысяч и миллионов людей болотистых землях. Не случайно потребовалось вбить тысячи и тысячи свай, чтобы затем воздвигнуть удивительные ансамбли, разбить парки и сады, провести ровные проспекты и улицы. Наконец, город буквально купается в изобилии воды, которую несет Нева, каналы. Существует даже особый мир подземных рек и речушек. Специалисты утверждают, что строительство метрополитена сопряжено с необходимостью преодоления настоящих подземных рек.

Отношения с природой у наших предков складывались совсем не в режиме военных действий. Суровый климат способствовал тому, что россияне были людьми здоровыми, выносливыми в жару и холод. Природа позволила им выращивать по большей части рожь, из которой пекли знаменитый русский черный хлеб – пища достаточно грубая, для незакаленного желудка. Квасы, кислая капуста и другие разносолы русской кухни – далеко не кулинарный

изыск, а добавка к тому же черному хлебу, с которой переварить его организму легче. Колоссальные пространства лесов и степей сформировали русский характер. Малонаселенность этих земель породила знаменитое отечественное гостеприимство, порожденное радостью встреч. Россияне не боялись сворачивать горы на Урале, торговали с Азией и Европой. На взаимосвязь природы и менталитета россиян уже в XIX веке обратили внимание историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский. Много, очень много, из того, что природа веками формировала в россиянах, навсегда растворилось и в населении Санкт-Петербурга, в его жизни – новой, красочной и обремененной повседневными делами, заботами, *свершениями*.

Кажется, выяснили – строить и жить в том далеком Петербурге было и с экологической точки зрения весьма тяжело и непросто. А где жить просто? – спросит читатель. И будет прав. Но в Петербурге постоянным конкурентом человеку выступает окружающая среда, создающая противоречивую, по сути, ситуацию. Вдумаемся – огромное количество воды вокруг, а в городе специально копали линии Васильевского острова – замышлявшиеся каналы. Регулярно, помимо имевшейся воды на город обрушивались наводнения. иногда затапливавшие город так, что корабли по его улицам как по морю шли. Крутом – болота, и хотя на Руси земли – не меряно, приходилось ее еще отвоевывать у моря как в крохотной Голландии. Да еще вбивать бесчисленные сваи. А жизнь на болотах требует отменного здоровья. Поэтому тяжело в Питере жилось тем, у кого жизненных сил было немного.

Географическая среда создает возможность для существования общества – таково мнение специалистов. Человек расселился по всей планете и умудряется выжить в любых обстоятельствах, даже если они далеки от комфортных условий.

Совершим краткий исторический экскурс по наиболее существенным сюжетам экологической истории Санкт-Петербурга – от первых лет со дня основания и до наших дней. Этот путь вовсе не был усыпан розами. Экологические проблемы в Европе были столь же неизведанными, как и в России. Готовых рецептов не было. Итак, в путь!

За срубленное дерево можно и жизни лишиться

В XVI веке крупнейшие западноевропейские страны приступили к освоению своих колониальных владений, рассыпанных по разным континентам земного шара. Практически сделать это можно было лишь при одном условии – строительстве большого военного и торгового флота. При этом к XVI веку в Европе лесов осталось уже мало. Точнее – корабельных лесов. Ближайшим его источником была только Россия. Быстро устанавливаются постоянные дипломатические отношения, в Архангельске разворачивается торговля лесом, дегтем, смолой и другими нужными для Западной Европы товарами.

И развернулась торговля! Да какая! Уже к середине XVII века, во время правления Алексея Михайловича, в России впервые начала ощущаться нехватка леса на севере. Из Соловецкого монастыря поступали в Москву сведения, что «плавежного лесу сечь нечего». Однако царь подписал лишь указ о сбережении заповедного леса где-то в Рязанском уезде. Царь – страстный охотник – заботился больше о сбережении дичи. Ради сохранения гнездовий ловчих кречетов (соколов) он приказал острова, вытянувшиеся цепочкой вдоль восточной части Мурманского побережья, считать «государевой заповедью». Островов было семь, отсюда и пошло название этого заповедного места, сохранившего свой статус заповедника (Семь островов) до наших дней. Несколько лесных массивов для царской охоты особо охранялись под Москвой – Лосиный остров, Измайлово и другие. К Санкт-Петербургу эти решения, возможно, не имели никакого отношения. Впрочем, имели! В Российском государстве рождалось особое направление закона, который стремился установить *правила* отношений человека и природы.

Наиболее решительно меры по сохранению лесов осуществлял Петр I. Историки подсчитали, что во время своего царствования он подписал более 200 указов, инструкций и других документов, связанных с охраной природы. Приоритет отдавался рациональному использованию, охране и воспроизводству лесов, его переработки, подготовки специальных кадров и т.д., причем половина из них относится к корабельным лесам. Забота о будущих потребностях российского флота в древесине заставляла принимать природоохранные указы. Теперь уже самой России потребо-

валось строить корабли, продолжая торговлю лесом. Задача явно усложнилась. Для того чтобы «ногою твердой стать при море», России был необходим мощный военный и торговый флот. Для его строительства требовалось много высококачественного леса. Так, на сооружение только одного 20-пушечного военного корабля требовалось до 3 тысяч отборных деревьев, главным образом дуба и сосны – это совсем не маленький лесок. Стремясь обеспечить верфи строительным материалом и уберечь от уничтожения дубравы и сосняки, Петр I принимал самые энергичные меры.

Одна из первых профессий Петербурга – кораблестроение, требовавшее огромное количество леса. Первая верфь – Адмиралтейская – стала огромным для того времени предприятием, располагавшим различными мастерскими, эллингами (крытыми сооружениями для постройки и ремонта судов), где работали 10 тысяч рабочих по 16 специальностям. В 1706 году на воду спустили первую бригантину, а в 1712 году – 54-пушечное судно. С 1706 по 1725 годы в Санкт-Петербурге было построено 59 крупных военных кораблей, 200 галер, большое число мелких гребных судов. Для столь небывалых масштабов судостроения нужен был корабельный лес. А ведь часть его еще продавалась в другие страны. Отсюда и столь серьезное внимание Петра I к охране лесного богатства.

Необходимые для постройки кораблей лесоматериалы поступали на склады, располагавшиеся на пятачке, образовавшемся между рекой Мойкой и Крюковым и Адмиралтейским каналами (прорытыми в 1717–1719 годах). Этот островок стал именоваться Новой Голландией, ибо древесина там хранилась по голландской технологии.

Проезжая в июне 1693 года через Старую Руссу в Архангельск, Петр обратил внимание на росшие в окрестностях города великолепные дубовые леса, которые и запретил рубить для чего-либо кроме строительства кораблей. В 1703 году он издал указ по лесному законодательству, объявив некоторые категории лесов заповедными. Было учреждено специальное лесное управление, определены функции лесничих, получивших, кстати, свою форменную одежду. По указу царя запрещалась рубка лесов, объявленных заповедными на ширину 50 верст для крупных и 20 верст

для малых рек. «Где леса есть, — говорилось в указе, — и в тех лесах: дуба, клена, вяза, карагача, лиственницы, сосны, которая в отрубе в 12 вершков (вершок = 4,45 см. — В.С.) и больше, рубить никому не велеть».

В последующие годы было издано еще несколько указов, касавшихся охраны лесов, которыми запрещалась рубка спелого («добраго» как сказано в документе) корабельного леса на дрова, и др. Для заготовки дров разрешалось рубить ель, осину, ольху, использовать валежник. Указы предусматривали суровые наказания для нарушителей. «А буде кто сему указу станет чинить противно, — читаем в указе 1703 года, — и на них за всякое срубленное дерево, кроме дуба, доправлено будет пени по 10 рублей, за дуб, буде кто хотя одно дерево срубит, также за многую заповедных лесов посечку, учинена будет смертная казнь...». Наказанию подлежали не только непосредственные виновники незаконной рубки, но и лица, отдавшие подобное распоряжение: «Также кто рубить прикажет, помещик или прикащик: и тех самих, вырезав ноздри и учиня наказание, посылать в каторжную работу...»¹.

По распоряжению царя в окрестностях Санкт-Петербурга вдоль дорог и лесов лесники устанавливали через каждые пять верст виселицы, которые должны были служить недвусмысленным напоминанием, что царь шутить не намерен. После этого не придется удивляться замечанию одного из первых петербургских историков А. Богданова, что «около города нельзя и розги срезать».

Эти указы сами по себе, да еще самоуправство не в меру ретивой местной администрации, нагнали великого страха. Дело доходило до курьезов. Например, жители Заонежья, уstraшившись

¹ Вот лишь очень краткий перечень указов царя, ограничивших рубку леса:

1705 год — указ, запрещавший рубить заповедные леса без челобитья, т.е. без разрешения государственных органов.

1709 год — указ «О чистоте улиц, о мостовой, о избрании на то десятских».

1712 год — царь приказал осмотреть дубовые леса вдоль Волги, Оки и организовать их охрану. В окрестностях же Петербурга — засеивать дубовые желуди. Помещикам под страхом жестокого наказания на их землях запрещено рубить дубовый лес без разрешения лесного смотрителя Адмиралтейской коллегии.

1715 год — категорически запрещено рубить строевой лес на дрова.

1723 год — учреждается должность обер-вальдмейстера для сохранения лесов (3 декабря дается инструкция).

строгих законов, вообще перестали строить суда. Петру I пришлось дать разъяснение, в котором говорилось, что повеление царя имеет в виду сбережение леса именно для судостроения, а никак не ограничение жителей в этом нужном деле. В лесное законодательство были внесены коррективы, смягчающие некоторые положения, например «О позволении рубить во всем Государстве липовые леса».

Дело касалось далеко не только лесов, но и... обуви, каковой для огромной части населения страны являлись лапти. Сооружали их из липового лыка, шедшего не только на плетение лаптей, но и наготовление мешков, нехитрых предметов крестьянского обихода. В 1705 году царь, смягчив указ 1703 года, подписал еще один указ, по которому использование дубовых деревьев для бытовых нужд наказывалось штрафом, трижды превышавшим реальную стоимость древесины.

Вы уже наверняка заметили, что указы природоохранного характера в духе времени носили откровенно жестокий характер. В 1703 году за рубку дуба полагалась смертная казнь. Впрочем, лишиться своей единственной и неповторимой жизни можно было и за недозволенную рубку менее ценных пород деревьев. Так, известно, что на территории Гостиного двора росла березовая роща, которую начали вырубать местные жители. Петр I приказал каждого 10-го повесить, прочих - бить кнутом. Лишь жена Петра Екатерина заменила смертную казнь на телесные наказания. Браконьеры были «наказаны при том месте на Большой перспективной шпицрутеном морским». Досталось негодникам по первое число.

В 1723 году по указанию Петра I была издана «Инструкция обервальдмейстеру», которую можно рассматривать как один из первых природоохранных документов. В ней требовалось обязательно высаживать взамен срубленных дубовых деревьев молодые. За самовольную рубку заповедных лесов предусматривалось наказание. Так было положено начало государственной лесной службе, работники которой по моде того времени были поименованы на голландский или немецкий лад.

Итак, вальдмейстеры и надсмотрщики имели право штрафовать порубщиков. За укрывательство их самих наказывали вырыванием ноздрей и ссылкой на каторгу. Штрафы были огромные -

за каждое дерево приходилось платить по 30 рублей, а при повторном нарушении конфисковывалась треть имущества нарушителя, при третьем - ссылка на 20 лет на галеры с полной конфискацией имущества. Указы читались в церквях, вывешивались на специальных столбах вблизи заповедных лесов «дабы впредь неведеньем указов никто не отговаривался».

Возможно у тебя, любезный читатель, возник вопрос – почему указы царя читали в церквях? Потому, что церковь по другому указу того же Петра, стала частью государства, а он сам стал ее главой. Кроме того, в церкви всякий крещеный человек непременно бывал, поэтому уж точно не мог отговориться незнанием царского указа.

Щепки – в костер, а не в канал

По приказу Петра I впервые начали производить посадки деревьев в ощутимых масштабах. Лиственница вместе с сосной долго была основным строительным материалом во всех городах Севера и Сибири. Чтобы обеспечить этим ценным материалом в будущем строительство новой столицы и морской флот, Петр I решил посадить лиственницу недалеко от Санкт-Петербурга. Лесничий М. Фокель по приказу царя выбрал для этого место к северу от города, на Карельском перешейке, около села Линдула. Посев производили уже после смерти Петра I, в 1739 году, семенами лиственницы, собранными в Архангельской губернии.

В окрестностях Москвы, Санкт-Петербурга, Ревеля, а также в самих этих городах по распоряжению Петра I впервые были разбиты городские сады и парки для отдыха. Разглядывая гравюры с изображением Санкт-Петербурга, на которых запечатлены для потомков исчезнувшие ныне дома, площади, улицы, невольно обращаешь внимание на многочисленные деревья. Будем помнить, что территория, на которой был основан город, была небогата деревьями – осина, кусты ивы. Леса не любят болотистые почвы. Поэтому деревья на гравюрах – это рукотворные парки. Посадки деревьев были обязательной принадлежностью особняков, прекрасно вписываясь в архитектуру города.

В обеих столицах (старой и новой) были заложены специальные аптекарские огороды, в которых выращивались различные

лекарственные растения. Справедливости ради отметим, что первый такой огород был создан еще при отце Петра I – Алексее Михайловиче в селе Измайлово под Москвой. В самой же Москве такой огород появился в 1706 году. Впоследствии на его базе в 1804 году был создан Ботанический сад Московского университета. В Петербурге на одном из островов дельты Невы в 1714 году был заложен аптекарский огород, имевший такое большое значение, что остров так и стал именоваться - Аптекарский. В конце 1725 года, уже при Екатерине I, он стал «Садом ее императорского величества», став не только медицинским учреждением, но и городским парком. В 1823 году он был преобразован в императорский Ботанический сад, став вместе с Ботаническим музеем Академии наук крупным ботаническим центром России.

Особенно строго следили за чистотой рек и каналов. Категорически запрещалось загрязнение рек сточными водами, рубка леса и обработка древесины по берегам, «чтобы от тех щеп и сору оные речки не засорялись». Запрещалось вывозить в каналы и реки мусор, а также сбрасывать балласт со всех кораблей и судов «во всех гаванях, реках, рейдах и пристанях Российского государства». В «Морском регламенте Петра Первого» много статей посвящено незагрязнению рек и морей. При этом Петр I по своему обыкновению устанавливал суровые наказания. Так, солдаты, виновные в засорении Невы, подвергались битью кнутом или плеткой, а офицеры приговаривались к штрафу, а при повторном нарушении – даже разжалованию в рядовые. Указом от 1719 года наказание за загрязнение Невы предусматривалось в виде вечной ссылки на кааторжные работы.

Полиция, впервые организованная именно в Санкт-Петербурге, в числе других многочисленных забот должна была следить и за соблюдением чистоты. Указом императора от 25 мая 1718 года, генерал полицмейстеру столицы предписывалось: «Тако же в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и мостов; и каждому жителю дать указ, дабы все пред своим двором имели чистоту, и сор чистили, и возили на указное место, а наипаче надлежит хранить, дабы отнюдь на реку зимою не возили, а летом не бросали, также протоки и каналы сором не засыпали под жестким штрафом». И в этом был немалый практический смысл –

в большинстве российских городов, где бывали иностранцы. Они писали с удивлением не только о банных традициях, но и о неопрятности улиц, территорий около домов. С недоумением они писали, что рядом с парадным входом в дом можно увидеть бытовой мусор, пищевые отходы и прочее безобразие, разбросанное щедрой рукой хозяев где попало.

Петр, любивший дотошно вникать в практические вопросы, в своих указах (которых он написал великое множество – свыше 4 тысяч) даже писал о том, чтобы щепки, оставшиеся после постройки корабля, непременно использовали в качестве топлива, а не выбрасывали как мусор. Столь любезную сердцу императора Неву защищали указы, запретившие проезд по льду каналов реки на лошадях, обработку бревен и т.д. Полиция не только следила за общественным порядком, но и за чистотой улиц, домов, в известном смысле выполняя функции экологического контроля.

Петр I, в отличие от своего отца, охоты не любил. Поэтому указы о сохранении животных он писал безотносительно охотничьего интереса. Первые строители столицы не были избалованы казенным питанием и стремились разнообразить рацион мясом диких животных. Это привело к уменьшению численности лося. Не случайно поэтому в 1714 году последовал указ, по которому запрещалось «стрелять и бить» лосей, а с нарушителей «взят будет штраф большой, да им же будет учинено жестокое наказание», а в 1718 г. осуществлена попытка акклиматизации мелкой птицы в окрестностях Петербурга.

После смерти Петра I интерес к делам охраны природы явно пошел на спад. Прежде всего, потому что интересы следующих владык огромного государства были весьма далеки от проблем... нет, не экологии. Они были равнодушны к делам морским, флотским. А если забывались корабли, то уж о лесе думали еще реже. Снова на первый план выходит охотничий интерес. Как только во главе страны любитель охоты – сразу же появляется интерес и к сохранению живности. Вот уж точно пример очередных национальных особенностей – охраны живой природы.

Внук основателя Петербурга – Петр III – свою очень короткую жизнь посвятил истреблению лесной дичи, оставляя государственные дела Верховному тайному совету империи. Анна Иоан-

новна – редкий случай в российской истории – была страстной охотницей. Ее указами от 1727, 1732, 1735 годов право охоты вокруг Петербурга, Царского Села и Петергофа было серьезно ограничено. В 1737 году было запрещено ловить и стрелять лосей в Петербургской губернии. В январе 1737 года сенат издал первое распоряжение о разведении под Петербургом зайцев, численность которых сильно сократилась. Одновременно с запрещением отстрела, ловли и травли зайцев в окрестностях Петербурга и Петергофа в радиусе 100 верст «партикулярным людям» запрещалось ловить и стрелять серых куропаток в радиусе 200 верст, а остальных птиц – в радиусе 100 верст от Петербурга. Причиной этому послужила страсть к охоте самой императрицы, не желавшей делиться охотничьими трофеями ни с кем. Позднее Екатерина II вообще запретила охоту на лосей. Свою лепту в сохранение природы внесла и Елизавета Петровна, ограничившая продажу дегтя за границу, что сохранило много леса по стране, хотя и нанесло ущерб интересам государственной казны.

Примечательно, что большинство этих мер касались иногда и других городов, губерний – во всяком случае упоминались и другие места. Но реально применялись вокруг столиц – молодой и старой. Россия пока еще не подошла к европейской *нужде* в сохранении природы. Об этом в дальних углах России еще и не слышали и не ощущали. Преобладало глубочайшее убеждение в неисчерпаемости природных ресурсов России, новые и новые запасы которых открывались по мере изучения страны. Строились новые дворцы, велись войны, сменялись поколения россиян.... А природа страны неуклонно ощущала растущий аппетит человека, стремившегося для своего блага использовать все больше ее богатств. Лишь значительно позднее – в конце XVIII века в недрах правительства появится мысль о передаче корабельных лесов в ведение заинтересованного ведомства – самого военно-морского флота, кровно заинтересованного в их разумном использовании. В XIX веке эта идея будет реализована и в ежегодных отчетах министерства военно-морских сил, наряду с материалами о флоте, появился раздел, освещавший усилия моряков по охране корабельных лесов, посадке молодых деревьев и другие «гражданские» вопросы.

Мир, как ему и положено от сотворения, продолжал меняться. Но вот только *скорость* этих перемен быстро возрастала. К чему это приведет?

Столица, а воду носим ведрами

Экологический порядок в городе начинается с воды. Простая вещь – набрать стакан воды. Как это делали раньше жители Петербурга? Для города, 10 % территории которого занимают реки и пруды, это не должно быть серьезной проблемой. Но это лишь на первый, часто поверхностный, взгляд. Вода была нужна не только для приготовления пищи. Ее требовали парки, фонтаны, мануфактуры, число которых, не в пример XVII веку, стремительно увеличивалось. Возрастало и население города. В 1703 году, когда началось строительство Санкт-Петербурга, историки насчитывают свыше 20 тысяч рабочих. В 1717 году в городе уже насчитывалось 4563 домов (включая и Васильевский остров), в которых проживало около 30 тысяч жителей. В 1725 году население перевалило 40 тысяч человек, составляя восьмую часть всего городского населения империи. Сам город раскинулся на площади более 20 квадратных километров, становясь одним из крупнейших в империи. Такие стремительные для неспешной России темпы роста столицы закономерно поставили вопрос о снабжении ее населения водой.¹

В 1739 году по предложению Комиссии о Санкт-Петербургском строении питьевую воду стали подавать из Лиговского канала «через деревянные подземные трубы из сверленных бревен, шириною в диаметре в 6 дюймов (дюйм = 25,4 мм, т.е. 152,4 мм – В.С.)». В скором времени было проложено несколько линий таких труб, обеспечивавших водой по преимуществу дворцы знати. В наши дни, во время земляных работ, кое-где еще находят остатки этого водопровода, сохранившиеся с XVIII века.

Однако первый петербургский водопровод не мог обеспечить водой все население города. Более того, санитария и гигиена в столице империи оставалась на исключительно низком уровне.

¹ В Лондоне лондонская насосная установка для снабжения города питьевой водой была построена еще в последней четверти XVI века. Вскоре похожие системы появились в других крупных европейских городах.

Более 200 лет назад (в 1789 году) в Петербурге родилось 6,2 тысячи детей, а умерло 8,4 тысячи горожан. Регулярно в городе прокатывались эпидемии опасных болезней. Такова была цена плохой воды.

Весьма наивно было бы думать, что наши предки не ведали о благах водопровода. Знали. В Москве первый водопровод был построен, как свидетельствуют документы, при царе Михаиле Федоровиче. В 1633 году англичанин, часовых дел мастер Галловей, поднял воду из Москвы-реки в Свиблову башню и провел ее отсюда в поварни Государевых Ситного и Кормового дворцов. Конечно, этот первый опыт был проведен для обслуживания царского двора и не оказал благотворного влияния на всю Москву.

Почти 150 лет жители Петербурга брали воду из рек и каналов. Легко догадаться, что это было возможно только потому, что вода в них была достаточно чистой. В районах, расположенных далеко от водных протоков, устраивались колодцы. В 1839 году их в городе насчитывалось 1321. Однако и эта система вскоре оказалась совершенно недостаточной. В некоторых местах города начинают сооружать водокачки, которые подавали воду с помощью весьма несложных ручных насосов. Впервые подобная «водоливная машина» появилась в 1827 году на Исаакиевской площади. К середине XIX столетия в городе имелось уже 37 водокачек, работавших на коммерческих началах. Население пользовалось водой из водокачек за деньги. Горожанину, уплатившему 7 рублей серебром, выдавался специальный билет. Прибитый к бочке, он давал право получать воду в течение года.

Первые эксперименты по созданию водопровода были не очень удачны и ограничивались водоснабжением отдельных сооружений, таких как дворец Меншикова и Мраморный дворец. Археологам удалось найти деревянные водопроводные трубы первой половины XVIII века. Серьезные попытки постройки водопровода начались только в середине XIX века. В 1846 году граф Стенбок-Фермор начал строительство водопровода в Московской и Литейной частях города. Предприятие оказалось убыточным и вскоре перестало существовать. Столь же неудачной оказалась попытка создать в 1853 году «Акционерное общество снабжения Санкт-Петербурга невской водой». Лишь в 1858 году было создано «Ак-

ционерное общество Санкт-Петербургских водопроводов», которое в 1863-64 годах построило водопроводную сеть длиной 115 километров. На Таврической улице напротив Таврического дворца была построена Главная водопроводная станция, которая могла подавать 17,2 тысячи куб. метров воды четырем миллионам человек при норме потребления 43 литра в день на 1 человека. Плата за пользование водой из водопровода составляла от 8 до 12 копеек за 100 ведер воды.

Но снабжать население чистой водой с каждым годом становилось все труднее и, добавим, опаснее для людей. Реки и каналы, куда с начала XIX века начали спускать все городские нечистоты, превращались в источник эпидемий. В 1846 году на берегу Невы, близ Воскресенского моста (в створе современного проспекта Чернышевского), граф Эссен Стенбок-Фермор возвел каменный дом с водокачальной машиной. Но этот водопровод мог снабжать водой лишь малую часть Петербурга. Только в 1859 году «Акционерное общество Санкт-Петербургских водопроводов» начало работы по устройству водопроводной сети, охватившей значительную часть города — территорию между Невой и Обводным каналом. При этом петербургские инженеры постарались в максимальной степени учесть опыт подобных работ в Западной Европе, где проблема питьевой воды стояла не менее остро.

Строительство водопровода в условиях крупного города — сложная инженерная задача, потребовавшая решения непростых технических и теоретических вопросов. Не случайно с началом работ по строительству водопроводной сети стали появляться книги по этим вопросам. В 1829 году напечатан в Москве «Проект о проведении воды в столичный город Москву, учиненный генерал-лейтенантом фон Бауером июня 24 дня 1780 г.». В 1856 году, в Москве, выходит в свет первый учебный курс техники строительства водопроводов на русском языке, который был написан инженером, бароном, А.И. Дельвигом. Его «Руководство к устройству водопроводов», посвященное теории и обобщению собственной практики, было удостоено весьма престижной и уважаемой Демидовской премии. Практические работы по переустройству водопровода в Москве в 1840-е годы принесли известность барону-инженеру.

В конце 50-х и начале 60-х годов водную тему подхлестнуло развитие железных дорог, которые оказались очень заинтересованным заказчиком. Появляются книги, даже проводятся «водопроводные» съезды. О деловом подходе к проблеме свидетельствует, что сначала потребовалось обсудить экономические и правовые аспекты «водопроводной темы». Так, 10 (22) октября 1858 года был утвержден устав Общества Санкт-петербургских водопроводов, которое стало снабжать центральные районы города питьевой водой. И дело начинает продвигаться – городской водопровод был пущен 30 ноября 1863 года. Водопроводную станцию возвели на берегу Невы, напротив Таврического дворца. Мощность ее была 1 миллион 400 тысяч ведер в сутки, или три с половиной ведра (43 литра) на одного жителя той части города, которую охватывал водопровод. Общая длина водопроводной сети составляла 114,5 километров. К 1879 году были построены водопроводы с отдельными станциями для Васильевского острова, Петроградской и Выборгской сторон.

Проблема на этом была еще далека от разрешения. Акционерное общество, извлекая немалые доходы, совершенно не заботилось о качестве воды, которую доставляло населению. По традиции прошлого воду брали из Невы, не подвергая ее какой-либо очистке. Между тем, очень быстрое развитие промышленности, которое бурно протекает в России после отмены крепостного права в 1861 году, несло и неприятные экологические последствия. Ускорились масштабы загрязнения Невы, куда заводы и фабрики сбрасывали использованную в производстве воду. Поэтому требовалась предварительная очистка воды, поступавшей в водопровод. Собственно, это уже входило в практику западноевропейских городов. Лишь с осени 1889 года по решению суда, куда обратились недовольные жители, центральная часть Петербурга стала получать фильтрованную воду. В 1891 году все водопроводные станции перешли в ведение города. А в 1913 году в столице была, наконец, создана единая система водоснабжения.

П.А. Столыпин, вода и экологическая безопасность

Численность населения Санкт-Петербурга росла поразительно быстро. Во второй половине XX века городское население России

увеличилось на 77 %, а в столице – на 270 % ! Сформировался крупнейший промышленный, финансовый, торговый центр государства. Таких темпов никто не мог предполагать. Они породили и серьезные проблемы. Рабочие окраины по санитарным соображениям стали внушать большие опасения. Туда водопровод продвигался исключительно медленно – строить его было делом дорогим, а прибыль иногда даже сомнительна – много ли зарабатывал рабочий люд. Но и надолго откладывать вопрос тоже было нельзя – усиливалась опасность эпидемий. В 1909 году городская дума обсудила вопрос о строительстве систем предварительной очистки питьевой воды, но так и не довела до практической реализации.

Канализация – тема далекая от описания красот города, но вещь совершенно необходимая. А в этом столица огромной империи уступала даже средним городам в Германии и других странах. Чтобы предпринять срочные и весьма необходимые меры, потребовалось решить ряд теоретических и практических проблем, обобщить накопленный в Европе опыт. В 1856 году появилось в печати сочинение А.Н. Безпалова «Водостоки». Русские системы водостоков, преимущественно в применении к Петербургу, были предложены Михаилом Поповым и инженером Александром Бутовым (сведений о которых автор не смог нигде обнаружить). Их способ был опробован в 1872 году в некоторых общественных зданиях Санкт-Петербурга.

Между тем ситуация с бытовыми и промышленными отходами явно обострялась. Санитарное состояние внушало все большее опасение. И хотя финансовая сторона проблемы не была столь сложной как в начале ХХI века, пришлось преодолевать другую преграду – знаменитый российский «авось».

Правительство начинает бить тревогу. Председатель совета министров П.А. Столыпин, выдающийся реформатор в области исключительно жгучих для крестьянской страны аграрных вопросов, стремился преобразовать и экологическую сферу городской жизни. Насколько серьезна была ситуация, судите сами. Слово самому премьеру Российской империи, с трибуны Государственной думы 11 января 1911 г. сказавшему: «Я думаю, что едва ли кому-нибудь удастся доказать, что в городе, в котором число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происхо-

дит от заразных заболеваний, в котором брюшной тиф уносит больше жертв, чем в любом западноевропейском городе, в котором не прекращается оспа, в котором время от времени появляется возвратный тиф, болезнь, давно исчезнувшая на Западе, в котором почва вполне благоприятна для развития всяких бактерий, не только холерных, но, я думаю, и чумных...»

Сильно сказано! Думаете, Петр Аркадьевич стусил краски? Ничуть! Питерский писатель Лев Успенский, вспоминая город начала XX века, писал: «Этот Обводный канал, с его страшной водой, в которой, медленно колыхаясь, плывут огромные пласты какой-то черной гнилой плесени, зловонные, а ведь живые. Его откосы - смертно-пустые, заваленные битым стеклом, ржавым железом, угольной и коксовой щебенкой,дохлыми кошками; мусорные скаты, на которых то тут, то там буйно густятся пыльная, ржавая лебеда, лопухи и крапива...». А ведь написано это было человеком, всю свою долгую жизнь не просто любившего, но *обожавшего* Санкт-Петербург.

Что же предложило правительство? Постройку подземной централизованной канализации и строительство современного водопровода для всех жителей Санкт-Петербурга. Ссылаясь на пример Германии, Англии, правительство пыталось убедить в обоснованности опасений, что строительство подземных коммуникаций привет к разрушению зданий.

Снова предоставим слово Петру Аркадьевичу Стольшину: «Кому, господа, более всего нужна в Петербурге чистая вода и канализация? Ведь не домовладельцам, которые живут в более или менее сносных условиях, не министрам, не нам с вами, а столичной бедноте. Я видел, как эта беднота безропотно умирает в городских больницах, отравленная тем, что каждому должно быть доступно в чистом виде, — водой. Я знаю и помню цифру 100 тысяч смертей от холеры в настоящем году; я чувствую боль и стыд, когда указывают на мою родину, как на очаг распространения всевозможных инфекций и болезней. Я не хочу, не желаю оставаться долее безвольным и бессильным свидетелем вымирания низов петербургского населения... Я, поэтому, стою за принятие закона, который выразил бы не только желание, но и непреклонную волю законодателей. Я хочу не надеяться, я хочу наверное знать, что

при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 15 лет в столице русского царя будет, наконец, чистая вода, и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имея в виду не только Петербург, нет, это необходимо и по отношению ко всей России». К сожалению, П.А. Столыпину оставалось жить несколько месяцев и ему не удалось довести до конца поднятые проблемы.

Вскоре Россия вступила в первую мировую войну, из которой родился 1917 год. Затем трагедия гражданской войны, тяжело отразившаяся и на Санкт-Петербурге. Впрочем, такого названия с 1914 года уже не было, вместо прежнего появилось новое имя – Петроград. Попутно надо отметить, что войны и революции очень близко подвели страну к самому настоящему экологическому кризису. Для примера можно сказать, что в 1921 году в Петроградской губернии при всем старании не смогли найти ни одного лося или другое крупное животное. Парки, сады были сильно вырублены, каналы давно не чистились и забиты разнообразным мусором. Реально городским обустройством городские власти стали заниматься лишь со второй половины 1920-х годов.

Природе хуже! Что делать?

*Природа... всегда права; ошибки же
и заблуждения исходят от людей.*

И.В. Гете

В XIX веке заметно усилилось влияние хозяйственной деятельности человека на природу. Санкт-Петербург стал большим городом, в 1828 году его площадь составляла 54 кв. км, а в 1897 году – 104. Множились его улицы, население, торговля, промышленность. В связи с удорожанием земли в центре города начинают исчезать приусадебные сады, столь популярные в XVIII веке. Все это не могло не привести к обострению экологических проблем. Если в первой половине XIX в. тревога за состояние природы была темой лишь немногих научных трактатов в России, то к началу XX в., в связи с бурным ростом промышленности, проблема взаимоотношения человека и природы все чаще занимает умы ученых и естественно входит в ткань художественных произведений.

Отражая этот возраставший интерес к мерам природоохранного характера, П. Иовский – автор книги «Записки о природе, человеке и обществе», опубликованной в 1845 году, начинает ее весьма примечательным замечанием: «Может быть, только теперь, мы начинаем правильно смотреть на природу, человека и общество».

Во второй половине XIX века усилилось неблагоприятное воздействие на природу. Бурное развитие капитализма вызвало широкий размах вырубki частновладельческих лесов. Спрос на лесоматериалы резко возрос в связи со строительством заводов, шахт, городов, железных дорог. Параллельно продолжалось сведение лесов под пашню.

На рубеже XIX–XX веков, выполняя новый социальный заказ, естественные науки обратились к изучению вековых связей и взаимодействий между предметами и явлениями природы, а также к исследованию взаимного влияния природы и общества. Все эти проблемы характеризуются сложностью и комплексностью. Ошибочно идти по пути разработки только частных научных направлений и технических решений. Человечество должно выдвинуть на передний край науки, цель которых – прогнозировать изменения природы на Земле (на материках и в океанах), выбирать наилучшие варианты размещения хозяйства и населения, предлагать решения, устраняющие отрицательное воздействие человека на природу. Такими науками в наше время становятся экология и география.

Сегодня экология к месту и не к месту употребляется в самых фантастических словосочетаниях. Попробуем хотя бы очень кратко в этом разобраться. Экология – наука, изучающая *взаимоотношения организмов и образуемых ими сообществ между собой и с условиями окружающей среды*. Выделение экологии в особую дисциплину было осуществлено в 1866 году профессором Йенского университета, активным пропагандистом учения Дарвина Эрнстом Геккелем для применения исключительно в сфере биологических наук, главным образом зоологии. Вряд ли можно сомневаться, что основоположнику экологии даже не могло в голову придти, что она даст наименование не только огромной и весьма масштабной сфере деятельности любого государства, но и целой группе проблем, имеющих глобальный характер.

Слово *экология* происходит от греческих корней – учение. Так как термин этот сложный, то он уже в структуре своей несет смысловую нагрузку. По-русски он обозначает «учение о доме». В составе слова «экология» понятие об «эйкосе» (доме) трактуется различно, но обычно в весьма расширенном и переносном смысле – не как собственно дом или жилище, а как *среда обитания*. Под средой обитания человека могут подразумеваться не только дом, природная среда, но и семья, коллектив, город, народ, вся Земля и, наконец, Космос.

Все это относится пока только к «эйкосу», но в термине «экология» остается еще «логос». Если следовать древнегреческому значению этого слова, то это не только «наука», но и «слово», «суждение», «разум», «разумение» и многое другое. Какое же из них выбрать для экологии? Представляется, что подходит, скорее всего, «разумение», которое включает все науки и все сферы деятельности человека.

И это «разумение» не заставило себя долго ждать. В 1883 году в России выходит книга Н.П. Смаковского «Влияние жизни Земли на жизнь и природу человека», который замечает: «Самое грустное явление в жизни человека как направление ума, это равнодушие его к жизни земли и то, что он все счастье своей жизни основал на деньгах; но пора ему подумать и о том, что если земля начнет ему отказывать больше и еще больше, то какие деньги тогда ему дадут то, что нужно для жизни и к какой науке он тогда прибегнет?».

Маховик экологических проблем России раскручивался медленно и достаточно долго. Этому в немалой степени способствовали обширные российские пространства, сравнительно небольшая численность населения. Быстрое развитие промышленности также началось позднее, чем в других развитых странах, но не менее агрессивно по отношению к природе и самому человеку.

В защиту природы все чаще стали выступать писатели. Еще А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, Н.В. Гоголь, Т.Г. Шевченко призывали любить природу совсем не потому, что она полезна человеку, а в силу того, что красива. Другие – Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, В.И. Немирович-Данченко, А.П. Чехов уже ощутили надвигающуюся беду и заклинали людей начать защищать природу. С конца XIX века об этом начала пи-

сать пресса. С 1911 по 1916 год в петербургской газете «Новое время» профессор А.П. Семенов-Тянь-Шанский опубликовал более 20 статей по охране природы.

Однако решение вопроса вовсе не ограничивалось лишь общими рассуждениями и теоретическими спорами. Академик И.П.Бородин - один из первых русских ученых, выступивших за создание специального органа, ведающего охраной природы. Первоначально он предложил создать при Императорском Русском Географическом обществе в Санкт-Петербурге «центральный природоохранный комитет» с участием в нем представителей разных ведомств, особенно Главного Управления Землеустройства и Земледелия, Главного управления Уделов, Императорской Академии наук, Императорского Вольного экономического общества, императорского Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей и Лесного общества.

«В идеале, – писал И.П. Бородин, – конечно, представлялось бы желательным образование природоохранных комитетов в каждой из наших губерний под (хотя бы почетным) председательством самого начальника губернии». При его активном участии в 1912 г. была создана Постоянная природоохранительная комиссия в рамках Русского Географического общества (председатель – статс-секретарь А.С. Ермолов (бывший министр земледелия и государственных имуществ), заместитель председателя – академик И.П. Бородин, секретарь – В.А. Дубенский). Растет тираж природоохранных изданий, как, например публиковавшегося в Санкт-Петербурге обществом любителей природы журнала «Любитель природы».

Подумаем о прошлом ради нашего будущего

21 августа 1836 года на Каменном острове А.С. Пушкин написал стихотворение «Когда за городом задумчив я хожу». Отдых на загородной каменноостровской даче вызывал у Пушкина мысли о превосходстве сельской жизни над городским житьем. И не мудрено: даже сегодня на Каменном острове царит тишина и покой, несмотря на то что рядом шумит, не замолкая ни на минуту, Каменноостровский проспект. Впрочем, в XXI веке и здесь медленно, но идет «освоение» тишины и покоя, что дорого стоит ныне.

Наступил XX век. Экономика России бурно развивалась. Особенно быстрый рост всех отраслей промышленности происходил с 1900 по 1913 годы. Но приблизились великие потрясения – война 1914 года, падение династии Романовых, революция 1917 года. В стране все острее стали проявляться проблемы, получившие в наши дни название *экологических*, причем очевидна связь между кризисом духовным, политическим, экономическим, с одной стороны, и экологическим – с другой. Петроград, в котором сходились все разнообразные связи с огромной империей, возможно, полнее ощущал грядущие события, способные резко изменить весь уклад жизни страны.

Деятели литературы и искусства по-своему предчувствовали и оценивали надвигающиеся события. В поэме «Возмездие» А. Блок подводит поэтический итог тому, к чему пришла человеческая цивилизация к концу XIX века:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Неврастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов...

Жизнь в городе все чаще сравнивалась с деревенской, на природе. Тему, противоположную идее городской, урбанистической цивилизации, стали развивать антиурбанисты, воспевавшие жизнь на лоне природы. Ныне прочно позабытый писатель Пимен Карпов в книге «Пламень» в 1914 году весьма эмоционально писал: «Город, так называемая городская культура, развращает, губит на-

род; спасается он только в деревне, на земле». И далее: «На мертвой, проклятой Богом земле воздвигли каменные гробы - города... О город, логовище двуногих, проклятье тебе! Проклятье, проклятье тебе, палач радости, и красоты, и солнца!». Выдающийся русский философ С.Н.Булгаков, наблюдая безудержное вмешательство человека в природную среду и приводя из Библии слова «Земля проклята за человека», подчеркивал, что природа предстает ему как враждебная сила, вооруженная голодом и смертью, и вся жизнь человеческая получает привкус хозяйственности, «пленяется суете стихий пустых и немощных». Уже упомянутый А. Коринфский также запускает камни в цивилизацию Санкт-Петербурга:

Как будто смертный бой природе объявив,
Громадный город-спрут пьет из нее все соки,
В объятьях каменных безжалостно обвив
Могучую реку и все ее протоки.

Не меньшую эмоциональную реакцию вызывают мысли о растущей зависимости человека от техники. И в этом нет ничего надуманного, искусственного. Каждый горожанин знает и видит многочисленные примеры опасных последствий машинной жизни – травмы на заводах и фабриках, транспорте. Новые машины меняют методы ведения войны, становясь источником огромного беспокойства. У многих вполне разумных людей крепло ощущение, что промышленная цивилизация ведет человека в сторону от природы. Более того – к ее гибели. «Неправильная» городская жизнь, все настойчивее противопоставлялась животворящей и очищающей деревенской природе, изначально присущей и традиционной для русской культуры. В городе все больше виделось средоточие всех мыслимых зол и пороков. М.В. Добужинский в «Эскизе оформления завода», изданном в 1909 году, изображал Петроград, лишенным романтического ореола. Обводный канал; промозглый зимний вечер; рабочие унылой вереницей разгружают баржу, толкая перед собой тяжелые тачки. В очертаниях ультрасовременных металлических конструкций читаются зловещие признаки правящей миром техники. «Дьявол» изображен в виде паука, цепко регулирующего добычу, а человеческая жизнь – в виде тюремного каземата, в котором с обреченностью монотонно кружит цепочка уз-

ников. Действительно, у зрителя мурашки бегали по телу от столь злобещей картины.

Война 1914 года стала предвестницей великих потрясений. «...В терновом, венце революций грядет шестнадцатый год», — писал В.В. Маяковский. Он ошибся на год. Октябрьская революция 1917 года ознаменовала начало построения общества «безбожного гуманизма». Однако уже с 1916 года улицы Москвы и даже Петрограда стали плохо убирать. А через два года город стал почти классической иллюстрацией экологического неблагополучия. Осенью 1919 года, проходя мимо Михайловского замка, А.Блок скажет своему спутнику: «Вот дичает город, скоро совсем зарастет травой...»

И война прошла, и революция. Осталось для нас научное наследие поразительного ученого, жителя Петрограда — Владимира Ивановича Вернадского. В 1914-1916 годы, изучая влияние человеческой деятельности на изменение природы, он начал разрабатывать учение о биосфере — той оболочке Земли, в которой сосредоточено «живое вещество». Раздумывая о том, что же такое живая материя, он пришел к заключению, что появление человека и влияние его деятельности на природу — не случайность, а закономерный этап развития живой природы. Под влиянием научной мысли и коллективного труда объединенного человечества биосфера планеты должна перейти в новое состояние — «ноосферу» (от греческого слова «ноос» — разум).

Человек, однако, так противоречиво устроен, что и самые поразительные научные прозрения не способны изменить его сознание. Конечно же, даже самые отчаянные, крайние точки зрения, не могли трансформировать строившуюся тысячелетиями систему отношений человека с природой. Очень немногим только было понятно, что эти отношения ведут к тревожным результатам — промышленность отравляет землю, воздух и воду. Земля, тысячелетиями кормившая людей, стала давать все меньшие урожаи. Кроме того, надо помнить, что и социально-политическое развитие Российской империи никак не способствовало успокоению умов. Россия на рубеже XIX–XX веков все более энергично продвигалась к глубоким потрясениям.

И все же самое настоящее испытание началось с 1917 года. Острейший политический и экономический кризис, охвативший страну, обернулся большим ущербом и для природы. Вопросы охраны природы до Октября 1917 года ни одна партия, принимавшая участие в политической жизни России, практически даже не затрагивала в своих устремлениях, политических платформах. И дело заключалось вовсе не в том, что страна еще не подошла к тревожной черте в развитии природопользования, высокой степени остроты экономических, социальных и политических проблем, которые породили события Февраля и Октября 1917 года. Россия, ее природа до 1914 года, т.е. до начала мировой войны, и та же природа в 1917 году на взгляд современников уже ощутимо отличались.

Те самые борцы за светлое будущее, которые взяли власть в конце 1917 года, мечтавшие о мировой революции, вообще нигде и никогда до этого даже не упоминали о делах природных, экологических. А когда ухватили эту власть, как лбом наткнулись с первых лет на грандиозные проблемы природопользования. Парадоксальный факт из нашей истории – после Гражданской войны вся страна пережила так и оставшийся никому неизвестным экологический кризис (!). В Петроградской губернии напрочь исчезли лоси, мелкое охотничье зверье. В парках и садах города заметно поредели деревья, которые в на редкость злые от холода зимы население сжигало в бесчисленных буржуйках, закоптивших в ту пору даже центр города.

В советский период практически единственной общественной организацией, занимавшейся экологическими проблемами, была Всероссийская организация охраны природы (ВООП) с филиалом и в Петербурге. В начале 1990-х годов общественное экологическое движение в городе, как и по всей стране, испытало состояние взрыва, приобрело небывалую массовость. Слишком много накопилось гуманитарных проблем в сфере отношений с природой. Появилось множество организаций – в регионах, городах, районах. Не стал исключением и Петербург, где к настоящему времени действуют общественные объединения, включающие представителей разных профессий, слоев жителей города и области, школы и вузы, городские и районные организации, школьников и студентов.

Почти 20 лет назад экологическое движение было одним из наиболее массовых в стране и в Ленинграде, изнемогавшем от всех форм загрязнения. На этой волне много было горячих слов, но до перемен дело не дошло. Ныне появились возможности, энергия властных структур и все тех же общественных организаций, по составу даже помолодевших.

Власть — новая, природа — прежняя

*Все меньше окружающей природы,
Все больше окружающей среды.*

Р. Рождественский

Октябрьский переворот, казалось, открыл дорогу реализации идей планового общественного устройства, гармоничного развития производительных сил, ликвидации противоречий между человеком и природой. Действительно, первые декреты, имеющие природоохранное значение, были подписаны Лениным. Однако первоочередной задачей советской власти стала не реализация природоохранной стратегии, а поиск путей экономического выживания, восстановления разрушенного хозяйства России.

Природа страны потерпела серьезный ущерб в период реализации политики военного коммунизма, причины которого крылись в развитии анархии природопользования (особенно в лесопользовании, эксплуатации животного мира и рыбных ресурсов), отсутствии заинтересованности крестьянства в развитии земледелия. В то же время в ходе восстановления экономики и НЭПа сформировавшаяся система охраны природы вполне соответствовала экономической политике. Более того, она впитала идеи крупных ученых и практиков об основных задачах и целях этой системы. По существу, сложилась по-настоящему «работающая на природу» концепция.

Конфронтационная по своей сути идеология большевизма в середине 20-х годов оказала мощное воздействие на всю концепцию охраны природы. Призвав к коренной ломке общественных отношений, что и было реализовано на практике после 1917 года, она логически включила в сферу этих преобразований и отношение человека к природе. Впрочем, политические вожди страны писали еще более откровенно.

Человек номер два в большевистском руководстве после Ленина, Троцкий, в своей книге «Литература и революция» писал в 1923 году: «Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов. Идеалистическим простачкам может показаться, что это будет скучно, — на то они и простачки. Конечно, это не значит, что весь земной шар будет разграфлен на клетки, что леса превратятся в парки и огороды. Останутся, вероятно, и глушь, и лес, и тетерева, и тигры, но там, где им укажет быть человек». Комментарии тут кажутся просто излишними.

Если переделывать общество, почему не сделать то же и по отношению к природе? Эта точка зрения широко внедрялась в массовое сознание. Лозунг «переделки природы» был обращен не к единицам, а к миллионам. Сама мысль о возможности обособления уникальных участков природы от экономического развития страны, безусловно, казалась еретической, враждебной. Природоохранная идея оказалась в одном ряду с другими областями человеческой культуры, подвергавшимися критике и гонениям — религией, литературой, живописью и т.д. Отстаивать прежние взгляды становится уже далеко не просто. Оспаривать новые взгляды становится просто опасно из-за обвинений в несоответствии марксистским доктринам. Тотальная «политизация» науки в 30-е годы не только стоила жизни многим ученым, но и привела к прекращению работ во всем комплексе наук, изучавших отношения человека и природы. Одни поплатились за это жизнью (В.В. Станчинский, Н.И. Вавилов, Ф.Ф. Шиллингер), другие — годами неволи (Б.Е. Райков, В.Я. Генерозов), третьи — опалой, лишением работы (С.А. Кожевников, В.Н. Макаров, М.М. Завазовский). Несуразность заключалась еще в том, что в этих областях отечественная наука достигла крупных результатов, получив всемирное признание уже в начале 30-х годов. Были репрессированы друзья и ученики В.И. Вернадского. Он пишет письма Сталину, доказывая ошибочность их ареста. В эти трагические 1937-1938 годы Владимир Иванович закончил ныне всемирно известную работу «Научная мысль как планетарное явление», вошедшую в золотой фонд знаний человечества.

Планы индустриализации были направлены на «покорение» и «преобразование» природы. Пятилетки оказали губительные экологические последствия. При этом не нужно полагать, что только в СССР осуществлялась «атака» на природу. Беда заключалась в том, что очень похожие события происходили во всех развитых странах. Цивилизация развивалась настолько быстро, что экологические последствия этого просто не успевали анализировать. Промышленные и топливно-энергетические центры на окраинах советской империи, созданные ценой огромных человеческих жертв и расточительства природных ресурсов, спустя десятилетия стали регионами экологических и социальных катастроф. Советские руководители считали, что в результате научно-технического прогресса зависимость общества от природы будет ослабевать. Наш город отнюдь не стал исключением.

Кран есть, но вода похуже

Оттремели войны, революции в одночасье перевернули старую государственную систему, переделали и привычный уклад старой жизни. Вот только проблемы остались те же, что и до 1917 года. В наследство от дореволюционного прошлого Петроград, а с 1924 года – Ленинград, получил не только роскошные дворцы, парковые ансамбли, памятники архитектуры, знаменитые решетки садов и набережные.

В наследие досталась самая несовершенная канализация, построенная по принципу: сбрасывай все отходы в воду. При таком положении каналам города и Неве грозила жалкая участь превращения в огромную канализационную канаву.

Вот вам пример исторического парадокса – город, окруженный водой, испытывал сильнейшую жажду. Вода снова превратилась в одну из жгучих проблем. Необходимость этих работ диктовалась не только быстрым ростом городского населения, строительством новых предприятий, но и санитарными соображениями – почти половина жилых домов не имела централизованного снабжения водой, особенно на окраинах. Если в сравнительно благополучном 1911 году ситуация внушала серьезную тревогу правительству России, то что же говорить о положении дел после стольких испытаний, которые пережил город в дальнейшем? Между

тем, город вновь набирал силы, возвращая себе статус крупнейшего промышленного центра. Ко второй половине 20-х годов в общих чертах был достигнут довоенный уровень. Задачи восстановления экономики к этому времени в основном были решены. Конец 20-х годов ознаменовался известным переломом в масштабах и темпах развития общества. Начинается свертывание НЭПа, формируются новые взгляды на развитие экономики.

Город понемногу восстанавливался. В 1917 году в нем проживало 2,5 млн чел. К окончанию гражданской войны население сократилось до 722 тыс. чел. Но уже к 1926 году оно более чем удвоилось – 1619 тыс. чел. Эта тенденция будет продолжаться, и к 1939 году в Ленинграде будет проживать 3119 тыс. человек. Это уже несомненные признаки огромного города. Если же к этому присовокупить рост промышленности, то проблема воды предстанет перед нами со всей серьезностью.

В 1931 году было принято решение о прокладке водопроводов, теплотрасс, совершенствования транспорта, энергоснабжения, озеленения городов. Начались работы по расширению системы водоснабжения Ленинграда. В результате к 1940 году система водопровода составила 1305 км труб, подавая жителям ежедневно 166 тыс. кубометров воды (а с учетом промышленного потребления – 274 кубометра).

В 30-е годы обостряются проблемы очистки сточных промышленных вод, объем которых быстро возрастал. Город был весьма привлекателен для строительства все новых и новых заводов, фабрик – Ленинград был уже сформировавшимся многоотраслевым промышленным, транспортным центром. Рабочие и инженеры Ленинграда выпускали сложную, мирового класса технику. Сегодня такую продукцию справедливо именуют *наукоемкой*, а непременным условием для ее производства является высокий профессионализм рабочих и инженеров, наличие *многочисленных* научных центров и кадров. Именно этим требованиям полностью отвечал Ленинград.

Но расширение промышленности при полном небрежении соображениями экологической безопасности неизбежно приводило к ускоренному загрязнению окружающей среды, в том числе и источников водоснабжения. Поэтому совершенно понятно, что уче-

ные начали всерьез задумываться над методами нейтрализации этих последствий. Уже в 1933 году специалисты Ленинградского химико-технологического института разработали эффективный для того времени метод очистки промышленных стоков. Это были лишь первые шаги, далеко не всегда простые уже потому, что для этого требовались деньги, особые материалы.

К сожалению, в головах не только многих руководителей, но и значительной части населения, в неприкосновенности держалось представление о неисчерпаемости природы, которую надо непременно переделывать, поправлять. Сегодня мы знаем, что это ошибочный взгляд. Но в те годы мысль о переделке природы свидетельствовала не только о стремлении окончательно переделать мир социальных несправедливостей, но и о том, что даже природа *должна* подчиниться идеям, которые принесла новая власть. С годами эти идеи блекли, тускнели и, наконец, отошли в прошлое. Конфликт с миром природы перешел во внутренний конфликт. Природа же, как и следовало ожидать, нерушимо сохранила законы собственного развития. Впрочем, вода, несмотря на все старания, лучше не стала.

Прошли десятилетия. Ныне пять водопроводных станций с подстанциями ежедневно дают городу свыше 3 миллионов кубических метров воды, что позволяет расходовать около 560 литров воды на человека. Протяженность же городской водопроводной сети к 1990 году достигла 4243 километров. Однако и сегодня во многих умных питерских семьях воду из водопровода предварительно фильтруют, прежде чем что-то приготовить. Это говорит нам, что проблема воды даже в нашем насыщенном влагой городе, еще далека от окончательного разрешения. В XX веке человек умудрился так испачкать крупнейшее озеро Европы – Ладожское, что экологи уже стали бить тревогу. О судьбе Ладоги и быте современных жителей Санкт-Петербурга можно сказать следующее. Ладожское озеро в прошлом – самое чистое. Вода Ладоги не загнивала при долгом хранении. Со времен Петра ее запасали в бочках на кораблях, отправлявшихся в дальние плаванья. В наши дни Ладожское озеро сильно загрязнено стоками многочисленных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Об этом писал М. Дудин в одном из стихотворений 1995 года:

Пришла страшной любой беды
На Ладогу беда.
Мне чистой ладожской воды
Не выпить никогда.

Живая зелень прошлого

До основания города территория была покрыта хвойными лесами и болотами. Небольшие сады в окрестностях Ниеншанца были уничтожены в начале XVIII века. Ныне лесная растительность сохранилась в лесопарках пригородов и в парках города. Первые сады и парки были созданы в начале XVIII века. Город, по мысли основателя, должен был стать Парадизом – раем. Между прочим, название городу было дано не по имени царя, а в честь апостола Петра, хранящего ключи от рая. А что еще так легко навеивает мысли о райской жизни, как не богатство растений, *живой и красивой* природы? Поэтому Петр I не только сурово карал за порубки леса, но и исключительно энергично *озеленял* любезный его сердцу Парадиз-Петербург.

В 1704–1720 годы был разбит Летний сад, автором его проекта был сам Петр I, архитекторами – И. Матвеев и М.Г. Земцов, садовыми мастерами – Я. Роозен и И. Сурмин. В 1711–1712 годы заложены большой сад при Александро-Невской лавре, Итальянский сад в районе Литейного проспекта (частично сохранился) сад на Васильевском острове (не сохранился и Екатерингофский парк). Регулярные сады начала XVIII века, в конце его сменяются английскими пейзажными парками. Создаются парки на острове Елагин, Каменном и Петровском островах, Таврический сад и др.

Уже на рубеже столетий поредели не только леса почти всех губерний страны, но и самой столицы. Не случайно 2 марта 1800 года император Павел I подписал указ о насаждении березок на Невском проспекте. Повеление это шло вразрез с идеями Петра I, который специально велел строить дома в Петербурге «вдоль красной линии», чтобы перед домами не было садиков и палисадников. Будем помнить, что центр Санкт-Петербурга начала нового века уже мало походил на Невскую перспективу петровской эпохи. Кроме того, где бы гулял пушкинский Онегин в 20-х годах XIX века, если бы Павел Петрович не велел сажать березки? Вспомни-

найте: «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар». Это ведь о Невском проспекте.

В XIX веке, в связи со строительством домов вырубаются городские зеленые насаждения. Это дело, увы, нужное и проводится регулярно. Но ведь мы должны знать, что только к началу XIX века в городе насчитывалось 1700 садов! А вот дальше началось сокращение площади садов, особенно во второй половине века. Городская земля поднялась в цене до небес, началась бурная застройка под жилье. В 1913 году открытые для народа сады, бульвары и скверы составляли всего 166 га.

Садово-парковую культуру Санкт-Петербурга невозможно представить без его с любовью выстроенных и обустроенных пригородов. Осматривая, вживаясь в их очарование, трудно понять — прекрасные дворцовые ансамбли подчеркивают красоту парков, или наоборот.

Петродворец (до 1944 г. — Петергоф) начал создаваться Петром I после окончания Северной войны как парадная царская резиденция. При непосредственном участии Петра I в 1714—1725 годы были разбиты Верхний и Нижний парки. Затем были построены Большой дворец, малые дворцы, Эрмитаж, под руководством инженера-гидравлика В. Тувокова и фонтанного мастера П. Суалема создана водопроводящая самотечная система протяженностью в 25 км, сооружены 3 каскада и ряд фонтанов. Строительство Петродворца осветили своими именами архитекторы мирового класса: И.-Ф. Браунштейн, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, Т.Н. Усов, П.М. Еропкин, М.Г. Земцов, Б.Ф. Растрелли Ю.М. Фельтен, А.Н. Воронихин, А.А. Менелас, А.И. Штакеншнейдер, Н.Л. Бенуа, скульпторы Б.К. Растрелли, М.И. Козловский, Ф.И. Шубин, Ф.Ф. Щедрин, И.П. Мартос, садоводы Л. Гарнихфельдт, А. Борисов.

Петродворец, находившийся на линии фронта во время Отечественной войны, был полностью разрушен. Восстановление его было начато летом 1944 года. В послевоенные годы была проведена огромная работа по восстановлению разрушенных Большого дворца, фонтанов и парков города. Уже в 1945 году, после разминирования и расчистки завалов, парки были открыты для посетителей, а 14 сентября 1947 года был открыт вновь восстановленный знаменитый фонтан «Самсон». В настоящее время действуют три

каскада и 144 фонтана. За годы реставрации были восстановлены многие памятники погибшей декоративной скульптуры. Вновь открыты для обозрения Монплеизир, Эрмитаж и 24 зала Большого дворца.

Город Пушкин (до 1918 года Царское Село, до 1937 года Детское Село) с 1725 по 1917 годы был летней царской резиденцией. В 1743–1755 годы здесь сооружается Большой (Екатерининский) дворец в стиле русского барокко (арх. Б.Ф. Растрелли и С.И. Чевачинский). В 1792–1796 годы воздвигается выдающееся произведение русского классицизма — Александровский дворец (арх. Дж. Кваренги). Над созданием комплекса парков (общая площадь их достигает 700 га) и архитектурных сооружений работали архитекторы Ч.Дж. Камерон, В.И. и И.В. Нееловы, А. Ринальди, Ю.М. Фельтен. Во время Великой Отечественной войны город также оказался на линии фронта и подвергся варварскому разрушению. Восстановительные работы начаты были еще в 1944 году.

В число лучших образцов мирового садово-паркового искусства входит парк в городе Павловске. Его три основных стиля — пейзажный, регулярный и итальянский — делают пейзаж Павловского парка (арх. Ч. Камерон и В.Ф. Бренна и художник-декоратор П. Гонзаго) чрезвычайно богатым и разнообразным. В центре садово-паркового ансамбля Павловска сооружен в 1778–1786 годы Большой дворец (архитектор Ч. Камерон, перестроен в 1797–1799 гг. архитектором В.Ф. Бренна). Рядом с дворцом расположены регулярные парки: Собственный садик с павильоном «Три грации» и Большие Круги. От дворца к реке Славянке ведет большая каменная лестница с декоративными вазами и фигурами львов. Обширная территория разбита на пейзажные участки с круглыми площадками, от которых радиально расходятся просеки-аллеи, — таковы «Большая звезда» и «Белая береза». Разнообразные постройки, живописные мосты и скульптуры вписываются в пейзаж парка. Парк украшают «Храм дружбы» и «Колоннада Аполлона» (арх. Ч. Камерон), «Памятник родителям» (арх. Ч. Камерон и И.П. Мартос) и «Мавзолей» (арх. Т. де Томон и И.П. Мартос). В годы Великой Отечественной войны парку был нанесен большой ущерб: вырублено 70 тыс. деревьев, разрушен дворец, взорваны мосты и плотины, выведена из строя мелиоративная система.

Создание дворцово-паркового ансамбля города Ломоносова (до 1948 года – Ораниенбаума) было начато А.Д. Меншиковым, получившим эти земли в подарок от Петра I. В ту уже далекую эпоху был построен Большой дворец, разбиты Верхний и Нижний парки. Во второй половине XVIII в. под руководством архитектора А. Ринальди были построены дворец Петра III, Китайский дворец с великолепным убранством внутренних помещений и павильон «Катальная горка». Парки и дворцы Ломоносова хорошо сохранились, так как не были захвачены врагом во время Великой Отечественной войны.

Гатчинские парки и дворец были созданы в 1766–1772 годы (арх. А. Ринальди). В конце XVIII в. был возведен военный городок-крепость столь милый сердцу цесаревича Павла I. В сооружении дворцово-паркового ансамбля большую роль играли архитекторы В.Ф. Бренна, Н.А. Львов, А.Д. Захаров. Гатчинские парки и дворцы были сильно повреждены во время Великой Отечественной войны и восстановлены лишь частично.

8 1874 года был открыт Александровский сад у Адмиралтейства. Он раскинулся на том месте, которое с момента постройки Адмиралтейства было свободно от застройки. Происхождение этого пустого места в центре российской столицы связано с двойной ролью, которую более века играло Адмиралтейство: оно было не только верфью, но и крепостью, оборонявшей вход в Неву. В 1806 году оборонительные сооружения в двух шагах от царского дворца были ликвидированы за полнейшей ненадобностью. На их месте сначала был разбит бульвар, ставший, наряду с Летним садом, популярным местом прогулок петербургских аристократов. В преддверии 200-летия со дня рождения Петра I начались работы по созданию Александровского сада (1872–74, проект Э.Л. Регеля). Площадь сада 10 га. В центре в 1880 г. сооружен фонтан (арх. А.Р. Гешвенд).

В годы блокады ни одно из деревьев не было срублено на дрова, однако сад очень пострадал от обстрелов. Правда, именовался он иначе в советское время. Только в конце 1980-х годов Исполком Ленгорсовета переименовал «Сад трудящихся имени А.М. Горького» в Адмиралтейский. Между прочим, старые петербуржцы говорили, что в дореволюционные годы сад они между

собой именовали «Жоржиков сад». Это, на первый взгляд странное название дали многочисленные молоденькие морские мичманы, которые во множестве фланировали в саду, покоря женские сердца. Душки-мичманы в те далекие годы на городском сленге именовались «жоржиками».

Зеленые пригороды — не только чудесная оправа Санкт-Петербурга или исторические архитектурные ансамбли. Они всегда были еще и своеобразными «легкими» города, принимая на себя промышленный и транспортный дым, оказывали огромное влияние на всю экологическую обстановку столицы. С давних пор в пригородах строились дачи, даже тогда, когда и в самом Петербурге не ощущалась дымная копоть заводов, котельных. Просто была кругом зелень, дома не жались друг к другу и на этом отдыхал взгляд, а за ним и души людские.

Чтобы жить — на каждого не меньше 10 м² зелени

Бурные события 1917 года, гражданской войны, хозяйственной разрухи — все это тяжело отразилось не только на уровне и образе жизни человека, но и на всей совокупности факторов, составляющих среду его обитания. Ее резкое ухудшение привело к многочисленным эпидемиям опаснейших заболеваний. Из воспоминаний современников и документов нетрудно составить общее представление о качестве воды и пищи, потреблявшихся населением в ту эпоху. А.М. Горький в одном из писем писал об ужасающем состоянии даже центральных петроградских улиц. Осенью 1919 года, проходя мимо Михайловского замка, А.Блок сказал своему спутнику: «Вот дичает город, скоро совсем зарастет травой...». Не лучше было положение и в других городах.

Тяжелейшие времена переживают города, концентрировавшие промышленный и интеллектуальный потенциал, являвшиеся политическими центрами. О запущенности городского хозяйства газеты с тревогой писали еще с 1916 года, когда даже в Москве небрежные улицы становились повседневной реальностью. И все же именно с 1917 года деградация городов развивалась ускоренными темпами. Положение усугублялось продовольственным и топливным кризисом, опустошившим городские сады и парки, пригородные леса и населявшую их живность. Практическое отсутствие

коммунальных служб, множившиеся коммунальные квартиры, буржуйки – все это стремительно изменило облик большинства крупных и средних городов России. Их состояние было таково, что практически без дискуссий в новую программу большевиков в марте 1919 года был включен пункт о необходимости «оздоровления населенных мест (охране почвы, воды и воздуха)».

Одним из результатов 1917 года было изъятие из частных владений десятков садов и парков: у Зимнего и Аничкова дворцов, сады «Спартак», «Куракина дача» и др. Реконструируются старые и создаются новые сады и парки. В 1920–1923 годы разбивается партерный сад на Марсовом Поле (арх. И.А. Фомин). Произведена перепланировка парка на о. Елагине (арх. Е.И. Катонин, стрелка острова – арх. Л.А. Ильин), разбиты бульвары на Большом проспекте Васильевского острова (арх. И.А. Фомин, В.В. Данилов, Л.А. Ильин), сквер на Пушкинской площади (арх. Л.А. Ильин), сад им Карла Маркса, сад им 9-го Января. Во время Великой Отечественной войны погибли сотни тысяч деревьев и кустарников, зеленый фонд сократился на 700 га.

Знакомство с публикациями газет, журналов и архивов революционных лет позволяет утверждать, что новые власти задумывались и о будущем городов. С их точки зрения наиболее привлекательной была идея «города-сада», предложенная английским экономистом Э. Говардом в книге «Города-сады завтрашнего», опубликованной в 1902 году в Лондоне. Именно как составные части будущего города-сада в Петрограде предлагалось строительство крупных зоопарков в 1918 году, проведение больших озеленительных работ. Концепции города-сада отдал предпочтение Петросовет в 1919 году, определяя перспективы развития города.

Ломавшая все, что напоминало о прежней империи, послереволюционная Россия стала чрезвычайно благоприятной средой для многих экстравагантных идей и проектов. Фантастично мешалось в сложный клубок отрицание всей (или почти всей) дореволюционной культуры и ее замена новой, борьба с церковью и насаждение новых ритуалов и традиций, попытка пересмотра «буржуазной» этики, «переделки» природы, столь повлиявшая, в конце концов, на организацию охраны природы. К этой фантазмагории относится и идея города-сада, воспетая не только В.В. Маяков-

ским, но неожиданно проявившаяся в начале 30-х годов. Так, известнейший французский архитектор Ле Корбюзье предлагал оставить от старой Москвы лишь наиболее известные исторические памятники, а новый город строить вообще на новом месте. К счастью, для реализации этой и многих иных идей просто не хватило средств, а те, что удавалось собрать, требовались для подъема хозяйства.

Уже в 20-е годы специалисты высказали соображение, что норма насаждений на 1 жителя в 10 м^2 – минимально необходимая. При ее уменьшении заметно возрастал показатель смертности (на 1000 чел.) – до 22,7 против 15,7 при соблюдении нормы озеленения. Газеты начала 30-х годов были буквально переполнены многочисленными сообщениями о ходе повсеместно проводившихся озеленительных работ, не требовавших специальной техники и оборудования, крупного финансирования, подготовки специалистов.

Кстати, уместно напомнить, что озеленение помогает неплохо бороться с шумом, которого в большом городе всегда много. В эти годы встали и проблемы шумового загрязнения городов, по поводу которых предпринимались определенные меры. Так, в Москве был введен запрет на автомобильные сигналы типа «сирена», проезд гремящего транспорта, что сделало ее улицы более тихими, снизило уровень шумов. К 1936 году в Ленинграде были изготовлены первые образцы бесшумных трамваев – так первоначально называли троллейбусы.

Ведется борьба с бессмысленным уничтожением насаждений в ходе строительных работ. Специалисты подсчитали, что 10 % земли, выделявшейся под жилищное и 20 % – под промышленное строительство, надо отводить исключительно под зеленые насаждения, что может нейтрализовать ущерб, наносимый строительством природе. На состоявшейся в марте 1933 года 1-й Всесоюзной конференции парков культуры и отдыха, созванной ВЦСПС, Госпланом СССР и Наркомхозом РСФСР, были подведены итоги озеленительных работ после июньского пленума 1931 года. За это время в крупных городах было создано 60 новых парков. Работы широко велись и в Ленинграде. В его пригородах создавались зеленые поясы. В духе эпохи даже разворачивается соревнование между Москвой и Ленинградом, проводятся многочисленные субботники и т.д. В 1940 г. зеленые насаждения составляли 2933 га,

в том числе насаждения общего пользования — 1044 га, на одного жителя приходилось 9,5 кв. м зеленых насаждений.

Благоустройство города включало восстановление пригородных лесов и парков, природе которых был нанесен огромный ущерб. Работы нередко проводились не по указке «сверху», а по желанию горожан, поддержавших идею озеленения и собственно глубоко заинтересованных в ее результатах. В эти годы расширение промышленности шло параллельно с масштабными озеленительными работами в городе.

За первые десять послевоенных лет были восстановлены все городские сады и парки. Площадь зеленых насаждений за послевоенные годы увеличилась примерно на 9000 га, были созданы новые парки, десятки садов, скверов и бульваров. Разбит сад вдоль Невы за зданием Смольного, сад «Олимпия», скверы на площадях Ленина, Революции, Восстания, Кировской, Островского, у Казанского собора. Широко проводится озеленение улиц. Озеленены, хоть и крайне скудно, Невский и Лиговский проспекты, многие набережные Невы. В центре города зеленый ансамбль включает Марсово Поле, Летний и Михайловский сады, площади Искусств и Манежную, эспланаду Кленовой аллеи Сады у Зимнего дворца и сад трудящихся им. М. Горького соединены с зеленым массивом площади Декабристов, сквером на Исаакиевской площади и озелененными набережными Невы. Намечено создать зеленую зону, соединяющую Приморский парк Победы с центром города, в нее войдет парк им. В.И. Ленина, бульвар на проспекте Добролюбова и парк на Петровском острове. К 1970 году была закончена первая очередь Южно-Приморского парка. В 1981-1990 годах в городе к зеленой площади добавилось свыше 1700 гектаров. Сады, парки, скверы создавались практически в каждом районе города, где велось массовое жилищное строительство.

Зеленая среда жизненно необходима каждому. Они не только влияют на здоровье, но придают дополнительную красоту городу, пленительно дополняя его дивные ансамбли. Каждый год в Ботаническом саду Санкт-Петербурга происходит чудо, придающее белым ночам еще большую загадочность — зацветает «Царица ночи». В обычное время это ничем не примечательное растение, расцветающее раз в год и всего в течение одной ночи.

Обычно о том, что зацветает «Царица ночи» объявляют по радио и множество людей спешат на Петроградскую сторону, в Ботанический сад, чтобы увидеть это чудо. Этот отнюдь не разрекламированный праздник является таким же символом нашего города, как «кораблик» Адмиралтейства или «Медный всадник».

Петербург, желающий зеленеть

В 1990-е годы работы по озеленению практически прекратились из-за элементарной нехватки средств. Да и на жителей города как из рога изобилия посыпались проблемы, о которых просто никто в большинстве своем не испытал – безработица, ужасающая инфляция, невиданная по наглости и масштабам приватизация и еще много другого. Одновременно были остановлены и строительные работы. Поэтому старые сады и парки просто никто не трогал. Впрочем, в 1994–1995 годах в Центральном, Адмиралтейском, Василеостровском, Петроградском районах начали строиться бульвары, детские площадки, благоустраиваться сады и скверы с применением малых архитектурных форм, газонных ограждений, дорожных плиточных покрытий.

К концу 90-х годов общая площадь зеленых насаждений в Петербурге превышала 31 тыс. гектаров (общего пользования – 12 664 га). На этой немалой площади размещались 68 парков, 166 садов, 730 скверов, 232 бульвара, 750 озелененных улиц города. Но не будем с благостным умилением цифрам дать себя гипнотизировать. Этого в 3–4 раза меньше все той же «волшебной» нормы в 10 м² на человека. Но даже и эта статистика весьма путаная и ныне.

Лесопарковый пояс Санкт-Петербурга расположен большей частью в границах Курортного, Приморского, Выборгского, Красносельского и Петродворцового районов, а также во Всеволожском, Гатчинском, Выборгском и Ломоносовском районах Ленинградской области. Общая площадь пригородных лесов на 1 января 1995 года составила 143 тыс. га. На этой площади проводятся за счет финансирования из бюджета благоустройство лесопарков, мероприятия по охране леса и противопожарные, а также лесоустroительные работы: рубки и прочистка лесных массивов.

С начала же нового тысячелетия ситуация стала выправляться в лучшую сторону. В результате уже в 2088 году на озеленение

было выделено 1,5 млрд рублей. Уже несколько лет подряд проводятся массовые (т.е. с участием самих горожан) посадки деревьев, кустарников, цветов. Но рядом с позитивными событиями нередко соседствуют и с иным знаком. По городу прокатилась волна точечной застройки, в ходе которой неуклонно стали исчезать зеленые оазисы горожан.

Ситуация складывается запутанная. Еще в 2005 году городские власти собирались довести озеленение до желанной нормы, но не удалось. Теперь к 2015 году все те же власти поставили задачу даже превысить эту неуправляемую пока норму. Но к тому времени и отступать уже будет некуда — в городе произошел «взрыв» любви к автомобилям. Они заполонили улицы, образуют многочисленные «пробки» и все время из их выхлопных труб вылетает масса продуктов сгорания, дышать которыми врачи категорически не рекомендуют. В такой обстановке впору к 2015 году будет ходить в противогазах, если город не предпримет особых усилий по озеленению. Настоящим врагом зеленых площадей стала уборка улиц. С поразительной расточительностью зимой по всему городу рассыпается соль, которая затем, естественно, впитывается в почву. А ведь на этой же земле растут все питерские деревья, которые соль просто губит.

Основу экологического здоровья города составляет в значительной мере озеленение. Кризис его не сопровождается взрывами, пожарами, наводнениями, землетрясениями, т. е. видимыми следствиями катастрофы. Он проявляется медленно, на первый взгляд даже незаметно. Просто чаще болеют люди, сокращается средняя продолжительность жизни горожан. Ослабевают связи горожанина с природой, снижается его культурный уровень, повышается агрессивное отношение к другим людям. «Бесшумное» развитие кризиса озеленения создает впечатление, что озеленение города не является первоочередной проблемой, с ее решением можно подождать до лучших времен, наступление которых отодвигается на неопределенное будущее.

Парадоксальность проблемы в том, что озеленение является эффективным и относительно дешевым средством экологической защиты города. Затраты на озеленение составляют всего около 5% затрат на жилищное строительство. Однако это не означает, что

она столь проста. Проблема озеленения — это проблема комплексная, охватывающая финансирование, планирование, проектирование, эксплуатацию зеленых насаждений, создание малых форм архитектуры и усовершенствованных покрытий садово-парковых дорожек и площадок, производство семенного и посадочного материала древесно-кустарниковых и цветочных растений, разбивку и ремонт газонов. В решении этой проблемы важную роль могут сыграть и образовательные учреждения нашего города. Здесь все важно. Однако самое главное — наша заинтересованность, личная и на всю жизнь.

Ну действительно, не заводить же противогазы или автоматы, продающие глотки чистого воздуха для горожан.

Санкт-Петербург невозможно представить без садов и парков. Вода и зелень — вот символы будущего этого прекрасного, умного города.

Куда деть мусор?

Ежегодно в Петербурге образуется от 7 млн кубометров бытового мусора, и эта цифра из года в год растет. Сегодняшний житель города в год «дает» окружающей среде 1,42 м² мусора, а по другим нормам — даже 2 м². А если прибавить горы мусора от промышленных предприятий, строек и т.д. — становится просто жалко окружающую среду. Как она еще терпит подобное экологическое хулиганство и надругательство?

Вы думаете этот вопрос только сегодня доставляет массу проблем администрации и жителям Санкт-Петербурга? Ничуть не бывало. В начале этого раздела мы уже писали, что Петр I весьма свирепо пытался бороться с загрязнением новой столицы. В дальнейшем, вместо угрозы наказания, люди просто создали специальную службу, которая вывозила из города все отходы. Однако, когда население намного перевалило миллионную отметку, мусор стал серьезно мешать. В начале XX века единственным способом борьбы с растущими монбланами мусора виделось отцам города строительство мусоросжигательных станций. Одна из первых и была построена недалеко от Волкова кладбища. А для того, чтобы бытовые отходы без задержки отправлялись в жаркую топку станции, 15 (28) января 1907 года Городская дума приняла постанов-

ление о вывозе мусора и отходов. Во дворах домов запрещалось иметь помойные ямы, а сбор мусора стал осуществляться в специальные баки. Решение было, безусловно, разумное и, между прочим, выполняется до сих пор, хотя мы об этом даже не предполагаем. Сначала постановление думы распространялось только на район Коломны, но вскоре было распространено на другие центральные районы Петербурга.

К середине 20-х годов появилась возможность направить материальные ресурсы на восстановление и последующее развитие городского хозяйства, улучшение среды обитания горожан. Предпринимавшиеся в этом направлении меры были далеки от романтической идеи города-сада, но зато были конкретны и действительно необходимы. К их числу относится одна из труднейших проблем всех крупных городов – утилизация и уничтожение мусора. В 1926 году в Москве была построена специальная мусоросжигательная станция производительностью 160 т в сутки, сортировавшая и даже производившая из мусора топливные брикеты.

Примерно в это же время занялись свалками мусора и в нашем городе. Правда, «огненная переработка» не получила, в отличие от столицы, особого развития. Занялись механической сортировкой и последующей переработкой. Собственно, сама проблема утилизации отходов была поставлена на самом высоком уровне в правительственном распоряжении 1927 года. Для того времени этого было достаточно. В начале XXI века в Петербурге была организована биржа отходов, на которой можно приобрести «чужой» мусор, который после переработки вновь становится нужным продуктом. Успешность этого начинания свидетельствует о том, что мы только учимся хозяйствовать экологически грамотно.

Вторая половина XX века превратила мусор из субстанции далекой от красот и романтики Петербурга в его быстро растущего и опасного противника. Речь шла не о том мусоре, которого сейчас более чем достаточно на улицах. Этого, кстати, почти не было до середины 1980-х годов. Бросить какой-либо мусор на улице считалось просто неприличным поступком.

Угрожающе растет количество бытового, промышленного мусора, собираемого по всему огромному городу. Действуют два специальных мусороперерабатывающих завода с устаревшей тех-

ником и технологией. Принята «Концепция обращения с отходами в Санкт-Петербурге на 2006–2014 годы». Однако мусорные полигоны переполнены и нуждаются в рекультивации. Рынок вторсырья испытывает большие проблемы: невысокие цены на вторсырье делают многие технологии переработки мусора нерентабельными, а значит нежизнеспособными.

В таком далеко не романтическом деле без новационных прорывов уже не обойтись. Да и ждать некогда – ежесекундно все новые и новые кубометры мусора продолжают складываться в весьма опасную для каждого жителя города *окружающую среду*, далеко от столь благоуханной *природной среды*, которую Петербург начал терять еще в конце XIX века.

Подышим... от выхлопной трубы

Если уважаемый читатель посмотрит живописные полотна (или некоторые кинофильмы первой половины XX века) прославлявшие промышленное развитие страны, он без труда обнаружит не только изображения заводов, фабрик, паровозов и массы других атрибутов индустриальной мощи. Легко увидеть густо дымящие трубы, домы, пароходы. Это своеобразный символ той эпохи.

Одной из острых проблем городской жизни была сильная задымленность воздуха из-за многочисленных печей в жилых районах, котельных и т.д. Наиболее оптимальным решением было проведение теплофикации, в ходе которой можно было ликвидировать многочисленные мелкие котельные, печи в квартирах. Работы эти были весьма дорогостоящими и велись в небольших масштабах, охватывая наиболее важные предприятия и учреждения. В Ленинграде сооружение теплопроводной сети началось с 1925 года и к началу 30-х годов она была крупнейшей в стране (16 км) и второй в Европе (после Гамбурга), обеспечивая теплом 95 крупных объектов.

К середине 30-х годов в Ленинграде было запрещено строительство предприятий, загрязнявших воздух. С 1937 года налажена механическая поливка улиц в центральных районах города, началось создание 10-километровой лесной зоны, проведение озеленения Московского, Пулковского шоссе, а также в районах жилищного строительства.

Крупные ТЭЦ давали большое количество сажи и вредных соединений. Так, в 30-е годы на 1 кв. км в городе выпадало от 500 до 750 т сажи. Поэтому в середине 30-х годов на электростанциях были установлены дымоуловители, оборудовались специальные фильтры для очистки промышленных выбросов в атмосферу.

Проводились и первые опыты по применению природного газа в качестве горючего для автомобилей и тракторов. Работы велись параллельно со строительством Горьковского автозавода. Идея использования природного газа была поддержана Орджоникидзе, благодаря чему, собственно, она и дошла до стадии испытаний. В 1935 году под Ростовом-на-Дону были проведены первые опыты такого рода на автомобилях ГАЗ, развивших скорость 80 км/ч, практически не загрязнявших атмосферу вредными веществами. В дальнейшем, несмотря на то что в те же 30-е годы были разработаны все узлы, необходимые для использования газового топлива на автомобилях, даже началось их серийное производство, работы были прекращены. С начала 30-х годов были предприняты первые попытки использования в промышленности солнечной энергии.

Только за последний год количество зарегистрированных в городе машин увеличилось на 10 % – с 242 машин на 1000 петербуржцев до 266. Москвичи считают, что даже у них меньше «пробок» на улицах, чем в Петербурге. Тысячные «толпы» машин с работающими двигателями, заполняют городскую атмосферу отнюдь не поливитаминами и не озонируют ее. Город получил классическую головную боль, от которой страдают все крупные города мира. Кстати, эта проблема буквально «съедает» многочисленные памятники, успешно выдержавшие испытание временем. В списке уже реставрировавшихся по экологическим причинам памятников кони на Аничковом мосту и Ломоносову на одноименной площади, ангел на Александровской колонне, Медный всадник и т.д. Недешевый автомобиль, оказывается, для истории города.

Экологические проблемы Санкт-Петербурга XXI века

Во второй половине XX века границы экологии расширились. Экология стала настолько популярной, что под эту рубрику подводится все что угодно: от строительства очистных сооружений

(экология производства) до охраны памятников материальной и духовной культуры (экология культуры). Специалисты по отдельным отраслям науки могут выполнять только частные заказы экологии. Для «разумения» же требуется человеческий разум самого широкого научного и жизненного охвата. Поэтому применительно к человеку экология - не только система наук, а нечто необозримо большее - это мировоззрение, охватывающее проблемы взаимодействия общества и природы. Экологическим разумением должен обладать каждый гражданин, потому что все мы заинтересованы в выживании человечества.

Санкт-Петербург, как любой крупный город мира, серьезно влияет на атмосферный воздух, поверхностные и подземные воды, почву, растительный и животный мир. Тот факт, что в городе насчитывается в настоящее время более 1000 крупных промышленных предприятий, говорит о проблеме взаимодействия с природной средой. На многих из них существуют экологически опасные производства, технология и оборудование явно устарели. В 1990-е годы отмечалось парадоксальное явление: в связи с общим спадом промышленного производства экологическая обстановка в городе несколько улучшилась. Кроме того, благодаря географическому положению и наличию частых ветров, воздух в городе остается сравнительно чистым.

Городские почвы за более чем 300 лет существования Санкт-Петербурга вобрали огромное количество отходов, продолжающих загрязнять окружающую среду. Почвы сильно изменены и потеряли свои естественные свойства. В современном фундаменте города содержится разнообразный набор химических элементов в количествах, превышающих естественный геологический фон. Среднее содержание свинца, ртути, цинка, кадмия превышает допустимые нормы в 4-5 раз. Немыслимую смесь представляют донные отложения городских рек и каналов (наиболее загрязнены малые реки и каналы), содержащие «тяжелые» металлы, нефтепродукты и другие токсичные вещества.

До конца 70-х гг. в городе не было общегородских очистных сооружений, и неочищенные стоки сбрасывались в водоемы, загрязняя природную среду. С вводом в действие очистных сооружений на острове Белом и других положение несколько улучши-

лось. Однако многие предприятия до сих пор не имеют специальных очистных установок и сбрасывают в водоемы производственные отходы. Очистные сооружения города способны переработать лишь две трети всех городских стоков. Как видим с конца XIX века ситуация не намного улучшилась, несмотря на очень серьезные изменения в технологии и управлении экологическими действиями.

Санкт-Петербург занимает одно из первых мест в России по количеству воды, приходящейся на каждого жителя. За одни сутки город «выпивает» озеро площадью километр на километр и глубиной в три метра. И столько же загрязненной воды сбрасывается в Неву. В 2007 году в Ольгино был пущен завод по уничтожению илистых донных осадков. Спорят по этому поводу экологи. Но ведь от споров дело не движается. А от этих осадков задыхаются близлежащие районы на полигоне в районе Новоселок.

Экологи уже давно бьют в колокола – надо обратить самое серьезное внимание на формирование экологической грамотности горожан, отработку экологического законодательства, тревожное падение культуры населения, включая и отношение к окружающей среде. Состоявшаяся в марте 1995 года городская Конференция по природоохранным проблемам рекомендовала правительству Санкт-Петербурга целую Программу действий по оздоровлению экологической обстановки на 1996–2005 гг. Что-то уже сделано, иное – в проекте. Не ждет город милости со стороны тревожных сводок с невидимого экологического фронта. А он есть и серьезно беспокоит практически каждого в виде давно обветшавших водопроводных сетей, канализации, проблем сохранности городской зелени. Одни автомобильные «пробки» чего стоят. Мы платим за них высокую цену – дышим весьма загазованным выхлопами воздухом.

В городе насчитывается более 1000 крупных промышленных предприятий, загрязняющих атмосферный воздух. Чтобы уменьшить, а впоследствии совсем ликвидировать наносимый ими вред, предлагается ужесточить меры контроля за очистным оборудованием и вынудить предприятия заменить его на экологически чистое. И в этом смысле можно использовать и мировой опыт законодательства.

Будем экоЛОЖИТЬ

Экологические проблемы Санкт-Петербурга исключительно разнообразны. Мы лишь слегка дотронулись до них. Важно то, что их никак нельзя оставить «на потом». Мы все зависим от этого. Нашему организму нельзя дать команду потреблять грязную воду, дышать копотью. Были попытки, но заканчивались ужасно. В этой ситуации, как показывает опыт прошлого, надо произвести простые, а потому исключительно трудные изменения в себе самом.

Загрязнение окружающей среды нашего города приобретает широкий и все более изощренный характер. Посудите сами. Могли ли даже в дурном сне предположить петербуржцы о возможности отравления воздуха свинцом? О радиоактивности? Даже в начале XX века никто не знал о химических веществах, которые в растущем количестве угрожают людям. Например, о диоксине?

Все эти неприятные явления влияют на здоровье не только людей, но и состояние исторических памятников Санкт-Петербурга. Вот свежий пример. После обследования специалистами коней Клодта на Аничковом мосту, выяснилось, что скульптуры, расположенные в самом центре, «заболели» бронзовой болезнью. Причина – огромный транспортный поток на Невском, выхлопные газы которого оказались причиной болезни даже бронзовых коней и их укротителей. Что же остается живому человеку? Прекрасные питерские реставраторы вылечили памятники, покрыв их специальным порошком. По мнению специалистов, в городе *все* скульптурные (и не только) памятники, находящиеся на открытом воздухе, испытывают на себе ухудшение экологической обстановки.

Подобные явления стали общей бедой всех городов мира. Кислоты, образующиеся из загазованного воздуха, постепенно «съедают» архитектурные, исторические памятники Парижа и Москвы, Афин и Мадрида.

Впрочем, так устроен человек и его цивилизация – по мере своего развития он оказывает все большее влияние на природную среду. В 2004 году специалисты сделали вывод - человечество незримо и неслышно пересекло важный рубеж – отныне природа не может компенсировать экологический ущерб, который ей наносило человечество.

Применительно к Петербургу это означает, что в самой близкой перспективе для горожан предстоит самое трудное — *в сердцах, головах* менять отношение не только к природе. Эта смена должна коснуться чистоты не только собственного жилища, но и улиц, памятников, парков и садов. Если мы этого не сделаем, «ответ» природы может быть весьма неприятным.

Судя по нарастанию масштабов и привлекаемых средств администрации Петербурга, эту ситуацию городские власти начинают понимать все более отчетливо. Все шире проводятся работы по обеспечению экологической безопасности: координируется работа аварийных служб, обеспечивается химическая, ртутная, радиоактивная безопасность, все большую требовательность предъявляют власти к безопасности водоемов и водостоков.

И каким бы эгоистом не был человек, но уже в ближайшее время всем людям придется продолжить не только научно-техническую, но и *социально-экологическую революцию*, прежде всего — в умах и сердцах.

Другого не дано.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ПОВСЕДНЕВНЫЙ

Город всегда жил своими интересами – торговал, управлял, учился, отдыхал, грустил и радовался. Настроения людей далеко не всегда соотносятся со строительством архитектурных шедевров, статусом столицы огромной империи. Петербург все время *работал, трудился*. Абсолютно все, что составляет красоту города, создано трудом огромного числа людей, каждый из которых, как и мы сегодня, любил и ненавидел, надеялся и ошибался. Читатель, они не были абстрактными существами, когда-то и как-то жившими. Они, как и мы с тобой, *ощущали* эту жизнь каждый миг. В 1845 году об этом задумался Аполлон Григорьев:

Да, я люблю его, громадный, гордый град.
Но не за то, за что другие;
Не здания его, не пышный блеск палат
И не граниты вековые
Я в нем люблю, о нет! Скорбящею душой
Я прозираю в нем иное –
Его страдание под ледяной корою,
Его страдание больное.
Пусть почву шаткую он заковал в гранит
И защитил ее от моря,
И пусть сурово он в самом себе таит
Волненье радости и горя,

И пусть его река к стопам его несет
И роскоши, и неги дани, -
На них запечатлен тяжелый след забот,
Людского пота и страданий.

Разнообразные потребности горожан надо удовлетворять ежедневно. Это и есть повседневность, на которой редко останавливаются историки. Она составляет важную часть жизни людей, формирует быт Петербурга.

Об этом и речь в разделе. Попробуем взглянуть на эту сторону жизни Санкт-Петербурга. Из множества бытовых мелочей не приметно складывается жизнь народа. Какая она была?

Дать полное описание повседневной жизни горожан, скорее всего, невозможно. Она многослойна, насыщена не только потребностями тела, но и души. А уж ее желания, нужды и вовсе не подвластны музе величайших мыслителей мира. Однако, несмотря на такое несколько пессимистичное для намеченной тематики вступление, попробуем *прикоснуться* к обыденности жизни питерцев в прошлом. Итак...

За раками на Мойку

В начале XVIII века, когда с острова Заячьего началось строительство города по берегам Невы и рек поменьше – Мойки, Фонтанки и других притоков – очень популярным занятием первых строителей была ловля рыбы и раков. Казна кормила строителей откровенно плохо, даже хлеб выпекали скверного качества.

Рыбалка стала непременным атрибутом жизни первых горожан. Сохранились изображения Летнего сада, каким он был в первой половине XVIII века. Пусть не смущает вас его пышный наряд и торжественный вид. Все это не мешало горожанам по берегам ловить рыбку, до которой люди всегда большие любители. Да что там рыба! Около царского дворца еще в эпоху Елизаветы Петровны рядом с царскими палатами мирно паслись коровы, шли люди по своим, далеким от державных дел.

Реки и водоемы столицы были богаты рыбой – салакой, корюшкой, миногой, ряпушкой, шукой, окунем, плотвой, лещом, судаком, сигом. Некоторое время, пока каналы и реки внутри города не превратились в сточные канавы, т.е. до конца XVIII века, горо-

жане с успехом могли ловить в них и «приличную» рыбу, которую было не стыдно подать на праздничный стол. Раков всегда привлекали не только любители пива, но и тонкие гастрономы. На царском столе салат из раковых шеек пользовался неизменным успехом. Более того, нельзя исключить, что гастрономическими соображениями был продиктован указ от 18 сентября 1736 года об очистке Мойки и устройстве постоянной набережной.

В первые годы истории Петербурга Мойка вытекала из болота в районе Марсова поля, но в 1711 году она была соединена с Фонтанкой. В 1720 году появились первые деревянные набережные, а в соответствии с указом 1736 года было углублено дно реки. Каменные набережные были сооружены только в 1798–1811 годах и доходили до Английского проспекта (в те годы – Дровяной улицы) и Крюкова канала. Любопытно что набережная была доведена до реки Пряжки только в 1975 году.

Когда город оказывался во власти наводнений, вода заливала улицы, подвалы. В этих случаях ловля рыбы приобретала иную форму, лишенную привычной снасти. Главным орудием рыболовов становились руки и глаза. После того как Нева возвращалась в свое русло, в канавах, лужах, подвалах домов горожане с увлечением ловили оставшуюся рыбу руками или самыми простыми подручными средствами.

Уже при Петре I стали создавать специальные пруды, в которых разводили, например карпов. Летний сад, который царь называл своим огородом, был не столько местом отдыха, сколько своеобразным подсобным хозяйством с каменной оранжереей, скульптурной мастерской, теплицами, амбаром, располагавшимися в его южной части. Росли здесь фруктовые деревья, грядки были засажены «поварскими травами». И, как следует из сказанного, Летний сад был и своеобразным рыбоводным хозяйством. Что ж, рыбку все любят – и цари, и простые люди. Впрочем, нас в этом разделе больше интересуют именно простые люди. Пойдем к ним.

Начали с Мойки, там же и остановимся. Сюда выходили окна дворца А.П. Волынского, кабинет-министра Анны Иоанновны – одного из талантливых политиков России того времени. Он и его товарищи – А.Ф. Хрущов, П.М. Еропкин и другие, входившие в «Кружок Волынского», задумывались о совсем ином «улове», по-

лезном для всего государства, который надеялись найти не в Мойке, а в реформах империи. На собраниях, проходивших в доме Волинского на углу нынешних Волинского переулка и Большой Коношенной улицы, участники кружка обсуждали проекты переустройства Российского государства, выступали за устранение от власти временщиков. Стараниями этих самых временщиков, в первую очередь Бирона и Остермана, члены кружка были арестованы. Волинский, Хрущов и Еропкин после пыток казнены 27 июня 1740 года, а остальные – жесточайшим образом наказаны и сосланы. Похоронены они были у ограды Сампсониевского собора. Кстати, основанное в 1710 году кладбище при Сампсониевской церкви (а затем собора) было первым кладбищем Петербурга. Рядом с ним был небольшой участок, где хоронили католиков и лютеран. Здесь были похоронены выдающиеся деятели первого столетия петербургской истории – видные архитекторы Д. Трезини и А. Кокоринов. Нашли последний покой и упомянутые жертвы эпохи Анны Иоанновны.

Героические ямщики

Местоположение строящегося города создавало особые трудности подъездов к нему, о чем живописали иностранцы, жившие в Петербурге в петровское время: «Не только сам город, но и окрестности настолько болотисты и низменны, что сюда ведет одна-единственная дорога, которая затем неподалеку от города разветвляется, и эти две дороги к тому же так скверны, что осенью и весной можно дюжинами считать мертвых лошадей, которые, будучи в упряжке, задохнулись в болоте».

Когда на дорогах устанавливался зимний путь, проезжих подстерегала иная опасность - стаи в несколько десятков волков, банды разбойников из беглых солдат и крестьян. Все это входило в героические будни ямщицкой службы на петербургском тракте. Отсюда понятно, почему была установлена самая высокая цена за проезд на отрезке пути от Великого Новгорода до Петербурга.

В 1713 году в Петербург потянулись обозы с имуществом высших органов власти государства. Город официально стал столичным градом. Среди прочих встал и вопрос о транспорте – нужны были ямщики. Летом 1714 года была разработана серия указов

о перевождении на «вечное житье» в Петербург разных сословных групп населения и для каждой из них определялись свои условия.

Был среди них и указ от 26 июня, относившийся к переводению ямщиков для обслуживания столицы. Ямщиков повелевалось «выбрать лутчих и семьянистых и лошадных, людей добрых и пожиточных, безо всякого пристрастья, по росписке...». Дворы для ямщиков предполагалось построить «летнем временем» 1714 года и к зиме их заселить. Чтобы ямщики «обжились без нужды», при них от каждой губернии высылался комиссар «с деньгами», который должен был организовывать строительство и заселение. Однако планы окончить переселение в 1714 году оказались утопичными, переселение ямщиков затянулось на несколько лет.

Характерная деталь – ямщики ощущали свою значимость для Петербурга и более настойчиво, чем другие группы «переведенцев», требовали обеспечения нормальных условий для житья и работы. И иногда добивались своего! Ай, молодцы! А ведь транспорт для обширной России делает все ее уголки *единым организмом*, связывая их в наше Отечество.

И-но, милая, поехали!

Большой город немыслим без транспорта, объединяющего множество людей в *городское население*. Долгое время в истории Санкт-Петербурга – более двух веков – верой и правдой служила людям великая труженица – лошадь. Там, где сейчас шуршат шинами потоки автомобилей, безраздельно господствовала лошадь. Она возила седоков, горы самых разнообразных грузов. В определенном смысле она перевезла на себе *все* архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга и его пригородов, гранитную облицовку рек, булыжное покрытие центральных улиц. Без нее не появились бы заводы, так изменившие экономику столицы в новое время.

Есть памятник собаке, долгое время был памятник броневнику в саду Мраморного дворца, вскоре ненадолго смененного на нелепый бетонный «Форд». Затем встал после долгого забвения во дворе Русского музея памятник Александру III. Лошадь ценили, уважали и возносили в памятниках города. Они стоят не только на Аничковом мосту, но и на арке здания Главного штаба. Они красуются под венценосными седоками. По количеству скульптурных

изображений кони могут легко поспорить со львам, которые были тоже популярны в прошлом.

Знаменитые «ваньки», развозившие горожан во все концы столицы седоков в пролетках, почти два века были единственным транспортом Санкт-Петербурга, который весьма условно можно отнести к общественному. В городе, с его основания, развивались два типа транспортных промыслов: извозный (пассажирский) и ломовой (грузовой). У каждого были свои упряжки, свои обычаи, даже своя одежда. Суровые ломовики грузы перевозили на огромных телегах или фургонах. У бойких извозчиков на вооружение был более широкий выбор - кареты, коляски, дормезы (большие кареты со спальными местами), брички, пролетки, ландо. Но без тех и других город просто не смог бы существовать.

Любой горожанин мог нанять извозчика и за небольшую плату добраться в нужный конец растущего города. Были у них отчаянные конкуренты, бедовые ребята - шикарные лихачи, езда на которых была весьма дорогостоящим удовольствием. Мало где упоминается, что в особых случаях, когда требовалось срочно перебросить войска, правительство нанимало огромное количество

извозчиков, перевозивших солдат в назначенное место. Так произошло, например, когда бунт Е. Пугачева стал серьезной проблемой правительства Екатерины II. На подавление были брошены войска, переправлявшиеся к месту военных действий на пролетках. Впрочем, это были редчайшие исключения. Разъезжало много частных экипажей, принадлежавших столичной аристократии. Однако все они – бедные, богатые целиком и полностью зависели от лошади.

Чудо-кони!

Для болотистых мест, на которых строился город, поначалу важнейшим транспортом были реки, каналы. Не случайно Петр I хотел в столице повторить голландский Амстердам, где каналы заменяли улицы и проспекты, а основным транспортом были плавучие средства. По рекам везли камни и бревна для первых домов.

На Неве сновали лодочки-перевозчики. В 1815 г. городские власти подсчитали, что в Петербурге насчитывалось 520 лодок, 295 яликов, 268 «ельботов», 60 «голиотов», 45 «щерботов»¹, 38 катеров и другого мелкого речного транспорта. Столичная знать предпочитала лодки на свой вкус – с позолотой, бархатными сиденьями, шатром над кормой. Гребцы были разодеты в богатые одежды. Такие плавучие дворцы шли по Неве даже с оркестром.

Однако уже к концу XVIII века стало очевидно, что фантазии основателя города не реализуются. Набережные стали постепенно одевать в гранит, на Васильевском острове несостоявшиеся каналы были зарыты, превратившись в *линии*. А наиболее популярным средством передвижения остался конный транспорт.

С середины XIX века в Петербурге появились омнибусы, ставшие действительно общественным транспортом, за весьма умеренную плату перевозившие великое множество горожан. Омнибусы вмещали шесть–десять человек, ходили по Невскому проспекту, Гороховой улице, от Адмиралтейства через Васильевский остров на Петроградскую сторону. Вид они имели мрачноватый, неряшливый. За непрезентабельный внешний вид их иронично

¹ Щербот – «Этимологический русскоязычный словарь» Фасмера поясняет, что «лодка, баркас для плавания в шхерах», шербот – то же, стар. шхербот, щербот.

называли «трясучка», «сорок мучеников», «Ноев ковчег», «кукушка». К 1870 году в городе их насчитывалось свыше 400. На Невском проспекте явно движение было оживленным и там легко можно было увидеть многие виды транспорта того времени. Поэт П.Вейнберг в 1858 году оставил для нас эту давно минувшую часть жизни Санкт-Петербурга:

В коляске щегольской проносится красотка,
Гвардейца-молодца мчит узкая пролетка,
Линейку подает желающим лихач,
Плетется омнибус на паре тощих кляч.

Большое количество экипажей на улицах – сложная городская проблема, от решения которой зависит порядок и безопасность людей. Уже в 1705 г. кучеров, ехавших на невзнузданных лошадях или сбивших пешехода, велено было драть кнутом и ссылать на каторгу. Знатоки считают, что первые правила уличного движения были установлены в 1784 году, когда извозчики получили вместе с инструкцией об обслуживании своих пассажиров и жестяные бляхи, пришиваемые на спине. Думается, однако, как и сегодня, дорожно-транспортные происшествия (ДТП) случались в давние времена не реже, чем сегодня. Посмотришь на фотографии начала XX века и убеждаешься – безнадежно доверчив человек к водителям. Даже на Невском проспекте, рядом с вагонами конок, беспечно фланируют многочисленные прохожие. Между ними, не без труда втискиваются пролетки. Ну, чем же мы отличаемся от предков?

Да и любовь к быстрой езде, чуду русских троек, о которых великолепно написал Н.В. Гоголь, свято сохранилась в наш автомобильный век. Кучер канцлера Российской империи, князя А.М. Горчакова, министра иностранных дел, тоже любил скорость. В результате, как это бывает и в начале XXI века, не справился с управлением, сани занесло, канцлер выпал и чувствительно ударился. А ведь годы его были уже немалые – под 70 лет. Бедовые головушки, эти водители на все времена!

К началу XX века сообщение между отдельными районами Санкт-Петербурга совершалось по конно-железным дорогам, в омнибусах, на извозчиках, пароходах и яликах. Преобладали извозчики, которых насчитывалось около 20 тысяч.

Первые конно-железные дороги, идущие в основном от пристаней к складам, появились под Петербургом в середине XIX столетия. В 1860 году такая трасса была создана и в центре города, соединив пароходную пристань на Николаевской набережной с Биржевой площадью. Зеленый свет строительству новых конно-железных дорог в городе дало принятое в марте 1863 года постановление «Об устройстве в Петербурге публичных экипажей». И летом этого же года перед петербуржцами открылась во всю длину Невского проспекта рельсовая колея с четырьмя разъездами. Осуществление же проекта крупного российского промышленника П.И. Губонина, по которому было построено около 90 км конно-железных дорог, вообще изменило не только транспортную ситуацию в городе, но и облик Петербурга. «Рельсовых путей серебряная нить» насквозь пронизала всю северную столицу, и к концу XIX века протяженность конно-железных дорог составляла 157 км. К началу XX века в столице насчитывалось около 30 линий конок. Вагоны были двух типов: одноэтажные и двухэтажные. Одноэтажный вагон везла одна лошадь, а двухэтажный – две.

Рельсы конно-железных дорог (конок) были проложены по всем главным улицам в два ряда. Обществ конно-железных дорог было три: *первое* (содержало рейсы на Невском проспекте, по Садовой улице и от Адмиралтейства на Васильевский остров через Николаевский мост); *второе* – чуть не по всему городу и третье – *Невское пригородное* (от нынешнего Московского вокзала до нынешней южной части Обуховской обороны).

Конки были доступны всем жителям города. В вагоне по бокам – две скамейки, на крыше вторая площадка – империал, куда можно подняться по лестнице. Женщин на империал не пускали. Как у кондуктора, так и у кучера имелись для подачи сигналов звонки.

Первый пассажирский пароход по Неве пошел в рейс весной 1842 года. В 1892 году пассажирские городские пароходики забегали по Фонтанке – от Летнего сада до Мало-Калинкина моста, по Неве – от 11-й линии Васильевского острова до Финляндского вокзала. Речной транспорт забрало в руки Общество Финляндского легкого пароходства, которое строило на собственном заводе небольшие синие речные пароходики. Прислуга – финны, обязатель-

но говорившие по-русски. Пароходы носили названия по порядку их изготовления: «Первый», «Второй» и к началу XX века их число перевалило за сорок. Каждый мог взять от семидесяти до ста пятидесяти человек. Рядовые чины полиции и солдаты ездили бесплатно.

Колеса устраивают революцию

Царь Соломон утверждал, что все проходит, и был, безусловно, прав. Мы же берем на себя смелость утверждать, не смея сравнивать себя с библейским монархом, что все *приходит*. И так стремительно врывается в нашу жизнь, что все новое быстро становится привычным и даже обыденным. Ну, что может быть привычнее трамвая? Автомобиля? Метро? А между тем, за каждым из этих видов транспорта победа новых технологий, самой транспортной идеологии.

Железные дороги вошли в жизнь столицы как техника будущего неожиданно ставшая реальностью. В 1836 году дорога связала Царское Село с Павловском. А на следующий год дорога открылась для общественного пользования от Петербурга до Павловска. Вагоны летели со скоростью, о которой страшно было подумать – 60 верст в час! Но, россияне скорость любят и вскоре привыкли. Более того, в начале XX века, в столице, появилась даже детская железная дорога. Действовала она в саду Народного дома имени императора Николая II. Ныне здесь размещается «Музик-холл» и театр «Балтийский дом». В том саду до революции работали различные аттракционы – карусели, американские горы, комнаты смеха и другие. В 1908 году приняла маленьких пассажиров детская железная дорога. Паровоз и вагоны заказали в Нью-Йорке, проложили около километра путей от Народного дома до Мытнинской набережной. В 1917 году ее закрыли. И осталась она только на старинной открытке.

Много писали о техническом отставании империи в середине прошлого века, отчего случились с Россией большие и малые беды. Ретивые критики писали и об отставании страны в строительстве железных дорог. А ведь когда в 1851 году была закончена магистраль, соединившая столицу с Москвой, она была самой протяженной в мире двухпуткой! Именно железные дороги серьезно

продвинули развитие водопроводов паровозы, которые всенепременно надо было поить, иначе — не повезут. Вот и потянулись трубы с водой для новой техники, а заодно и местным жителям. Чем не революция в российской глубинке?

Они же, эти железные дороги, натолкнули на мысль о рельсовом, да еще и на электрической тяге, транспорте внутри города. 4 сентября 1880 года в Петербурге были испытаны едва ли не первый отечественный трамвай. Трамвай изобрел петербуржец, артиллерийский офицер и инженер Ф.А. Пироцкий. Опыт с электрическим трамваем был поставлен в Песках (это старинное название района нынешнего Суворовского проспекта). Обычный двухъярусный вагон конки, оборудованный электродвигателем двигался с помощью электричества, подаваемого по рельсам. Петербургские газеты сообщали, что впервые в России «двинут вагон электрической тягой» и что публика с восторгом встретила необычное новшество. А некоторое количество лет спустя фирма «Сименс» запатентовала усовершенствованный трамвай. Ну, это уже из истории нашего российского разгильдяйства.

История трамвая в Санкт-Петербурге насчитывает чуть больше века. Да и не по-людски он начал работать в граде Петра. Част-

ное товарищество, ведавшее конными железными дорогами если не буквально, то фигурально легло костями на трамвайные рельсы, категорически воспротивившись появлению серьезного конкурента. О них мы далее говорить не будем. А вот о настоящем питерце, талантливом инженере, выпускнике Петербургского технологического института М.М. Подобедове непременно скажем доброе слово. Он был не только основателем одной из первых электротехнических компаний в России. По контракту с городской управой спроектировал и построил зимой 1895/96 года трамвайную линию *по льду Невы!*

Видимо, исторически Санкт-Петербургу на роду написано развивать транспорт в зимних, точнее – ледовых условиях. Достаточно вспомнить о легендарной Дороге Жизни, спасшей город от голодной смерти. Хотя, конечно, по значению просто невозможно сравнить зимний трамвайный путь и дорогу, дававшую жизнь угасавшему городу.

Первый трамвай пошел в 1907 году от Александровского сада по Конногвардейскому бульвару, через Благовещенскую площадь (ныне пл. Труда). Далее через Николаевский мост до 8-й линии и Большого проспекта Васильевского острова. Поначалу трамвай ходил без прицепных вагонов – всего один двухосный маленький вагон. Но по сравнению с конкой вагон был очень красив: внутри лакированная отделка, медные приборы. Снаружи низ красный, верх белый, окна большие. Кондуктор и вагоновожатый были одеты в добротную красивую форму. Постепенно трамвай сделался основным видом пассажирского транспорта, связав окраины с центром. Появились прицепные вагоны, моторные постепенно совершенствовались, делались более мощными и быстроходными.

После окончания гражданской войны и в годы предвоенных пятилеток с ростом потребностей города в перевозках быстро развивалась трамвайная сеть. Общая протяженность пассажирской рельсовой сети увеличилась с 270 км одиночного пути в 1928 году до 440 км в 1940 г. К маю 1941 году ленинградский трамвай ежедневно перевозил более 3,5 млн пассажиров.

Сегодня насчитывается 38 маршрутов трамваев (а в 1980-е годы их было 87 с самой большой в мире протяженностью путей). Теснится электрическая «лошадка». Пока. Ныне длина ее путей

едва достигает 500 км. А ведь еще недавно, едва ли не в преддверии 300-летия города, она составляла почти 900 км, на которых развозили 3 млн горожан 1300 вагонов.

Стремительно в повседневную столичную жизнь ворвался и двигатель внутреннего сгорания. Уже 5 сентября 1896 года городская дума Петербурга обложила владельцев автомобилей единым налогом в 15 рублей в год. Задумайтесь о том, что в те годы автомобилей в столице было микроскопически мало, но налоговики проявили в этом случае высокие качества футурологов, способных заглянуть немного вперед, в будущее. Поскольку до этого такой же налог платили владельцы конных экипажей, можно считать, что решение думы - это акт признания автомобиля как самостоятельного вида городского транспорта. Та же городская дума уже в 1900 году обсудила вопрос об открытии автобусного движения.

Однако, в России время между обсуждением какого-либо вопроса и его практической реализацией составляет годы, даже десятилетия. Поэтому реально автобусы появились на питерских улицах лишь с 1907 года усилиями инженера-предпринимателя Б.А. Иванова. Движение первых автобусов было организовано в сентябре 1907 года от Дворцовой площади до Витебского и Балтийского вокзалов. В те годы в Петербурге работало от 8 до 14 машин. Они были как закрытые, так и открытые, одноэтажные и двухэтажные. К новому виду городского транспорта отнеслись с большой осторожностью, ограничивая скорость движения автобусов до 16 км в час.

До 1928 года автобусный парк города насчитывал всего 23 машины, ввезенных из-за границы. В 1933 г. в автопарке насчитывалось уже 180 машин, а количество маршрутов увеличилось до 13. С появлением отечественной автомобильной промышленности дело пошло быстрее. К концу 1940 года маршрутная сеть имела протяженность 398 км и состояла из 30 маршрутов. Ежедневно на линию выходили в среднем 220 автобусов.

На начало 1995 года автобусный парк Санкт-Петербурга насчитывал 3213 автобусов, которые обслуживаются 10 автобусными парками. Автобусная сеть города и пригородов включала 218 городских, 126 – пригородных, 49 – междугородных маршрутов, на которые выпускалось более 2200 автобусов.

Параллельно с автобусами по времени время начинает свою историю и многострадальное отечественное автомобилестроение. Авторитетные справочники утверждают, что первый автомобиль был изготовлен на базе мастерской «Фрезе и К^о» из деталей французской фирмы «Рено». Более удачным оказался опыт акционерного общества «Г.А. Лесснер», выпустивший в сотрудничестве с немецкой фирмой «Даймлер» около сотни машин. 16 июля 1904 г. в Александро-Невской пожарной части на Гончарной улице появился первый специальный автомобиль – машина с мотором «Фрезе и К^о». На ней могли поместиться двенадцать пожарных с необходимым оборудованием. С понятной гордостью «Известия» Городской Думы в 1906 году писали: «В Александро-Невской части пожарной команды находится... уже несколько лет на испытании бензиномоторный автомобиль фирмы «Лесснер», на котором возится несколько человек, ручной насос и парусиновые бочки с другими приспособлениями».

В 1911 году выкатился за ворота мастерской И.П. Пузырева первый отечественный автомобиль, собранный из отечественных агрегатов. Первоначально мощность двигателя составила 35 «лошадок», но через год его сменили 40-сильным. Перед началом первой мировой войны в столице насчитывалось в общей сложности более 2,5 тысяч машин самых разных марок. В столице, по примеру других стран, проводились и автопробеги, за ходом которых с огромным интересом наблюдали многочисленные зрители. Так, в 1908 году состоялся автопробег Петербург – Москва, способствовавший распространению автомобильной идеи в стране, что и было запечатлено на фотографии.

Появление новых видов транспорта привело к тому, что было легко предсказать - начался пока еще медленный, но неизбежный закат конно-гужевого промысла. Это же привело к тому, что потребовался более серьезный подход к проблеме управления транспортом (точнее, как выражаются специалисты – транспортных потоков). 15 января 1930 года на перекрестке Невского и Литейного проспектов был открыт первый автоматический семафор¹ для ре-

¹ Семафор – сигнальное устройство в виде подвижных крыльев или реек на столбе, мачте, особое сочетание которых дает команду для участников движения (автомобилим, уличному общественному транспорту, поездам).

гулирования уличного движения. Правда, оба проспекта носили тогда другие названия – Проспект 25 Октября и пр. Володарского. С этого момента «дядю Степу» с улиц нашего города стали постепенно вытеснять электрические «регулирушки».

Сначала на перекрестках устанавливали только один светофор, который светил «на все четыре стороны». В наши дни светофоры не остаются без изменений. Если вы будете проходить или проезжать по Песочной набережной, то на перекрестке с Большой Зелениной улицей вы увидите экспериментальный светофор, созданный совместными усилиями «Светланы» и «ЛОМО». В нем вместо электрических лампочек используются более надежные матрицы светодиодов.

Весьма показательно, что И.П. Пузырев прекрасно понял специфику создания машин именно для России – повышенная надежность и проходимость. Эта особенность всегда учитывалась в дальнейшем при проектировании автомобилей. Однако, первые таксомоторы, трудившиеся на улицах города, приехали из Детройта, именуясь «Фордами». Лишь в 1937 году на улицах появились отечественные легковушки ГАЗ и ЗИС.

Для города автобус имеет и неприятную особенность – он целый день загрязняет воздух. В советский период, когда началось бурное строительство «спальных» районов, именно автобусы оказались более предпочтительны. Об этом свидетельствуют данные такой почтенной дамы, как статистика. В 1928 году в городе было 23 автобуса, в 1940 – 220, в начале 1990-х годов 3200 машин и почти 200 маршрутов.

Интересно, что в 1930-е годы, когда транспортные потоки просто нельзя было сравнить с современными, специалисты стали бить тревогу по поводу возрастающего шумового загрязнения городов. Это привело к поучительным результатам. В 1936 году в Ленинграде были изготовлены первые образцы «бесшумных трамваев» – троллейбусов. Город стал третьим в стране, где началось развитие этой ветви великого древа транспорта. Перед Великой Отечественной войной насчитывалось около 80 машин, к 1990 году их было более 1000.

К 2008 году на 41 маршрут ежедневно выходят около 700 машин. К сожалению, с началом нового века их место все больше занимают полчища автомобилей. Это – новое время, зато проблема, сдается мне – уже встречавшаяся в нашем прошлом. Впрочем, 13 декабря 2007 года на заседании Правительства Санкт-Петербурга был рассмотрен проект программы развития городского наземного электротранспорта на 2008–2012 годы. Этот проект предусматривает создание 5 новых троллейбусных линий, приобретение 340 современных троллейбусов.

Город рос, рос и стал миллионником. Речь идет, конечно, о численности населения. Огромный промышленный центр нуждался в принципиально ином транспорте. Выдумывать его было не нужно – мировой опыт позволял сделать самые благоприятные выводы о работе метро в крупнейших городах мира. Метрополитен оказался ненамного старше трамвая, автомобиля. Уже в конце XIX века чадили паровозными трубами подземки Лондона и Чикаго, над улицами Нью-Йорка громыхали вагоны наземки, ставшей своеобразным антиподом подземных магистралей. В Петербурге также всерьез обсуждали перспективы строительства подземной железной дороги. Уже в 1912 году городская дума обсуждала и заказала проведение работ по проектированию метрополитена. При этом первая линия предполагала соединить Николаевский (ныне – Московский) вокзал с Нарвскими воротами, что в точности совпадает с первой линией метро, построенной намного позднее.

А нынешний метрополитен был открыт 15 ноября 1955 года. Первые проекты строительства «подземки» в Петербурге относятся еще к 80-м годам XIX века. В начале XX века предлагались многочисленные проекты строительства метро [в том числе – по дну Екатерининского канала (канала Грибоедова)]. Строительство метро началось только в 1941 году, но было прервано из-за начала Великой Отечественной войны. После прорыва блокады Ленинграда метростроители в кратчайшие сроки построили железнодорожную ветку по берегу Ладожского озера, по которой в город стало поступать продовольствие. С окончанием войны строительство метро возобновилось, и первая линия была открыта в ноябре 1955 года. Первые станции ленинградского метро были построены с большой любовью и были почти такими же пышными как в Мо-

скве. Станция «Автово» была украшена «хрустальными» колоннами, а на «Нарвской» был роскошный портрет Сталина. Пожалуй, самой изящной станцией была и остается «Пушкинская», хотя у каждого ленинградца-петербуржца есть своя любимая станция метро.

Вывод сделали – сначала для Москвы, а в 1940 году начались работы по изысканию и проектированию первой трассы метро. Великая отечественная война изменила эти планы, к реализации которых вернулись в 1945 году. А в 1955 году состоялось открытие первой линии от «Площади Восстания» до «Автово». Автор, несмотря на пребывание в нежном 7-летнем возрасте, запомнил ощущение праздника, охватившего население. Люди получили первоклассный транспорт, а станции место питерцы дружно признавали лучше и наряднее, чем в Москве. Сейчас наш метрополитен насчитывает 56 станций и серьезно выручает город, в котором остальные виды транспорта испытывают материально-технические трудности. Метрополитен Санкт-Петербурга начала XXI века – это три с половиной тысячи поездов, пробегающих по подземным артериям, три миллиона пассажиров в день и около двенадцати тысяч метрополитеновцев, надежно обслуживающих магистраль.

Не случайно, дорогой читатель, статистика о работе транспорта города дана только по состоянию на начало 90-х годов, когда был запас прочности, кадры и даже деньги. Все это постепенно подходит к концу и вот здесь то нас здорово выручает метрополитен, которому низкий поклон.

А какие пожары были – ого-го!

Россию уже трудно было поразить пожарами, сопровождавшими всю ее историю. Поэтому центральную часть Санкт-Петербурга было решено строить из камня. Но его было мало, поэтому последовало распоряжение царя-основателя об обязательном завозе камней всеми прибывающими в Петербург. Кроме того, царь повелел при строительстве строго придерживаться установленных правил пожарной безопасности. В указе от 25 мая 1718 года Петр I предписал генерал-полицимейстеру: «Надлежит смотреть, дабы все строение было регулярно построено, по его царского величества регламенту; печи, комели и трубы печные были б по указу, чтобы соседям от того какова бедства не учинилось; також бы никакое

строение за линию, или из линии не строилось, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны». В другом указе от 3 сентября 1718 года Петр распорядился, чтобы все домовладельцы Петербурга поддерживали мостовую напротив своего дома в порядке и чистоте. Инструкции, правила и распоряжения были даны, но...

Пожары на Руси были старым врагом, с которым веками боролись, да так и не изжили до конца. Не избежал их и Санкт-Петербург, в более чем 300-летней истории которого их известно великое множество. Не спасало «каменное строение», — либо не было денег, либо — не хватало материалов, мастеров, а главное — порядка. Да что там простые строения. 5 января 1718 года на Троицкой площади в результате сильного пожара сгорели здания Сената и Военной коллегии.

В уголь превращались целые районы столицы, подозрительно регулярно дочиста сгорали склады товаров. Воистину, от копеечных свечей не только Москва, но и не один Санкт-Петербург спален был. Так, 5 июля 1737 года начался крупнейший пожар, уничтоживший все постройки на участке от истока Мойки до Зеленого моста (он же Народный, он же Полицейский, в створе Невского проспекта). Сгорело не менее 1000 домов.

Образ пожарника, бесстрашно, как со Змеем-Горынычем, сражающегося с огнем, покорял не только сердца милых дам, но и пользовался уважением среди мужской части. Больше того, Петр III — монарх, о жизни и делах которого мы знаем лишь подозрительно только плохое, оказывается любил лично бывать на пожарах и принимать в тушении личное участие. Ну что ж, если архитектура — искусство королей, то пожары — один из инструментов переладки ошибок в строительстве.

Хроника крупнейших пожаров особенно драматична в XVIII веке. В середине 1710 году огонь уничтожил рынок на Троицкой площади. В 1747 году запылала Кунсткамера, погиб знаменитый Готторпский глобус, погибли редкие книги. Особенно не везло Васильевскому острову. В 1723 году выгорела большая часть его жилых построек. В начале правления Екатерины II, в 1763 году в ничто превратился Гостиный двор, располагавшийся на Васильевском острове. Весной 1771 года горят 9-13-я линии. В 1783 году осталось пустое место от Сенного рынка.

Казна помогала погорельцам, хотя денег, как всегда, было мало. А ведь за каждым из этих гран-пожаров была гибель многих людей, огромные материальные убытки. У Европы уже нечего было взять из опыта борьбы с огненной бедой – сама регулярно полыхала. Все очевидней становилась самая настоящая нужда в создании особой службы, способной профессионально бороться с огнем. Формально в 1722 году в Адмиралтействе была организована группа пожарных, состоявшая из рабочих верфей. Но в вышеперечисленных пожарищах не упомянут героизм этой команды. Это и понятно – к середине века ее просто не существовало. В 1763 году императрица Екатерина II, утверждая штат столичной полиции, ввела в него должность брандмайора с небольшим числом подчиненных ему людей. Но это были половинчатые решения. Бедствия от пожаров, заставили русских строителей придумывать новые типы так называемых экономических построек, которые соединили бы в себе дешевизну с несгораемостью. Император Павел в 1797 г. повелел учредить в селе Никольском, Новоторжского уезда, училище землебитного строения, «для доставления сельским жителям здоровых, безопасных, прочных и дешевых жилищ и в соблюдение лесов в государстве». Одновременно с этим было выстроено в Гатчине земляное строение «Приорат». Подобные работы были продолжены, без особого, впрочем, продолжения.

Профессиональные пожарные появятся лишь повелением Александра I 29 ноября (11 декабря) 1802 года о создании особой команды «пожарных служителей», главной профессиональной задачей которых и являлась предотвращение и борьба с пожарами. Не менее важно было и то, что теперь на эту службу казна ежегодно начала выделять средства. Пожарная и полицейская службы были объединены и располагались в одном здании.

Если в петровские времена обязанности тушения пожаров возлагались на всех горожан (которые по специальному сигналу должны были являться на пожар со своим инструментом), то спустя почти век потребовалось создание постоянной пожарной охраны. По упомянутому указу Александра I была сформирована пожарная команда из 786 человек, в составе которой было 11 пожарных частей. При полицейских частях отводились специальные помещения для хранения пожарного инвентаря и конюшни для по-

жарных лошадей. Каждое здание полицейско-пожарной части теперь должно было иметь свою вышку-каланчу, на которой постоянно дежурили двое наблюдателей (во многих районах города эти живописные каланчи еще сохранились). С каланчи при помощи флагов (а ночью – фонарей) подавались сигналы о пожаре. На пожар стягивались силы всех частей, действиями которых руководил брандмайор, а в исключительных случаях – даже обер-полицмейстер.

В административном отношении столица к тому времени состояла из 11 частей (позднее их число увеличится до 12), поэтому пожарных команд было создано столько же. Во главе каждой был брандмейстер, в распоряжении которого были 48 пожарных, 10 кучеров, 17 лошадей, 12 повозок, 2 ручных насоса. Пока служба формировалась, столица все-таки горела. В новогоднюю ночь 1811 года сгорел Большой (Каменный) театр. Летом 1832 года, близ Свечного переулкa и Разъезжей улицы, ярким пламенем загорелись дома, конюшни, сарай с сеном и дегтем Ямской слободы.

В 1837 году сильнейший пожар охватил Зимний дворец. Когда Николай I узнал о пожаре, он немедленно поехал на место и принял участие в организации тушения огня и спасения ценностей Эрмитажа, которые выносили прямо на Дворцовую площадь в самом аварийном порядке. Полотна мировых классиков лежали рядом с дворцовой мебелью, драгоценные антики – со скульптурой.

В.А. Жуковский оставил воспоминания об этих событиях. «Когда стало очевидно, что спасение дворца уже невозможно, – писал Василий Андреевич, – Император отдал повеление спасать из внутренних комнат то, что спасти было возможно... Образа и ризы обеих церквей, императорские бриллианты, картины, драгоценности и все вещи, принадлежавшие царской фамилии были отнесены частью к Александровской колонне, частью в Адмиралтейство. Император приказал исключительно обратить все усилия на защиту Эрмитажа... Вся громада дворца представляла огромный костер, с которого пламя то всходило к небу высоким столбом, под тяжелыми тучами черного дыма, то волновалось как море, то вспыхивало снопом бесчисленных ракет, которые сыпали огненный дождь на все окрестные здания».

Новая службы породила иную архитектуру – пожарные вышки. Чем выше, тем лучше. Некоторые из них еще можно увидеть на Большом проспекте Васильевского острова, на Большеохтинском проспекте, на площади Репина, на улицах Чайковского, Садовой и Мичуринской. Не они ли навеяли строки А. Белого:

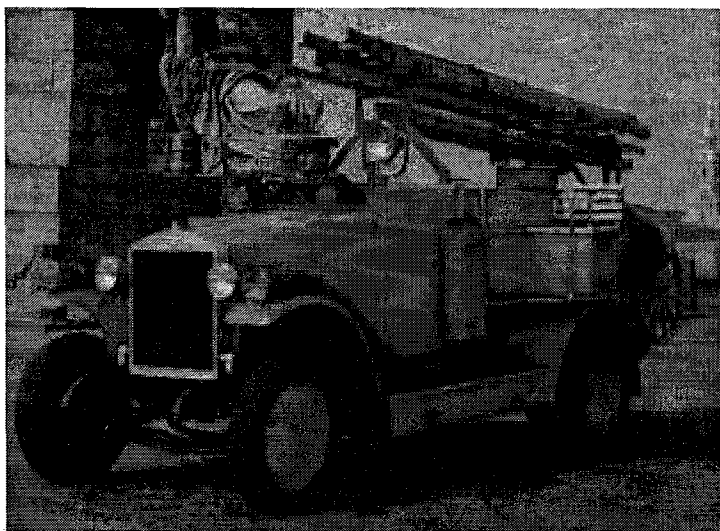
Немая каланча
Людей оповещает,
Что где-то там – пожар,
Медлительно взвывает
В туманы красный шар.

У пожарных команд всегда были отличные лошади строго определенной масти для каждой части. Экипажи ярко-красного цвета, сбруя с начищенными медными приборами, пожарные в сияющих касках. Ух! Прах и пепел! Служивые вскакивали в повозки, на строго определенное место, на ходу надевая толстые серые куртки и порты. Впереди летел пожарный – «скачок», который трубил, чтобы давали дорогу обозу, уточнял на месте размеры пожара и подавал команду, куда заезжать остальным. За всем этим великолепием неслась почти античная квадрига – четверка горячих могучих лошадей с развевающимися гривами, запряженная в линейку – длинную повозку с продольными скамьями, на которых спина к спине сидели пожарные в золотистых касках. На особом стеллаже лежали багры, лестницы и другие приспособления. Рядом с кучером стоял трубач и богатырского роста брандмейстер в зеленом офицерском сюртуке. На голове брандмейстера – посеребренная каска. Около козел возвышалось древко с развевающимся пожарным знаменем красного цвета с золотой бахромой, кистями и непременной эмблемой части. Ну, уважаемый читатель, признайся хотя бы себе самому, какое сердце не дрогнет перед такой сногшибательной картиной?

Однако если вы решите, что постепенно пожары в городе стали бояться самих пожарных, то это не так. В 1862 году в Петербурге разразились грандиозные пожары, взвихрившие в огонь и пепел Охту, Лиговку. Выгорел Апраксин двор с его 2000 лавками. Огонь охватил Фонтанку и превеликим трудом удалось отстоять здание министерства внутренних дел, пламя непосредственно уг-

рожало Публичной библиотеке, Госбанку, Пажескому корпусу и Гостиному двору. Появились тысячи бездомных людей, которые некоторое время жили в палатках и казармах, кормились из солдатских кухонь. Именно после этого, когда начали застраивать пожарища, было взведено по заказу А.С.Апраксина здание Малого театра, более знакомого нам как БДТ. По его же поручению вновь был отстроен и Апраксин двор.

Пожары продолжались и в начале XX века. Да еще какие! Например, в центре города, 11 июля 1916 года, сгорел Исаакиевский плашкоутный мост через Неву. Впервые этот мост был наведен в 1727 году. С 1732 года мост наводился уже ежегодно (на Адмиралтейской и Университетской набережных до сих пор сохранились береговые устои этого моста). Для того, чтобы понять, почему пожар оставил яркое впечатление в памяти петербуржцев, нужно вспомнить, что мост был деревянным плашкоутным (перекинутым с одной баржи-плашкоута на другую). Искра от проходившего буксира попала на плашкоут, в котором хранился запас керосина для освещения моста. Загоревшись множеством мелких костров, мост поплыл вниз по Неве.

Рассказ о пожарах и тех, кто в Санкт-Петербурге с ними боролся не щадя живота своего в прошлом, настоящем и, к сожалению,

нию, и в будущем легко может перерасти в большую и серьезную книгу.

Можно поведать читателям о создании еще в середине прошлого века системы оповещения о пожаре, и о создании первого огнетушителя в начале XX века из пивной пены. Борьба с пожарами – это свой мир, сложный, а главное – требующий наиболее трудного героизма – ежедневного, не в один присест, а *всю жизнь*.

Сегодняшние пожарные машины мало похожи на те конные экипажи, о которых сказано выше. Они завывают сиренами, оснащены проблесковыми маячками. Но везут они мужчин из того же человеческого материала, что и в прошлом. С этой точки зрения опустошительные пожары XVIII и XIX веков соединены единой исторической нитью с трагедиями пожаров блокадного Ленинграда, ликвидации Чернобыльской аварии XX века, гнолтзма растянутого на всю историю, даже если она оказывается и недостаточно длинной... – всего 300 с небольшим лет.

Когда не было асфальта

В Санкт-Петербурге исторически сложилось несколько систем укладки мостовых.

Самыми популярными были булыжные мостовые. Их наиболее широко строили, и были они самым употребительным типом из-за дешевизны, но не из-за удобства. Мощение улиц булыжником началось после начала строительства первых городских зданий Санкт-Петербурга. 24 октября 1714 года Петр I издал указ о привозе на речных судах и сухим путем на возах приезжающим в Санкт-Петербург по определенному числу диких камней. С каждого воза взималось по три камня весом не менее пяти фунтов каждый (по два килограмма), а с речного судна – до тридцати камней весом по десять фунтов. Невыполнение указа подкреплялось угрозой штрафа в размере гривны за каждый недостающий булыжник. Царский указ о «диких камнях» был отменен только в 1778 году. Мощение главных улиц камнем было начато в 1716 году и окончено только в 1787 году.

Опыт оказался вполне успешным и даже в конце XIX века основная часть улиц (кроме центральных) сохраняли булыжное покрытие.

Асфальтовые, появившиеся в городе с 1838 года, когда кирпичный тротуар у Исаакиевского собора, со стороны Синего моста был покрыт новым материалом. В 1840 году асфальтом залили Полицейский мост на Невском проспекте. Опыт асфальтирования был продолжен, но без особого успеха. К концу XIX века эти работы были завершены на Конюшенной, на Екатерининской (где дом Министерства юстиции), по правой стороне Фонтанки (от цирка Чинизелли до Летнего сада).

30 октября (11 ноября) 1816 года император Александр I утвердил «Постановление о тротуарах». Тротуары должны были устраиваться «из гранитных камней или плит» шириной два аршина (чуть меньше 1,5 метров) по обеим сторонам улиц. По краям тротуаров должны были стоять единообразные столбики из гранита или чугуна. Тротуары в Петербурге существовали и до этого, но только с 1816 года у них появилась «законодательная основа».

Гранитные из прямоугольных гранитных камней тротуары, несмотря на появление указа еще Александра I, начали строить намного позднее 1816 года. Опыт строительства таких мостовых относится к 1840-м годам. Однако работы были исключительно дорогими, шли медленно. В итоге к концу XIX века столь роскошное покрытие имелось лишь на Вознесенском и Литейном проспектах.

1 сентября 1715 года был обнародован указ Петра I о запрещении петербуржцам подбивать сапоги скобами и гвоздями. Такое странное, на первый взгляд, решение, грозившее суровыми наказаниями всем не подчинившимся, было принято для сохранения деревянных мостовых молодой русской столицы. Первоначально улицы Петербурга представляли из себя просеки с канавами для отвода воды. С 1710 года на Городовом острове (это – нынешняя Петроградская сторона) начались работы по мощению дорог булыжником (для проведения этих трудоемких работ привлекались пленные шведы). Но более дешевой, и более привычной для россиян, оставалась именно деревянная мостовая – это стало особенно важно после 1718 года, когда каждый домохозяин был обязан построить и поддерживать в порядке мостовую напротив своего дома.

Позднее «деревянную» идею усовершенствовали и появилось торцевое покрытие. Оно оказалось весьма дешевым, прекрасным

звукопоглотителем и быстро монтировалось. Это покрытие предложил в 1832 году действительный статский советник В.П.Гурьев. Собственно идея продолжала технологию настила паркета и проста в осуществлении. Уже к середине XIX века торцевое покрытие (из шестигранной и четырёхугольной формы элементов) широко использовалось в центре столицы. Деревянное покрытие было сделано на Невском, Б. Морской, Дворцовой и Гагаринской (ныне наб Кутузова) набережных, и ряде центральных улиц. Однако все плюсы покрытия перекрывались тем, что после проливных дождей (не говоря уже о наводнениях) плашки всплывали и проезд по ним был возможен лишь на тракторе, которого в те времена просто не существовало. Кроме того, каждое лето мостовые чинились — шла замена испорченного покрытия. Поэтому центр столицы сто лет назад подозрительно напоминал Санкт-Петербург нынешний — весь в ремонтах, непроезжих улицах и т.д.

Наконец, столица додумалась и до чугунных мостовых. Однако они не прижились, а в виде опыта были вымощены квадратными чугунными плитами у дворца Константина Николаевича, т.е. у Мраморного и у Эрмитажа.

Шоссе́йные дороги посыпались щебнем. Такие дороги проходили вдоль Лебяжьего канала, по Каменноостровскому проспекту, Александровскому проспекту и в Петровском и Александровском парках.

Тротуары около домов делались из плитняка, обыкновенно в две плиты. Самый широкий тротуар был на Невском проспекте. Тумбы отгораживающие тротуар от мостовой, бывают или гранитные или чугунные.

Этот рассказ о покрытии улицах и мостовых говорит о постоянном стремлении города сделать их удобными для транспорта, украшающими город. Время отобрало наиболее подходящий материал. В настоящее время в городе насчитывается почти 53 млн кв. метров асфальтовых покрытий улиц и дорог, более 500 мостов, из них 20 разводных, более 150 км набережных, 7 транспортных и 11 пешеходных тоннелей, более 20 путепроводов.

Другая сторона проблемы — чистота и поддержание улиц в рабочем состоянии. Сейчас невозможно выяснить — когда стали в городе поливать улицы. Однако уже в середине XIX века городские власти распорядились, чтобы летом мостовые обязательно

поливались два раза в день: утром (часов в десять) и вечером (часа в четыре). Зимой снег сгребался в кучи и вывозился. Если же он превращался езды в лед, то дворники его скалывали специальными зубчатыми лопатами. Весною в Петербурге снег на людных улицах окончательно скалывался, и в середине марта дороги были чисты.

Вся эта захватывающая дух у современного читателя работа именовалась «треповской весной», по фамилии петербургского обер-полицмейстера Федора Федоровича Трепова. Он первый завел скалывание грязного весеннего оледеневшего снега. Причем, в центральной части города – утром и вечером! Да, да, тот самый, в которого стреляла Вера Засулич. Вообще улицы в Петербурге содержались очень чисто. Хоть и сугубо командными, административными мерами, как сейчас формулируют. Когда же Россия погрязла в Первой мировой войне и Петроград стал приближаться к революционным событиям 1917 года, улицы... стали зарастать мусором и льдом. Начало этому положил 1916 год. Одной из жертв разворачивавшейся «разрухи» стал единственный российский нобелевский лауреат – академик И.П.Павлов. 24 декабря он на гололеде упал, получил сложный перелом бедра и на оставшуюся жизнь стал прихрамывать. Видит бог, не хотел в книге ничего связывать с политическими проблемами в истории города. Да вот, через рассказ о мостовых, а все же попал...

Почта

Появление почтовой службы в России – тема особая и, конечно, интереснейшая. В отличие от Европы, в России почта потребовалась не для нужд населения *и государства*. Прежде всего, она удовлетворяла внешнеполитические нужды. Ситуация изменилась почти одновременно с основанием новой столицы, когда Россия, включаясь в европейскую политику, осуществила и реформу почтовой службы на иной манер. Большие денежные затраты на содержание почтовой системы по европейскому образцу и наличие сложившейся в прошлом системы ямской гоньбы привели к выработке ярких национальных особенностей отечественной почты. И все же, она долгие годы была для русского общества чужеродным элементом. Исключением из этого был, пожалуй, лишь Петербург, где почта быстро стала элементом жизни немалой части горожан.

Первый почтовый дом появился в Санкт-Петербурге в 1714 году, расположившись сначала у Невы, там, где ныне возвышается Мраморный дворец, откуда переместился на Миллионную. Почтовый двор, как стали именовать тот, первый дом, дал название улице Почтовой, о чем нам напоминает надпись на мраморной доске, укрепленной в 1768 году. В 1782 году Екатерина II назначила А.А. Безбородко управляющим почтовой службой, который начал строительство собственного дома на Почтамтской, куда в 1785 году переехал и Почтовый двор.

Почтовое ведомство, в силу своего особого для государственных интересов положения, было закрытым, а его служащие, вместе со всеми членами своей семьи, жили по военному порядку. В 1825 году даже вышел указ, в соответствии с которым к ведомству приписывались даже подкинутые почтальонам младенцы. Служащие носили обязательную форму.

Время от времени почтовая служба вносила примечательные изменения. Так, 1 (13) декабря 1845 года на почту поступили первые в России почтовые штемпельные конверты. А через три года, 1 (13) декабря 1848 года, у почтамта и в других местах города были установлены первые в стране почтовые ящики. Ящики были сколочены из досок и обиты листовым железом (насколько я знаю, их уже тогда начали красить в синий цвет). Согласитесь, что трудно представить себе, как можно было жить (и посылать письма), не имея конвертов и почтовых ящиков! Отправить письмо можно было только на почтамте или в одном из сорока двух пунктов приема корреспонденции в Санкт-Петербурге.

В 1903 году министр внутренних дел П.П. Дурново предложил выстроить в здании Главпочтамта большой операционный зал для публики. Построенный по проекту инженера Л.Н. Новикова, 7 февраля 1904 года такой зал был открыт, удивив своими размерами и стеклянным потолком.

Освещение улиц и иллюминации

Уличное освещение в городе начинается с 1706 года, когда Петр I повелел в честь победы под Калишем над шведами иллюминировать несколько улиц около Петропавловской крепости. Дело не обошлось лишь празднованием очередной виктории и в 1723

году по Большой перспективной дороге были установлены почти 600 фонарей, которые обслуживались особым штатом.

К концу века в Санкт-Петербурге ежевечерне зажигали 3,5 тысяч фонарей. Заполнялись они маслом, свет давали тусклый, но улицы уже не оставались во власти темноты. Кулибин создал свои фонари с рефлекторами, но они не осветили столичные улицы, хотя использовались для освещения массовых гуляний. В создании фонарей принимали участие лучшие зодчие – В.В. Растрелли, Ю.М. Фельтен, В.П. Стасов, О. Монферран, А.И. Штакеншнейдер, И.А. Фомин и другие.

С 1718 года маломощными масляными фонарями освещались только окрестности Зимнего дворца и Адмиралтейства. В первой половине XVIII века горожане по вечерам могли передвигаться по городу, нося с собой неудобные ручные фонари. По ночам нельзя было приближаться к городской заставе, не имея в руках фонаря или факела – иначе охрана могла открыть огонь. К концу XVIII века в городе было всего 7000 масляных фонарей.

Более мощным источником света стали газовые фонари. В начале 1830-х газом был освещен дом Главного штаба. В 1835 году было образовано Общество освещения газом Санкт-Петербурга, усилиями которого к 40-м годам было установлено двести фонарей вдоль Невского проспекта. Вскоре фонари появились у памятника Екатерине II, затем на Невском проспекте. Систематически стали использовать газовые фонари для освещения города с 1 (13) августа 1859 года. Потребовалось еще несколько десятилетий, прежде чем появилось электрическое уличное освещение, к которому мы так привыкли.

Опыты по использованию ламп накаливания А.Н.Лодыгина, проведенные в 1874 году, не заинтересовали отцов города. Электрическое освещение появилось в 1879 году, когда были проведены работы по использованию «свечи» П.Н. Яблочкова на Литейном мосту. К началу XX века город имел 16,5 тысяч фонарей, из которых более 2,5 тысяч – электрических. Электричество освещало Невский проспект (от Адмиралтейства до Знаменья), Дворцовую набережную (от Дворцового моста до Мошкова переулка), Большую Морскую от Главного штаба до Поцелуева моста и отсюда до Мариинского театра. Встречались немногочисленные электрические фонари при входах в дорогие магазины и рестораны.

Окраины еще долгое время освещались керосиновыми и газовыми фонарями – лишь в середине 1930-х годов они были окончательно заменены электрическими. XX век быстро совершенствовал технику уличного освещения. С 1978 года стали применяться дуговые натриевые лампы, дававшие «желтый» свет, приятный для глаза.

Ныне ежедневно с наступлением сумерек только на улицах и проездах города вспыхивают более 120 тысяч фонарей и осветительных приборов, а художественная подсветка придает неповторимый колорит многим зданиям и сооружениям. В 90-е годы появилась возможность широко использовать источники света лучших фирм Европы и Америки – «Дженерал Электрик», «Филипс», «Сименс».

Световая реконструкция привела к тому, что исторические памятники и ансамбли в вечернее время стали создавать образ потрясающего вечернего Санкт-Петербурга. В 1994 году французский город Лион подарил Санкт-Петербургу проект и часть оборудования для подсветки Эрмитажа. Затем на улицах города стали появляться современные бельгийские светильники типа «Сатурн», «Суперсатурн». Настоящим образцом освещения Санкт-Петербурга стал Вознесенский проспект, где была проведена полная реконструкция освещения с полной заменой светильников на «Суперсатурн», на Московском проспекте – вдоль парка Победы – на металлических опорах стеклянные чаши заменены на светильники «Сатурн», засияла площадь Чернышевского, где появились светильники фирмы «Сименс». Была реконструирована подсветка «Медного всадника» - символа города, Нарвских ворот, Московских ворот. Смонтирована подсветка арок Троицкого моста и дворца Дашковой на проспекте Стачек. Появилась возможность видеть новые красоты нашего города в вечернее время.

Некоторые петербургские выражения и слова

Каждому времени присущ свой жаргон, свои словечки. Они рождаются и уходят с каждым новым поколением города. Практически не осталось в архивах материалов об этом слое городской жизни. К сожалению, не сохранился язык горожан с основания Санкт-Петербурга. Лишь немногие энтузиасты-филологи оставили

нам заметки об этом. А жаль — ведь за этими словами легко можно ощутить юмор эпохи, социальные оценки и многое другое.

В XVIII веке, когда население столицы еще формировалось из разных уголков империи, шел процесс отбора слов, относившихся к своеобразному городскому жаргону, аргю. Французские, немецкие, польские слова перемешивались с говором русских городов, отчего в бытовом разговоре появлялись *бальясы, грубиян, забияка, каналья, шуровать, забобоны, шкодить, смак* и прочие.

Приводим свидетельство историка и архивиста князя М.А. Оболенского о речи горожан в конце XIX века: «В причудливой смеси европейской культуры со старым русским бытом и заключалась своеобразная прелесть старого Петербурга... И не мудрено, что Петербург имел свой говор, менее характерный, чем московский, но все-таки «свой», отличный от других. Коренные петербуржцы уже в конце XIX - начале XX века свой город в обиходе все чаще называли просто «Петербургом». Более того, такое укороченное название появилось даже на титульных листах многих книг, особенно напечатанных в частных типографиях. В устной речи вся страна спокойно может говорить «Петербург», «петербургский» (но ни в коем случае не писать «ПетербурЖский» — это неграмотно), «петербуржец», «петербуржка» и «петербурженка».

Петербургское простонародье в своем говоре избегало мягких окончаний. Говорили: «*Няня пошла гулять с детям*», или «*принесли корзину с грибам*». Даже петербургская интеллигенция в некоторых словах переняла это отвержение окончаний. Только в Петербурге говорили «сем» и «восем», вместо «семь» и «восемь».

Впрочем, это были единственные слова, в произношении которых петербуржцы больше отступали от правописания, чем москвичи и другие русские средней России. Вообще же петербургский «интеллигентский» язык ближе следовал написанию слов, чем московский. Петербуржца можно было отличить по произношению слова «что» вместо «што», «гриб» вместо «трыб», и уже, конечно, в петербургском говоре по писаному произносились «девки», «канавки», «булавки», а не «дефьки», «канафьки», «булафьки», как в московском. Некоторые неправильные обороты русской речи, заимствованные из французского и немецкого языков, были свойственны только петербуржцам. Одни только петер-

буржцы лежали «в кроватях», тогда как остальные русские ложились «в постель» или «на кровать». Горничные, отворяя дверь, говорили визитерам: «Барыня в кровати и не принимают». В хорошую погоду петербуржцы не гуляли, а «делали большие прогулки» и т. д.

Петербург был большим мастером русификации иностранных слов и выражений. Некоторые из них так и оставались достоянием одного Петербурга, другие распространялись из него по России. Я помню, как в моем детстве соперничали между собой два немецких слова, обозначавших один и тот же предмет, совершенно не существующий в Западной Европе: «форточка» и «васисдас», ставший знаменитым благодаря Пушкину. В русской речи чаще употреблялась «форточка», но по-французски всегда говорили: «Ouvrez le vassisdass». Теперь «васисдас» исчез из русского языка, а «форточка» стала общерусским словом. Еще было одно распространенное петербургское слово, теперь исчезнувшее: «фрыштыкать» (от нем. *fruhstucken* - «завтракать»). В других городах России закусывали или завтракали, а в Петербурге фрыштыкали, и лакеи с длинными седыми бакенбардами спрашивали хозяйку: «На сколько персон прикажете накрывать фрыштык?» или торжественно докладывали: «Фрыштык подан».

Некоторые из иностранных слов, ассимилированных Петербургом, как «амуниция», «полиция», «ефрейтор», «платформа» – продолжали звучать по-иностранному, а другие – «шаромыжник» (*cher ami*) («милый друг»), «шарманка», «oh, que c'est charmant» («о, как это прекрасно») – говорили наши бабушки, впервые слышавшие шарманку. «Кулебяка» (*kohl gebacken*) совсем обрусела и, если бы была живым существом, с негодованием отвергла бы свое иностранное происхождение.

Заметим также, что площадная брань каралась по закону: «Сквернословие, даже и не обращенное ни к кому лично, составляет проступок, подлежащий преследованию по 38-й статье устава о наказании, налагаемом мировым судом». Впрочем, никакие статьи законов не смогли очистить атмосферу от словесного мусора и по настоящее время.

Легко предположить, что гуляя по петербургским улицам, можно было услышать иной раз такие выражения или слова, каких

приезжий не поймет. Наиболее колоритные слова и фразы, бывшие в ходу на рубеже XIX–XX веков читатель найдет в конце этого раздела. И все же невозможно восстановить словечки и обороты, бывшие в ходу у наших предков. Какие-то из них безвозвратно канули в Лету, другие оказались явными долгожителями, сохранившись до нашего времени.

Питерские словечки XIX–XX веков

Архангелы – городовые и жандармы.

Александринка – Александрийский театр.

Аблакат, дровокат, брехун – адвокат.

Букиврот – бутерброд. В устной речи «буки» означало нечто неизвестное. Поэтому выражение означало, что бутерброд неведомо с чем. Газета «Петербургский листок» 11 июня 1892 года с удовольствием подтверждала эту версию, когда с возмущением писала: «потребителей часто угощают «бутербродами»... весьма и весьма сомнительного качества».

Вейка, сатана-пёргала, ливки (т.е. сливки) – финны. (от финск. *veikko* – друг, брат). Вейками назывались те финны, «чухонцы», которые приезжали в Петербург перед Масленой и в течение недели возили жителей столицы. Звук бубенчиков, вид их сытых и резвых лошадок веселил строгие улицы столицы. Сатана-пёргала (от финск. – *Saataka, perkele!*) – сатана, дьявол.

«Вяземская лавра» – участок в южной части Сенной площади, принадлежавший князю Вяземскому, вдоль Забалканского (ныне Московского) проспекта, превратился в место обитания петербургского дна и получил ироническую кличку «Вяземская лавра».

Гужеед, желтоглазый – извозчик. У «ванек» исконными врагами были ломовые извозчики, никогда никому не уступавшие дороги («ванек» они презрительно обзывали «гужееды», «гужом подавился!»). Гуж – кожаная петля для крепления конца дуги к оглобле. На блатном языке легковой извозчик – гужбан. В 1775 году вышел указ, по которому извозчикам следовало обязательно красить экипажи в желтый цвет, свято выполнявшийся. Название «желтоглазого» и сохранил петербургский «Ванька» до начала XX века.

Енот из-под ворот – худой мех, собачий по преимуществу.

Елбот – ялик; большие неуклюжие калоши.

Зайцы – мелкие биржевые маклеры.

Золотари – рабочие, очищающие туалеты, ассенизаторы.

Золоторотцы – бездомные оборванцы, бродяги. На них устраивали облавы и препровождали в полицию. При этом у одного из городских всегда имелась книга, в которой записывались задержанные. Поэтому говорили: «певчие с нотами идут».

Зоология – «Зоологический сад» Эрнеста Роста. Имеется в виду не зоосад, а увеселительное заведение под одноименным названием «Зоологический сад», открытое купцом Э. Ростом в 1870-х гг. в Александровском парке.

Кадет – то же, что золоторотец; вяземский кадет. Вяземский кадет – кличка обитателей Вяземской лавры. Кадет – новичок в преступном мире. На воровском языке кадет – неопытный, молодой сыщик.

Катенька – сторублевая ассигнация с портретом Екатерины II.

Кутузка – участок.

Казенная квартира – часть или участок.

Крючок – всякий полицейский чин.

Кукуевец – железнодорожный инженер. Такое прозвание они получили после катастрофы на кукуевской насыпи Московско-Курской железной дороги.

Кум – близкий друг кухарок из солдат или пожарных.

Кононовка – Зал Кононова (наб. Мойки, 61), где с 1860 г. устраивались благотворительные вечера, концерты, давались спектакли.

Крыса – интендантский чиновник.

Конка, коннозвонилка – вагон конно-железной дороги.

Кукушка – маленькая общественная каретка.

Лайба – чухонец; преимущественно чухны-матросы.

Лыжи – бывшие одно время в моде сапоги с очень длинными и очень узкими носками.

Мирошка – мировой судья.

Малчык – армянин, перс, вообще восточный человек.

Маскарад – баня.

Машина – орган в трактирах. Действительно – включи – и случай.

Ночевать под шарами – т. е. попасть в часть. В конце XIX в. город делился на 12 административных частей, в каждой из которых был съезжий дом, где находились полиция и пожарные; над зданием возвышалась каланча с сигнальными шарами.

Общедоступка – увеселительное заведение невысокого разряда на Фонтанке, так называемый «Зал общедоступных увеселений».

Обормоты – обормоты.

Остров – сокращенное название Васильевского острова.

Околодырь – околотовный полицейский надзиратель.

Пушка, часы по пушке – в 12 часов дня в крепости палит пушка.

Пирог – форменная треугольная шляпа у чиновников.

Растеряция – ресторан. В заведениях сомнительного свойства легко можно было потерять немалые деньги за столь же сомнительные услуги, особенно, если клиент любил горячительные напитки.

Сам-кроше – папиросы скверного качества (сам крошил табак). *Регалия капустиссима* – скверные сигары.

Самовары – каски кирасирских полков и пожарных.

Спиридоны-повороты – бродяги, высылаемые из Петербурга и самовольно возвращавшиеся в Петербург.

Селедка – шапка у полицейских.

Стеклянная библиотека – погребок, кабак.

Стрелок – разновидность нищего; означал также первую ступень профессионального воровства. Блестящее описание людей этой «профессии» оставил А.И.Куприн в рассказе «С улицы».

Тарантир – трактир. В Петербурге бытовало еще одно прозвание трактира (шире – питейного заведения) – «капернаум» (Капернаум – селение на берегу Галилейского моря, вблизи которого Христос произнес Нагорную Проповедь). На воровском языке («блатной музыке») трактир – канна, от библейского места Кана, где Христос сотворил первое чудо – претворение воды в вино.

Фараон – факельщик, а также городской. Чины полиции на тюремном жаргоне носили кличку «фараоново племя». Пристав величался «фараоном», околотовный надзиратель – «серым бароном», городской – «духом», помощник пристава – «антихристом».

Целкач – целковый, один рубль.

Чинодраль – чиновник.

Штатские юнкера – ученики Лицея и Училища правоведения.

Праздники, бытовые детали и случаи

Пасха – главный праздник всех христиан, включая православных, которые отмечают ее по старому календарю. Принято считать, что в старину, в чиновном Петербурге Пасха праздновалась не так душевно как в остальной России. Действительно, главной особенностью петербургской Пасхи были многочисленные поздравительные визиты чиновников к своим начальникам. Кроме этого, с Пасхой в Петербурге связаны два обычая. Во-первых, обычно на Пасху начиналась навигация на Неве, а во-вторых, как и во всей остальной России на Пасху играли свадьбы. Если венчания в дворянских семьях обычно проходили тихо, в домовых церквях, то купцы играли свадьбы шумно, с кутежами в самых роскошных ресторанах.

Время от Рождества до Крещения в России исстари зовется «святками». Этнографы считают, что этот праздник, приуроченный к зимнему солнцестоянию (по старому стилю), был связан с языческим культом солнца, берущим начало еще в дохристианской истории наших предков. Если так, то святки должны отмечаться только по новому стилю, поскольку зимнее солнцестояние неподвластно переменам в календаре и приходится на конец года. Так или иначе, наши сельские предки радовались началу нового солнечного цикла и увеличению светового дня, сулившему в грядущем году плодородие земли и скота. С этой искренней радостью было связано все то веселье, которому предавались наши предки после Рождества. Это – и гадание, и игрища с переодеванием в святочные вечера, и «калядование» (пение «калядок» ряжеными парнями и девушками в обмен на угощение от соседей)...

Увы, Петербург, как самый европейский город России и столица с устоявшимися чиновничьими традициями, был самым не-святочным городом страны. Простой народ привозил с собой сельские обычаи празднования святок, но в городских условиях они быстро забывались. Любопытные попытки восстановления русских святочных обычаев предпринимала немка Екатерина II, но понимала ли она суть игр и плясок – остается загадкой.

В XIX веке в высших слоях общества сохранились только маскарады, да и те не отличались большой оригинальностью.

Самым распространенным зимним развлечением до революции в Петербурге были катания с ледяных гор во время масленицы. Ледяные горы обычно строили на Охте, на Крестовском острове, около Смольного собора, на Фонтанке, возле Адмиралтейства и на Неве, перед дворцом. Каталые горы были двухсторонние, «строились высоты немалой, и простой народ катался с них на саях и на ледянках». Около Александровской колонны на Дворцовой площади стояли самые высокие в Санкт-Петербурге катальные масленичные горки. Обычно их было две — по обе стороны колонны.

Двадцатый век не пощадил даже этих остатков старинных обычаев. Впрочем, появлялись новые. Так, Международный женский день отметили в Санкт-Петербурге в 1913 году под названием «праздником русских суфражисток». Речь шла о движении суфражисток — женщин, боровшихся за политическое равноправие.

Праздники XX века

Советская история круто изменила традиции праздников, привнесла новые. Борьба с религией привела не просто к отмене церковных праздников, но и запрету даже новогодних елок. Формирование тоталитарной системы превратило праздники с демонстрацией преданности режиму, партийным лидерам и т.д. В сущности это весьма узнаваемые черты, если обратиться к этой теме на примере Германии, Китая, Кореи и еще многих других стран, переживших ту же систему.

Центром таких празднований в Ленинграде всегда была Дворцовая площадь, куда направлялись многочисленные демонстрации, проходившие мимо специальных трибун, располагавшихся у Эрмитажа. При этом через громкоговорители без остановки штатный диктор приветствовал демонстрантов от того или иного района города, предприятия, произносил официально утвержденные здравицы. Однако мало кто знает, что эти трибуны до начала 1930-х годов *постоянно* размещались у Эрмитажа, уродуя ансамбль площади. Чтобы избавиться от этого, директором Эрмитажа И.А. Орбели была предложена конструкция разборной трибуны, которая быстро собиралась для праздника, а затем ее разбирали. На долю Иосифа Абгаровича выпало немало трудных дел, особен-

но в блокаду, когда пришлось спасать эрмитажные сокровища. Но история с трибунами – поступок человека, горячо любившего этот город и дело, которому посвятил жизнь, уважая и свою честь.

В постсоветские годы в организации праздников заметны попытки использовать традиции прошлого – массовые гуляния, салюты. С Западной Европы пришли пивные шоу, слабо, но чем-то напоминающие коронационные праздники, с раздачей населению разнообразной еды, сооружением фонтанов с вином и водкой. Нынешние праздники вышли из политической орбиты, никто ничего не *должен* демонстрировать – просто, празднуй, поднимай настроение свое и друзей. Великолепной оправой стала освещение исторического центра Петербурга, мостов, набережных.

В Петербурге сохранены некоторые праздничные традиции былой России. С начала XVIII века и поныне, он празднует день своего рождения – 27 мая по новому стилю. Празднование Нового года в ночь на 1 января также идет с петровских времен. Много и иных праздников создал град основателя. Ежегодно 27 января вспоминают прорыв блокады. Это, возможно, не праздник, а скорее день памяти. Его в 2008 году отметили не только в Петербурге, по России, но и за границей. Собрались блокадники и в Тель-Авиве, где немало и наших земляков, переживших ужас блокады.

Виват! Виват! Виват, Санкт-Петербург!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились лишь с некоторыми гранями новационной истории Санкт-Петербурга. Божественная Клио, покровительствующая истории, отметила Санкт-Петербург не только как столицу обширнейшего на планете государства, сосредоточие культурной, научной и технической жизни Российской империи. Он должен был постоянно компенсировать неповоротливость, неспешность жизни государства, вальяжно разлегшегося на трех континентах. Город стал своеобразной экспериментальной площадкой для многих новаций в самых разных областях, которых Россия не ведала ранее. При этом непременно будем помнить, что нередко новшества, изобретения и открытия были порождены не только пытливостью и любознательностью петербуржцев-россиян. Особая география Петербурга, постоянно диктовала его близость к культурным и научным центра Европы, да и всего мира. Страна до основания города долгое время жила в состоянии обособленности и, несмотря на отдельные проявления технической и научной мысли, не смогла создать атмосферу новационности.

К этому мы также непременно добавим и огромное значение создания сложной и весьма разветвленной системы социально-экономических и научно-культурных «несущих конструкций» этой новационности. В этом обширном ряду – и система образования, просвещения, развития научных исследований. Все то, что на условном языке мы относим к душе Петербурга, его традициям и даже шарму. Все это также находило в разные эпохи свое проявление и высоко оценивалось далеко не только в далеком или более близком зарубежье. Оно высоко ценилось и в самой России, имевшей все основания гордиться своей столицей.

Несмотря на внешнюю импозантность, деловитость, даже консерватизм, Санкт-Петербург всегда с интересом впитывал новые идеи, проекты, технические решения. Его градостроительный план выбрал самые новаторские идеи своего времени. В течение двух веков столичной судьбы шел трудный процесс отбора наиболее красивого архитектурного облика. Строились дворцы, особняки, здания, парки, сады. И неважно, из какого материала – из дерева, камня, с мраморной или еще какой-либо иной облицовкой строились новые здания. Если стилистика постройки не соответ-

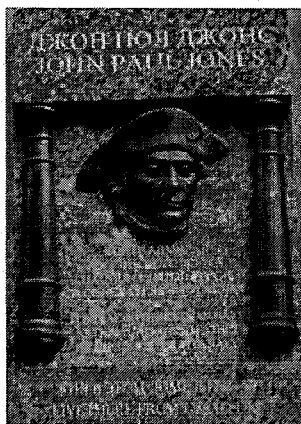
вовала общегородской, здание переделывалось или на его месте возводилось другое. Современный архитектурный облик исторического центра города – результат постоянного отбора наиболее интересного, оригинального, одновременно составляющего единое целое – то, что мы и подразумеваем, когда произносим название города – Санкт-Петербург.

Город с азартным интересом относился к появлению многочисленных технических новинок – от уличных фонарей до полетов самолетов, от первых автомобилей до радио и телевидения. В этом ряду просто невозможно даже перечислить все новинки науки, техники, с которыми постепенно знакомились петербуржцы, а затем и жители других городов. Ставший интеллектуальной столицей, Петербург привлекал наиболее энергичных, образованных и талантливых людей. Здесь их качества оказывались нередко наиболее востребованными, а идеи и предложения имели больше шансов на реализацию.

Ко многому в истории города мы не смогли даже прикоснуться. Ведь Петербург, на правах столицы, был дипломатом. Здесь располагались многочисленные посольства, сюда с официальными (и неофициальными) визитами приезжали первые лица большого числа государств. Сюда сходились сложные переплетения международных отношений. Очень немного известно нам и о реальной жизни аристократического высшего света столицы. Впрочем, мы также мало знаем и о жизни других слоев населения. Остались мемуары, письма, архивы отдельных выдающихся наших земляков. А ведь в городе жили и просто честные, порядочные люди, в семьях которых, кстати, и вырастали те самые выдающиеся таланты.

Мы практически не затронули жизнь Петербурга в его военном качестве. А ведь здесь не только располагались высшие структуры управления вооруженными силами страны. Многие сооружения города – памятники военной истории России. Сам Петербург – своеобразный памятник Северной войне. В его историю впились имена лучших полководцев страны. По его мостовым и набережным ходили герои всех войн, которые вела Россия, известные в отечественной и мировой истории и совершенно безымянные люди. Жили и ходили по петербургским улицам и перспективам немало интересных иностранцев – многочисленные коронованные

особы, президенты и премьер-министры, знаменитейшие философы Европы, ученые и художники. Среди этого великого множества иностранных гостей был и знаменитейший американец Джон Пол Джонс из Фредериксберга. Он прочно вошел в историю США оставив в ней череду блестящих морских побед. Джонс стал основателем ВМФ США, был ближайшим сподвижником и другом Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона. Этот человек был *автором* американского флага, и *соавтором* конституции, близким другом А.В. Суворова и, волею императрицы Екатерины II, контр-адмиралом российского флота, принявшим православие и казацкую присягу. В который раз мы встречаемся с переплетением истории Санкт-Петербурга и историей других стран, США, в частности. На доме, где он жил, угол улиц Гороховой и Большой Морской, к 300-летию города была установлена мемориальная доска с барельефом.

Этот город уникален своей исторически давно сложившейся веротерпимостью. В нем действуют не только православные храмы, но и практически все мировые религии. Особая тема – его отношения с крупными городами мира, своеобразная дипломатия городов.

В Питере, по мере его развития, увеличения населения, постепенно определялись проблемы, которые впоследствии становились общими для других крупных городов. Это касалось его повседневных нужд – воды, транспорта, чистоты, поддержания экологического и общественного порядка. Именно здесь задумывались проекты М.М. Сперанского, пытавшегося отвернуть самодержавную систему от тупикового развития. В Санкт-Петербурге принимались принципиально важные решения, обозначившие реформы С.Ю. Витте, П.А. Столыпина – государственных деятелей, в жизни и деятельности которых талант на российский манер переплелся с элементами личной драмы, яркие взлеты с падениями.

Здесь совершились самые громкие события 1917 года, в которых участвовали люди, персонифицировавшие самую разнообраз-

ную Россию — консервативную, радикальную, религиозную и атеистическую. Настолько разную, что эти события разразились трагедией гражданской войны. Блокадная эпопея еще сохраняет немало «белых пятен». Впрочем, белым цветом выкрашены многие страницы в отечественной истории или покрыты фальшивой позолотой и лаком. Однако если мы любим этот город, то непременно лучше узнаем и его богатое прошлое.

Советский период его истории, несмотря на провинциальный характер его статуса, не смог отнять его творческого своеобразия, постоянной тяги к новизне. Город продолжать напряженно работать, творить и созидать. И в громких делах страны, оставшихся в XX веке есть заметный вклад петербуржцев. Освоение космоса, ядерной энергии, достижения в области электроники, кораблестроения и авиации — практически всех составляющих научно-технической революции, которую столь бурно переживала вся страна, имели и свои петербургские адреса и имена.

Книга, которую держите в руках, предложила вашему вниманию лишь первое знакомство с этим удивительным городом. Мы далеко не обо всем, что следовало бы, даже смогли упомянуть. В стороне осталась многоконфессиональная жизнь города, развитие его отношений в городами-побратимами. Куда больше, возможно, следовало рассказать и о сегодняшнем Санкт-Петербурге. Особых страниц заслуживают страницы его трагической истории в годы репрессий и Великой Отечественной войны. Многие уже раскрыты в многочисленных книгах по этой тематике. Но не меньше еще ждет своих исследователей. Здесь творили и мечтали удивительные люди, память о которых начинает понемногу стираться. Поэтому и тут перед историками культуры, науки, техники еще непочатый край интереснейших открытий, работы.

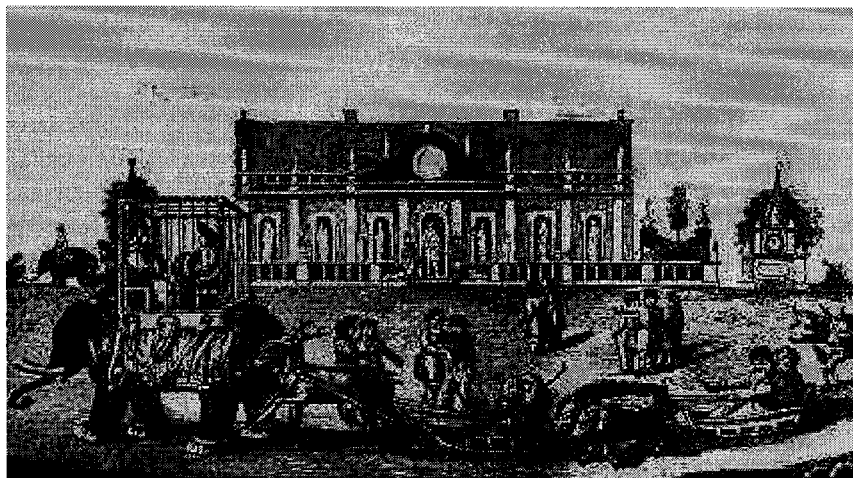
Впрочем, город и в начале XXI века, по-прежнему, работает и творит на острие достижений науки, техники, культуры. Это воистину город с удивительной историей и, будем уверены в этом — от самого своего основания устремленный в будущее. Попрощаемся с нашей спутницей, так много помнящей Клио. До следующих встреч, Санкт-Петербург — героический, волшебный и прекрасный. И вечно обновляемый, украшаемый и любимый его обитателями.

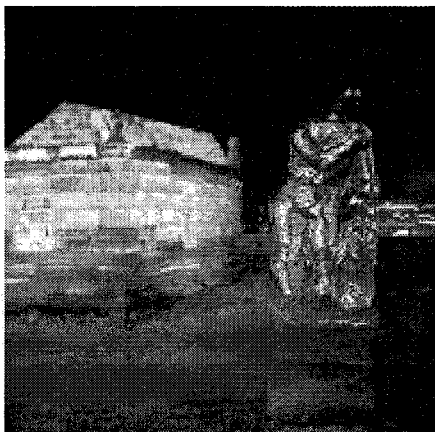
* * *

О ледяном доме мы упомянули в начале книги. Им и завершим.

Тот дом, из XVIII века, был собран с изяществом — это видно и по гравюрам тех времен. Фасад его имел длину около 16 метров, ширину — примерно пять метров и высоту — около шести метров. Кругом всей крыши тянулась галерея, украшенная столбами и статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на две большие половины. В каждой по две комнаты: в одной — гостиная и буфет, в другой — туалет и спальня. В комнаты свет попадал через окна со стеклами из тончайшего льда! За ледяными стеклами стояли писанные на полотне «смешные картины». Освещались они по ночам изнутри множеством свечей.

Перед домом были выставлены шесть ледяных трехфунтовых пушек и две двухпудовые мортиры, из которых не один раз стреляли! Все это — сделано из льда. У ворот, сделанных тоже из льда, красовались два ледяных дельфина, выбрасывавших из челюстей с помощью насосов огонь из зажженной нефти. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ледяных ветках сидели ледяные птицы. По сторонам дома возвышались две остроконечные четырехугольные пирамиды. Внутри пирамид висели большие восьмиугольные фонари. Ночью в пирамиды влезали люди и поворачивали светящиеся фонари перед окнами — к удовольствию постоянно толпившихся зрителей.

По правую сторону дома стоял в натуральную величину ледяной слон с ледяным персиянином, сидевшим на нем верхом. Днем слон выбрасывал на 4 метра фонтан, а ночью к вящему восторгу петербуржцев выпускал факел из горящей нефти. В одной из комнат стояли два зеркала, туалетный стол, несколько подсвечников, большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами.

В другой комнате стоял стол резной работы, два дивана, два кресла и резной поставец, в котором находилась чайная посуда — стаканы, рюмки и блюда. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов. А на столе стояли большие часы и лежали карты. Все эти вещи весьма искусно сделаны из льда, тонированным в разные цвета. Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели. Более того, при Ледяном Доме по русскому обычаю была выстроена ледовая же баня! Ее несколько раз растапливали и охотники могли в ней даже париться!

А это — то, что создал ХХI век. И здание есть, и Геракла изобразили у колонн. Даже мортирку выточили. И установили у Зимнего дворца. Почти... как тогда. Но не смогли «одолеть» мастеров прошлого. Хоть и не развесили вездесущую рекламу. Нынче так часто хотят попасть в смешную, нередко отдающую дурновкусией, книгу рекордов пивного короля «Гиннеса». А ведь тот «ледяной дворец» сделали на потеху. Мимоходом. Сколько же настоящих рекордов было в российской истории, а не в книге пивного поителя! Ныне забытых, достигнутых неизвестными талантами. Ведь между нами — без малого три столетия. Мы ушли дальше, выше. Но даже в этом случае — урок для нас. Если забудем, потом трудно восстановить. Чтобы найти что-то уже бывшее, случавшееся, надо «бросить» вперед, в будущее. Уж как много в настоящем и будущем мы можем отыскать в прошлом страны, Петербурга

в частности. Через год нечто похожее Питеру подарили соседи из Швеции. Только дом уже поставили у Петропавловской крепости.

Да что – «ледяной дворец»? В том же XVIII веке в России уже были думы и том, как взлететь, по морям ходить быстрее, считать лучше, бороться с болезнями надежнее. Это и сегодняшние наши думы, ибо все это – часть и нашей жизни. Прогресс во всем быстро набирает скорость. С калейдоскопической быстротой в России и в Петербурге сменялся один за другим архитектурный стиль и моды, одна техническая новинка за другой. По мере приближения истории к XX веку одно открытие следовало за другим. Кажется в начале прошлого столетия было сказкой взлететь на первых самолетах. Прошло чуть больше половины столетия и состоялся полет в космос. И за всем этим мы легко ощутим мощные плечи и руки предыдущих поколений, поддерживающие новационный бег Петербурга в будущее.

Как же важно и в этой продолжающейся гонке не забыть то, что сделали наши предки, предыдущие поколения. Как часто история подсказывает что-то полезное из предыдущего опыта. Предостерегает от повторения ошибок и заблуждений прошлого. Быть «иванами, не помнящими родства», возможно, один из лучших способов перекрыть и наше будущее, которое непременно должно иметь гуманистический смысл, образцы которого также дает петербургская история.

Сохраним же эстафету новаций России, Петербурга. Его мастерам и первопроходцам. Будем помнить их дела и новации.

Виват Питеру!

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	4
Введение	13
Санкт-Петербург – столичный	23
Не с пустого места началось	26
Кочевая жизнь императоров	29
Чиновная столица	31
Банки, бумажные деньги	34
Юбилеи, праздники, фейерверки	37
«Сердце под ногтем мизинца»	40
Высшая власть – это... опасно	42
Иная судьба града Петра	47
Блокада, боль наша	50
Санкт-Петербург – архитектурный	59
Клио, Янус и архитектура	59
Простора! Еще простора!	62
Морское лицо Санкт-Петербурга	66
Родственник за океаном, а мы не знали!	67
Однофамильцы или самозванцы?	74
Архитектурно-скульптурное обрамление	77
Может символ империи – «Медный всадник»?	79
Так нужно жилье	83
Санкт-Петербург – культурный	89
«Реляции», «Ведомости», буквари, правила этикета	90
Книги, газеты, предпринимательство	94
Виды города	100
Власть без культуры, культура без власти	102
Картечью – по «Медному всаднику»	104
Легкое, трудное, неожиданное, вечное, мгновенное	106
Санкт-Петербург – просветительный	109
Нужны не парики, а УМЫ	110
Вольное экономическое общество и просвещение	111
Народные дома – это... интересно!	113
Муки среднего образования	114
Империя на службе Просвещения	116
Если есть образование, зачем просвещение?	118
Просвещение общественности... или наоборот?	120
Власть и просвещение в XX веке	123
Возникновение Общества «Знание»	124
Санкт-Петербург – научно-технический	127
Зарождение отечественной науки	128
Академия Наук	130
Сами с усами	131
Учимся не только в Европах	132

Науки инженерного и строительного искусства	134
В эмпириях и в жизни	136
Русское географическое общество	138
Вольное экономическое общество и агрокультура	140
Ноты фарфора	143
Астрономическая столица мира	144
Флот: паруса, древесина... А дальше?	147
В век стали и пара. Машины, машины	152
Погреемся!	154
Электрическая мода	155
Вот бы взлететь!	157
Электрический век	160
Счетная техника	162
Не вижу, но слышу	163
Волшебное слово – радио	165
Телевизор из Петербурга	166
Медицина новационная	168
Защитник России	174
Санкт-Петербург – метеорологический	179
Наводнения – страсти петербургские	180
Первые шаги научной метеорологии	185
Создание системы метеорологических наблюдений	188
А.И. Воейков – рыцарь метеорологии	193
Петербургский вклад в создание Гидрометеорологической службы страны	195
Санкт-Петербург – экологический	201
За срубленное дерево можно и жизни лишиться	203
Щепки – в костер, а не в канал	207
Столица, а воду носим ведрами	211
П.А. Столыпин, вода и экологическая безопасность	214
Природе хуже! Что делать?	217
Подумаем о прошлом ради нашего будущего	220
Власть – новая, природа – прежняя	225
Кран есть, но вода похуже	227
Живая зелень прошлого	230
Чтобы жить – на каждого не меньше 10 м ² зелени	234
Петербург, желающий зеленеть	238
Куда деть мусор?	240
Подышим... от выхлопной трубы	242
Экологические проблемы Санкт-Петербурга XXI века	243
Будем экоЛОЖИТЬ	246
Санкт-Петербург – повседневный	248
За раками на Мойку	249
Героические ямщики	251
Н-но, милая, поехали!	252
Чудо-кони!	254
Колеса устраивают революцию	257

А какие пожары были — ого-го!	264
Когда не было асфальта	270
Почта	273
Освещение улиц и иллюминации	274
Некоторые петербургские выражения и слова	276
Питерские словечки XIX–XX веков	279
Праздники, бытовые детали и случаи	282
Праздники XX века	283
Заключение	285

Соколов Валерий Владимирович

НОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ В ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(С ОСНОВАНИЯ И ДО НАШИХ ДНЕЙ)

*Редактор И.Г. Максимова
Компьютерная верстка Н.И. Афанасьевой*

ЛР № 020309 от 30.19.96.

Подписано в печать 14.11.08. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 250 экз. Заказ № 10/09.
РГМУ, 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 98.
ЗАО «НПП «Система», 197045, Санкт-Петербург, Ушаковская наб., 17/1.

193-60